

Министерство культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации
Федеральное агентство по культуре и кинематографии Российской Федерации
Пермский государственный институт искусства и культуры

На правах рукописи

Балева Милена Валерьевна

**ПОЛИМОДАЛЬНОЕ Я: ЭТНИЧЕСКИЙ И КРОССКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ УДМУРТСКИХ И РУССКИХ СТУДЕНТОВ)**

19. 00. 01 – Общая психология,
психология личности, история психологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель –
доктор психологических наук,
профессор Л. Я. Дорфман

Пермь 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА Я: ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ, ЭТНИЧЕСКИЕ И КРОССКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ	12
1.1. Проблема Я в психологии	12
1.1.1. Значения Я	13
1.1.2. Интеграция против дезинтеграции	24
1.1.3. Многоаспектность против унитарности	28
1.2. Полимодальный подход к Я–концепции с позиций концепции метаиндивидуального мира	35
1.2.1. Метаиндивидуальный мир	35
1.2.2. Полимодальное Я	40
1.3. Я–концепция в этническом и кросскультурном аспектах	44
1.3.1. Этнический подход к Я–концепции	45
1.3.2. Кросскультурный подход к Я–концепции	55
1.4. Проблема, цель и задачи, объект и предмет исследования	61
1.4.1. Проблема	61
1.4.2. Цель и задачи исследования	64
1.4.3. Объект и предмет исследования	64
1.5. Предпосылки и исследовательские гипотезы	65
1.5.1. Конструкт этнического Я	65
1.5.2. Круговая структура этнического Я	66
1.5.3. Этническое Я как фактор изменения полимодального Я и аффилиативных мотивов	69
1.5.4. Кросскультурные различия как фактор изменения полимодального Я и аффилиативных мотивов	71
1.5.5. Интегративный подход	76
1.5.6. Исследовательские гипотезы	76

ГЛАВА II. ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ	80
2.1. Общая схема исследования	80
2.2. Участницы	81
2.3. Вопросники	81
2.3.1. Пермский вопросник Я	81
2.3.2. Пермский вопросник этнического Я	82
2.3.3. Вопросники мотивов аффилиации	84
2.4. Процедура, исследовательский дизайн, анализ данных	86
2.4.1. Процедура	86
2.4.2. Исследовательский дизайн	86
2.4.3. Анализ данных	87
 ГЛАВА III. УДМУРТСКИЕ И РУССКИЕ СТУДЕНТКИ: ЭТНИЧЕСКИЕ И КРОССКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ	 92
3.1. Структура этнического Я	93
3.1.1. Биполярные категории этнического Я	93
3.1.2. Круговая структура этнического Я	96
3.1.3. Промежуточные выводы	100
3.2. Эффекты этнического Я	100
3.2.1. Полимодальное Я	100
3.2.2. Межличностные аффилиативные мотивы	103
3.2.3. Этноаффилиативные мотивы	111
3.2.4. Промежуточные выводы	116
3.3. Удмуртские и русские студентки: кросскультурные различия	116
3.3.1. Полимодальное Я	116
3.3.2. Межличностные аффилиативные мотивы	119
3.3.3. Промежуточные выводы	122
3.4. Этнические и кросскультурные взаимодействия	122
3.4.1. Полимодальное Я	122
3.4.2. Межличностные аффилиативные мотивы	127

3.4.3. Промежуточные выводы	130
3.5. Этно-кросскультурная интегративная модель Я–концепции	130
3.5.1. Состав гипотетических моделей	131
3.5.2. Пригодность гипотетических моделей	132
3.5.3. Эмпирические модели: состав и каузально-подобные пути	133
3.5.4. Промежуточные выводы	135
ОБСУЖДЕНИЕ	136
ВЫВОДЫ	153
ЛИТЕРАТУРА	155
ПРИЛОЖЕНИЯ	170

ВВЕДЕНИЕ

Проблема Я–концепции является одной из центральных в общей психологии и психологии личности. Несмотря на огромный поток работ, понимание Я–концепции – ее природы, строения, функций, социальных и культурных аспектов, особенностей проявления в различных сферах жизнедеятельности человека и в его отношениях с другими людьми – нуждается в дальнейшем изучении и осмыслении. Недостаточно разработанными являются также представления об этнических и кросскультурных аспектах Я–концепции. Эта проблема имеет большое теоретическое значение, но также она важна для решения прикладных задач в области культуры, образования, национальной политики.

Актуальность проблемы. До сих пор этнический и кросскультурный аспекты Я–концепции изучались, как правило, разрозненно. В последнее время в этой области исследований наметились интегративные тенденции, однако они выражены достаточно слабо. Например, Хотинец (1999, 2000а, 2000б) применила интегральный подход к изучению особенностей этнического самосознания. Выскочил (2003) исследовала идентичность, интегрируя ее этнический и кросскультурный аспекты. Таких исследований весьма немного, и их предметом являются скорее смежные феномены, чем собственно Я–концепция.

Для того чтобы понять и раскрыть механизмы интеграции этнических и кросскультурных аспектов Я–концепции, необходимо саму Я–концепцию рассматривать как интегральное образование. Такая перспектива намечается с позиций концепции метаиндивидуального мира и концептуальной модели полимодального Я (Дорфман, 1993, 1997, 1998, 2002, 2004а, 2004б), а также концепции метаиндивидуального этнического мира (Хотинец, 1999, 2000а, 2000б). С этих позиций проблема Я–концепции ставилась и изучалась в

кросскультурном аспекте (Будалина, Хотинец 2004). Полимодальное Я изучалось в связи с особенностями личности (Дорфман, 2002; Дорфман, Быков, Гольдберг, 2000; Дорфман, Зворыгина, Калинина, 2000; Дорфман, Ковалева, 2000; Дорфман, Соболева, 2000; Дорфман, Феногентова, 2000; Дорфман, Феногентова, Дзюба, 2000; Dorfman, Vartanian, Martindale, Goldberg, Bykov, & Vedrov, 2000). Однако проблема этно-кросскультурных особенностей Я-концепции не ставилась и не изучалась.

В литературе имеются данные об аффилиативных мотивах как важнейшей характеристике личности, объясняющей ее привязанность к «своей» этнической группе, и как факторе кросскультурных различий (Высочин, 2003; Вяткин, Хотинец, 1996; Козлова, 2000; Пибоди, Шмелев, Андреева, Граменицкий, 1993; Пименов, 1977; Солдатова, 1998; Хотинец, 2000; Kaplan, 1961). Однако не изучались этнический и кросскультурный аспекты Я-концепции в качестве детерминант аффилиативных мотивов.

Попытка восполнить обозначенные выше пробелы в области исследований этнического и кросскультурного аспектов Я-концепции определяет актуальность настоящей работы.

Целью исследования является изучение Я-концепции человека в сфере этноса и кросскультурных различий.

Объектом исследования является Я-концепция, этнический и кросскультурный факторы как ее социальные детерминанты.

Предметом исследования является этнический и кросскультурный аспекты полимодального Я и аффилиативных мотивов студентов, представителей удмуртского и русского этносов.

Методологической и теоретической основой исследования являются системный подход (Вяткин, 2000; Мерлин, 1986), концепция метаиндивидуального мира и концептуальная модель полимодального Я (Дорфман, 1993,

1997, 1998, 2002, 2004а, 2004б), концепция метаиндивидуального этнического мира (Хотинец, 1999, 2000а, 2000б).

Теоретическое значение исследования выражается в том, что предпринята попытка разработать этно-кросскультурную интегративную модель Я–концепции. Показано, что этническое Я и кросскультурные различия, полимодальное Я и аффилиативные мотивы являются не разрозненными, а образуют единую систему. Об интегративных тенденциях в этой системе можно судить, применяя три уровня анализа: на уровне этнического Я и кросскультурных различий, на уровне полимодального Я и аффилиативных мотивов, на уровне этнического Я и кросскультурных различий, приводящих к изменениям полимодального Я и аффилиативных мотивов.

Научная новизна работы выражается в том, что впервые разработан конструкт этнического Я и его круговая структура. Впервые обнаружено, что этническое Я и кросскультурные различия могут приводить к изменениям полимодального Я и аффилиативных мотивов. Разработана эмпирическая модель Я–концепции, интегрирующая ее этнический и кросскультурный аспекты.

Были поставлены четыре **задачи** исследования:

1. Разработать теоретический конструкт этнического Я и подвергнуть его эмпирическому тестированию.
2. Выяснить, приводит ли этническое Я к изменениям полимодального Я и аффилиативных мотивов.
3. Выяснить, существуют ли кросскультурные различия между представителями удмуртского и русского этносов по этническому Я, полимодальному Я и аффилиативным мотивам.
4. Построить эмпирическую модель Я–концепции, интегрируя ее этнический и кросскультурный аспекты.

Исследовательские гипотезы. На основании анализа литературы были выдвинуты несколько групп исследовательских гипотез. Гипотезы носили как общий, так и конкретный (в терминах переменных) характер. Общими были следующие гипотезы.

1. Структура этнического Я носит характер круга. Структурирование этнического Я по кругу тестировалось в двух планах: в плане определения осей круга и в плане определения последовательностей субмодальностей этнического Я по кругу.

2. Этническое Я и кросскультурный фактор (удмурты – русские) производят эффекты и взаимодействуют по переменным полимодального Я и аффилиативных мотивов.

3. Этническое Я и кросскультурный фактор интегрируются по полимодальному Я и аффилиативным мотивам (тестирование этно-кросскультурной интегративной модели Я–концепции).

Метод

Участницы. В исследовании приняли участие 248 студенток: 125 студенток–удмурток I–III курсов факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета (Ижевск) и 123 студентки–русские I–III курсов факультета русской филологии Пермского государственного педагогического университета (Пермь), – девушки, возраст в диапазоне от 17 до 23 лет ($M = 18.54$, $SD = 1.18$). Национальность участниц определялась по самоотчетам.

Вопросники. Полимодальное Я и его переменные измерялись Пермским вопросником Я (Дорфман, Рябикова, Гольдберг, Быков, Ведров, 2000), этническое Я и его переменные – Пермским вопросником этнического Я (Рябикова, 2002). Межличностные аффилиативные мотивы и их переменные измерялись вопросником мотивов аффилиации Мехрабиана в модификации Магомед-

Эминова (1988), этнические аффилиативные мотивы и их переменные – вопросом этнической аффилиации (Солдатова, 1998).

Вопросники предъявлялись участницам исследования в случайном порядке в ходе групповых сессий.

Исследовательский дизайн и анализ данных. Использовались корреляционный и ex post facto дизайны. Корреляционный дизайн использовался при тестировании круговой структуры этнического Я и этно-кросскультурной интегративной модели Я–концепции, ex post facto дизайн – при изучении эффектов и взаимодействий этнического Я и кросскультурного фактора по переменным полимодального Я и аффилиативных мотивов.

Эксплораторный факторный анализ использовался для определения конструктивной валидности Пермского вопросника этнического Я, подтверждающий факторный анализ – для тестирования структуры этнического Я по кругу. Дисперсионный анализ ANOVA использовался для тестирования гипотез об эффектах и взаимодействиях этнического Я и кросскультурного фактора по переменным полимодального Я и аффилиативных мотивов. Структурные линейные уравнения использовались для построения этно-кросскультурной интегративной модели Я–концепции, включая определение каузально-подобных путей от фактора «Этническое Я» и кросскультурного фактора к переменным полимодального Я и аффилиативных мотивов.

Практическое значение и внедрение. Материалы и результаты диссертации могут быть использованы при чтении курсов общей, социальной, этнической психологии и психологии личности на факультетах психологии педагогических университетов и институтов искусства и культуры. Материалы и инструментарий диссертации могут быть использованы при проведении этнических и кросскультурных исследований.

Материалы диссертации включались в лекционные и семинарские занятия по курсам «Социальная психология» (тема «Я в социальном мире») (2003-

2004 уч.г.) и «Этническая психология» (тема «Этническое Я») (2003-2004 уч.г.).

Апробация работы. Основные положения диссертации докладывались на научно-практических конференциях преподавателей Пермского государственного института искусства и культуры (Пермь, 2000, 2001), международном симпозиуме «Личность, творчество, искусство» (Пермь, 2002), областной научной конференции молодых ученых, студентов и аспирантов (Пермь, 2002), XVI Мерлинских чтениях (Пермь, 2003), научно-практической конференции «Образование в культуре – культура образования» (Пермь, 2003). Материалы диссертации докладывались и обсуждались на кафедре психологии и педагогики Пермского государственного института искусства и культуры. По теме исследования опубликованы 2 главы в коллективных монографиях, 1 статья и 12 тезисов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Этническое Я структурируется по кругу. Его оси образуют субмодальности Я–Превращенное и Я–Вторящее (система «Этнос») и субмодальности Я–Авторское и Я–Воплощенное (система «Я»).
2. Этническое Я, кросскультурный фактор, полимодальное Я и аффилиативные мотивы являются не разрозненными, а образуют единую этно-кросскультурную систему.
3. Об интегративных тенденциях в этой системе можно судить, применяя три уровня анализа: на уровне этнического Я и кросскультурного фактора, на уровне полимодального Я и аффилиативных мотивов, на уровне этнического Я и кросскультурного фактора, приводящих к изменениям полимодального Я и аффилиативных мотивов.
4. Этническое Я и кросскультурные различия можно рассматривать в качестве собственно этнических компонентов системы. Производными от них являются полимодальное Я и аффилиативные мотивы.

5. Интеграция этно-кросскультурной системы обеспечивается благодаря связям и взаимодействиям фактора «Этническое Я» и кросскультурного фактора, приводящим (прямо и опосредованно) к изменениям полимодального Я и аффилиативных мотивов.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, 3 глав, обсуждения, выводов, списка литературы, приложений. Работа изложена на 192 страницах, содержит 26 таблиц, 31 рисунок. Список литературы насчитывает 222 наименования, из них 88 – на английском языке.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА Я: ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ, ЭТНИЧЕСКИЕ И КРОССКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Я является одним из центральных понятий психологической науки. Это понятие разрабатывается в общей психологии, а также в ее различных отраслях. Интерес к Я существенно возрос в конце 70-х – начале 80-х годов XX века (Banaji & Prentice, 1994) и продолжился в последующие десятилетия. В период с 1984 по 1994 гг. ежегодно публиковалось более 700 работ, посвященных этой проблеме. За последние примерно 35 лет были выполнены десятки тысяч исследований Я и связанных с ним феноменов (Leary & Tangney, 2003).

В данной главе Я рассматривается в общепсихологическом и этническом аспектах.

В первом параграфе дается анализ современного состояния проблемы Я в психологии. Акцент делается на значениях Я, системных подходах в исследованиях Я, взглядах на Я как унитарное и многоаспектное образование. Во втором параграфе излагается полимодальный подход к Я–концепции с позиций концепции метаиндивидуального мира. В третьем параграфе анализируются исследования этнического и кросскультурного аспектов Я–концепции. В четвертом параграфе ставится проблема интеграции этнического и кросскультурного аспектов Я–концепции с позиций системного подхода, намечаются цель и задачи, устанавливаются объект и предмет исследования. В пятом параграфе обозначаются предпосылки исследования и формулируются исследовательские гипотезы.

1.1. Проблема Я в психологии

Изучение Я в психологии имеет в своей основе богатую философскую традицию. Еще Сократ использовал призыв «Познай самого себя!» в качестве исходного принципа своего философского мировоззрения (Платон, 1999). Де-

карт (1950) определял Я как «мыслящего субъекта». Юм (1965) рассматривал Я как «пучок» разнообразных восприятий, которые следуют одно за другим с превосходящей всякое представление скоростью. Фихте (2000) определял Я как воплощение чистой деятельности, порождающей не-Я, т.е. внешний мир. По Гегелю (1933), Я представляет собой всеобщую формулу, выражающую структуру сущих, являющихся личностями субъектов. В марксистской философии предлагается понимать Я как серию или цепь моментов сознания (Спиркин, 1972).

В психологии Я понимается как результат выделения человеком самого себя из внешнего мира (Психологический словарь, 1990). Через понятие «Я» человек ощущает себя субъектом своих физических состояний, переживает свою целостность и самотождественность. Попытки разных авторов постичь психологическую сущность Я приводят к многозначности его определений.

1.1.1. Значения Я

В психологической науке Я является, пожалуй, одним из наименее уловимых понятий, хотя чувственно Я отчетливо осознается людьми и характеризует их субъективные представления о себе. Пытаясь определить Я, одни психологи соотносят его с такими понятиями, как субъективная реальность (Дубровский, 1983; Тхостов, 1994), самосознание (Медведев, 2001; Столин, 1983; Чеснокова, 1977), самоотношение (Пантилеев, 1991; Сарджвеладзе, 1989), самооценка (Бороздина, 1999; Сабельникова, 2000) и т.д. Другие психологи определяют Я через саморефлексию (Leary & Tangney, 2003), субъективные представления человека о себе (Бернс, 1986; Linville, 1987; Neisser, 1997; Shavelson, Hubner, & Stanton, 1976) или как познающее и познаваемое Я (Джемс, 1991).

В эмпирической психологии попытки определить своеобразие Я привели к дифференциации Я на множество не связанных между собой конструктов – осознающее Я, самоуважение, самоконтроль, идентичность, верификация Я,

утверждение Я, расхождения Я, оценка Я, мониторинг Я, и т.д. В конечном счете разброс в понимании Я привел некоторых авторов (напр.: Baumeister, 1998) к заключению о том, что исследования Я не образуют единую область и не позволяют определить общие корни Я. Скорее наоборот, возникло множество произвольно агрегированных подобластей, весьма слабо связанных между собой.

И все же сквозь широкий диапазон дефиниций прозрачно высвечиваются прежде всего шесть родовых значений Я (см., напр.: Эриксон, 1996; Leary & Tangney, 2003): (1) Я как человек, (2) Я как личность, (3) Я как самость, (4) Я как представления человека о самом себе, (5) Я как деятель, субъект принятия решений и исполнения действий, (6) Я как ментальный аппарат саморефлексии. Кроме того, существует устойчивая традиция выделять в Я его отдельные аспекты, и это приводит не к последующему синтезу, а напротив, к фрагментации Я.

Вначале обозначим частные значения Я.

Частные значения Я

Примерами частных значений Я могут служить такие понятия, как Я-схемы (Markus, 1977; Markus & Smith, 1981), самоуважение (Baumeister & Tice, 1985), верификация Я (Swann, 1985), расхождения Я (Higgins, 1987), мониторинг Я (Snyder, 1974), и т.п. Каждое из этих значений указывает на некоторые частные способности человека к рефлексивному размышлению о самом себе. Однако не делаются даже попытки найти общий критерий, который позволил бы определить у них общее содержательное основание.

Я как человек

В этом значении Я относится к человеку в целом. Причем понятия Я и человека в целом отождествляются. В значение Я как человека включаются та-

кие признаки, как самоизменение и самонаблюдение. Я как человек означает, что человек *есть* «Я», а не *имеет* «Я» (Olson, 1999).

Употребление Я в значении человека в целом присуще обыденным представлениям и имеет место в житейской практике, но не раскрывает психологическую сущность Я и потому выходит за рамки исследовательских интересов психологов в этой области.

Я как личность

В этом значении Я относится к личности или рассматривается как один из ее компонентов. Мерлин (1970, 1990) рассматривал личность двояким образом: такой, какой она является для других (для других людей, общества), и такой, какой она является для себя. Человек «... осознает себя как личность, отдает себе отчет в том, что является субъектом, активным деятелем. Это свойство человека осознавать, что он является субъектом деятельности и при этом субъектом со специфической психологической и социально-нравственной характеристикой, мы и называем самосознанием» (Мерлин, 1990, с. 82).

Мерлин (1970, 1990) выделял в самосознании личности сознание «я», сознание тождественности, осознание своих психических свойств, социально-нравственную самооценку. Эти компоненты складываются в единую структуру. Основными источниками их взаимосвязей являются направленность личности, познание внешнего мира (предметное сознание), понимания социальных норм и критериев нравственной оценки.

Д. А. Леонтьев (1993) выделяет в личности ее, так сказать, внешнюю оболочку (характер, способности и роли), внутренний мир (личностные смыслы, ценности, потребности, отношения, конструкты), ядерные структуры (экзистенциальный уровень – свобода, ответственность, духовность). При этом Я трактуется как последняя инстанция в личности.

По Леонтьеву Я есть форма переживания человеком своей личности. С одной стороны, Я представляет собой некий психологический каркас самоосу-

ществления личности. Личность осуществляет себя в специфически человеческих феноменах свободы, ответственности, духовности и выбора. С другой стороны, Я есть открытие личности самой себе, т.е. самораскрытие. Я имеет несколько граней: телесное (физическое) Я, социально-ролевое Я, психологическое Я, экзистенциальное Я, Я как самоотношение или смысл Я (самооценка, самоуважение, самопринятие).

Я в значении личности употребляется и в зарубежной психологии. Например, Tesser (2002) определяет Я как совокупность способностей, темперамента, целей, ценностей и предпочтений, по которым один человек отличается от другого. Понятие самоактуализации, которое использовал Маслоу (1997; Maslow, 1954), также относится к этому значению Я. Личность трактуется как интегрированное, открытое, стабильное и оптимально функционирующее образование, способное к личностному росту и самораскрытию.

Использование Я как синонима личности широко распространено и в повседневной речи людей. Обычно, делая акцент на Я, люди подчеркивают человеческую уникальность.

Однако значение Я в качестве одной из сторон личности является по меньшей мере неточным. Дело в том, что понятия Я и личности здесь смешиваются. Более того, сведение Я к личности приводит к тому, что исследователь как бы освобождает себя от необходимости раскрыть имманентную природу Я как такового.

Я как самость

В этом значении понятием «Я» обозначается человек как центр или субъект внутренне переживаемого опыта. Человек представляет себя ментально так, как (что) он мыслит и как (что) он чувствует.

Многие люди ощущают в себе нечто, что управляет их мыслями и чувствами (Mischel & Morf, 2003). Это нечто как бы служит сердцевиной истинного Я людей (Olson, 1999). Это и есть субъективно переживаемая самость челове-

ка. Тот факт, что у самости не обнаружены специфические нейрофизиологические механизмы, не может служить достаточным основанием для того, чтобы отрицать существование самости человека.

Липпс (1903) характеризует Я как центральный пункт сознательной жизни. «Я есть изначально действующая духовная сила, которая повелевает и манипулирует всеми содержаниями сознания – приближает их к себе в большей или меньшей степени, усваивает их более или менее глубоко и овладевает ими в большей или меньшей мере» (цит. по: Чеснокова, 1977, с. 11).

Налчаджян (1988) определяет Я как центральную интегрирующую и регулирующую инстанцию психики, которая организует как устойчивые, так и ситуативные представления человека о себе (Я–образы). Хотя термин «Я» может создавать иллюзию полной осознанности представлений, на самом деле Я функционирует преимущественно на подсознательном уровне. Я–образы сменяют друг друга помимо сознания человека. В то же время смена Я–образов – это не только поток (ситуативность), но и некоторый набор устойчивых паттернов, завязанных на определенных типах социальных отношений.

Для Эриксона (1996) самость выражается в феномене эго–идентичности – субъективном чувстве непрерывной самотождественности. Эго–идентичность – это и роли, которые принимает на себя человек, и его субъективные представления об отношениях к себе других людей. Эго–идентичность представляет собой динамическое образование: она изменяется и развивается, проходит через внутренние кризисы и конфликты. Последние могут иметь благоприятное и неблагоприятное разрешение. В зависимости от характера разрешения внутреннего конфликта эго–идентичность приобретает разные качества.

Эриксон (1996) описывает восемь стадий изменений эго–идентичности и связывает эти изменения с личностным развитием. Эго–идентичность возникает на пятой стадии личностного развития (от 12 до 19 лет) и развивается путем интеграции многочисленных образов Я. Так возникает чувство само-

тождественности и формируется система ценностей. Неспособность достичь эго-идентичности, напротив, приводит к смешению ролей, невозможности выбрать карьеру, ощущению бесполезности и душевному разладу. На шестой стадии (от 19 до 25 лет) устанавливаются интимные доверительные отношения с другими людьми без потери своего Я. Седьмая стадия (от 25 до 65 лет) связана с развитием продуктивности и реализацией своего Я через заботу о других людях, результаты труда и идеи, к которым человек проявляет интерес. На восьмой стадии (от 65 лет до конца жизни) подводятся итоги жизни, закрепляется чувство удовлетворенности собой.

С некоторыми оговорками к области значений Я как самости можно отнести также представления о Я как субъективной реальности Дубровского (1983). По Дубровскому субъективная реальность есть континуум, содержанием которого является постоянное движение мыслей, образов, побуждений, волевых интенций, и т.п. В этом потоке сознания (самосознания) и возникает Я. Оно представляет собой динамический биполярный контур, в котором совершается раздвоение Я на модальности «Я» и «не-Я» («Другой»). Загадка самости может заключаться в том, «где» локализуется самость с учетом раздвоения Я и противопоставления модальностей «Я» и «не-Я» друг другу.

К области значений Я как самости можно отнести также такой его ключевой признак, как самотождественность. Мерлин (1990) говорит о самотождественности как о генетически первичном компоненте самосознания. Первые зачатки самотождественности проявляются тогда, когда ребенок отличает проприоцептивные ощущения, вызванные внешними предметами, от ощущений собственного тела. Человек переживает самотождественность в неразрывной связи с осознанием внешнего мира. Эта связь является двоякой. С одной стороны, человек ощущает самотождественность в оппозиции к изменчивости внешнего мира. В сравнении с ним человек ощущает себя как нечто относительно постоянное и потому тождественное самому себе. Если по каким-либо причинам осознание изменчивости внешнего мира нарушается, наруша-

ется и сознание самотождественности. С другой стороны, сознание отчужденности своего тела или его отдельных частей, как правило, сопровождается искажением восприятия предметов. Их размер существенно увеличивается или, наоборот, уменьшается, форма, пропорции и пространственные соотношения претерпевают определенные изменения.

Рассматривая феноменологию существования субъекта, Тхостов (1994; Журавлев, Тхостов, 2003) характеризует Я как единую и самотождественную цельность. Существует динамическая граница субъективности при столкновении с «иным». По одну сторону границы находится «Я», по другую – «не-Я». Самотождественность относится к «Я» и находится в оппозиции к «не-Я» («иному»). Чтобы переживать себя как единую и самотождественную цельность, человек противопоставляет своему Я структурированный, целостный и константный мир, данный ему в его восприятии.

Для того чтобы быть самим собой (самотождественность), необходимо обладать единственно своим, уникальным и отграниченным местом в пространстве. Этим местом является тело человека. Таким же образом объекты окружающего мира структурированы в пространстве. Самотождественность разворачивается во времени, и так же события переживаются в определенной временной последовательности. Следовательно, Я (самотождественность) заканчивается там, где начинается не-Я. Тхостов (1994; Журавлев, Тхостов, 2003) связывает способность человека различать иное и свое, опредмеченную в восприятии данность и свое Я как характеристику психически здоровой личности. Феномен самотождественности является продуктом поздних стадий развития человеческой культуры.

Я как представление человека о самом себе

Этим значением обозначается Я как объект самосознания. Своеобразной подсказкой к пониманию Я в этом значении могут служить вопросы типа «Кто Я?» и «Что такое мое Я?». Оба вопроса раскрывают представления че-

ловека о самом себе, но в разных аспектах. В первом вопросе акцент делается на субъекте представлений о себе, во втором – на объекте (предмете) самопредставлений.

Одним из первых, кто предпринял попытку структурировать Я в контексте представлений человека о себе, был Джемс (1991; James, 1890/1902). Он выделял в Я (*Self*) три стороны – Я–познающее (/), Я–познаваемое (*Me*) и не имеющую в понятийном аппарате отечественной психологии обозначения «*Mine*». В первом приближении этот термин можно обозначить как «Я–обладающее». В Я–познающем выражается Я как источник познания, его автор, в Я–познаваемом – Я как предмет познания, в Я–обладающем – отношения принадлежности, Я как совокупность людей, вещей, идей, принадлежащие Я и определяющие его содержание как «мое».

Джемс (1991; James, 1890/1902) отмечал также связь этих 3-х сторон Я, возможность их взаимопереходов – отсюда динамичный характер Я. Одним из источников динамичности Я являются, по-видимому, некоторые особенности английского языка. Так, различия между Я–познаваемым (*me*) и Я–обладающим (*mine*), хотя и имеют место, но трудноуловимы. В результате связь *me* и *mine* оказывается настолько тесной, что трудно проводить различия между этими сторонами Я. Это обстоятельство, с другой стороны, могло быть одной из причин, по которой Джемс акцентировал внимание в большей степени на Я–познающем и Я–познаваемом, чем на Я–обладающем. Он обозначил эту сторону Я, но не подверг ее глубокому анализу.

Я в значении представлений человека о самом себе (или образа Я) нашло отражение в понятии Я–концепции. Данное понятие описывает, во-первых, субъективную сторону Я, во-вторых, показывает представления человека о самом себе как относительно устойчивые, в-третьих, характеризует их как в большей или меньшей степени осознанные, в-четвертых, показывает роль субъективных представлений человека о себе в отношениях с другими людьми (Психология: Словарь, 1990). В то же время по критерию субъективности

отношений человека к самому себе Я–концепцию правомерно рассматривать как одно из значений Я. Вместе с тем Я не сводится только к Я–концепции и представляет собой более широкое понятие (см.: Epstein, 1973).

Neisser (1997) определяет Я–концепцию как все, что, по мнению человека, имеет отношение к его Я, что всплывает в сознании в связи с Я. Я–концепция характеризуется несколькими важными особенностями. Во-первых, представления человека о самом себе не могут полностью совпадать с представлениями о нем других людей. Представления человека о себе характеризуются большей проработанностью и дифференцированностью, чем представления о нем других людей. Во-вторых, Я–концепция, как правило, не отражает истинной сущности человека. Человек есть бытийная, а Я –концепция – познавательная реальность. Например, вербализуемая Я–концепция является только «частью» Я: то, что человек говорит о себе (Я–концепция), и то, чем является его Я на самом деле, не есть одно и то же. В-третьих, Я–концепция определяется индивидуальным опытом и культурным контекстом, однако в Я–концепциях разных людей можно выделить некое универсальное ядро: природные и межличностные самопредставления.

Я–концепцию определяют также через совокупность установок, направленных на себя (см.: Бернс, 1986; Сарджвеладзе, 1989). Как известно, три главных компонента характеризуют установку: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. Применительно к Я–концепции эти компоненты установки конкретизируются следующим образом: (1) *образ Я* (когнитивный компонент), (2) *самооценка* (эмоциональный компонент), (3) *потенциальное поведение* (поведенческий компонент).

Linville (1987) выделяет в Я–концепции две стороны: содержательную и структурную. Содержанием Я–концепции является информация о себе. Способы организации (упорядочивания) этой информации структурируют Я–концепцию.

Shavelson, Hubner, and Stanton (1976) предложили иерархическую модель Я-концепции. Глобальное Я образует ее вершинный уровень, академическая и неакадемическая Я-концепции локализуются на нижележащем уровне. Неакадемическая Я-концепция объединяет социальные, физические и эмоциональные представления о себе. Академическая Я-концепция включает самопредставления, связанные с академическими успехами по учебным дисциплинам. Marsh (1990), Marsh and Yeung (1998) показали, что глобальная самооценка является менее информативной, чем ее отдельные компоненты. А Marsh and Shavelson (1985) обнаружили, что с возрастом структура Я-концепции становится более дифференцированной, но утрачивает признаки иерархии.

Бернс (1986) также показал Я-концепцию как иерархическое образование. Он выделил в Я-концепции пять уровней. Глобальная Я-концепция образует первый (вершинный) уровень и характеризует индивидуальное самосознание. Я-познающее (процессуальная сторона) и Я-познаваемое (содержательная сторона) образуют второй уровень. Установки, направленные на себя (включая их когнитивный, оценочный и поведенческий компоненты), образуют третий уровень. Модальности Я – реальное, идеальное, зеркальное – образуют четвертый уровень. Аспекты модальностей – физический, социальный, умственный, эмоциональный – локализуются на пятом, завершающем уровне Я-концепции.

Я как деятель, субъект принятия решений и исполнения действий

Этим значением описывают Я как субъекта активности. Подразумевается, что Я отвечает за принятие решений и регуляцию поведения. Как отмечает Namachek (1971), Я репрезентирует центральную структуру принятия решений, планирования и самозащиты. Я исполняет роль действующего субъекта, поскольку отвечает за процессы саморегуляции и самоконтроля (Carver & Scheier, 1981).

Петровский (1997) рассматривает Я как субъективную причину себя. Он выделяет четыре ипостаси Я: «Имманентное Я», «Идеальное Я», «Трансцендентальное Я», «Трансфинитное Я». Каждая из этих ипостасей реализует в себе одну из четырех аристотелевских причин (материальную, формальную, действующую, конечную) и может быть возведена в ранг причины себя. В совокупности же и благодаря взаимопереходам, разные ипостаси Я образуют круг причин в себе. *Имманентное Я* есть единство движущего и движимого, это то, из чего состоит и строит себя Я (материальная причина). *Идеальное Я* есть единство представляющего и представляемого, это Я, существующее в возможности (формальная причина). *Трансцендентальное Я* есть единство мыслящего и мыслимого, это Я, существующее в мысли о себе (действующая причина). *Трансфинитное Я* есть единство переживающего и переживаемого, это Я, существующее в переживании себя (целевая причина).

Я как ментальный аппарат саморефлексии

Leary and Tangney (2003) рассматривают Я в значении ментального аппарата саморефлексии. В этом значении Я рассматривается с точки зрения активируемых им психических процессов: внимания, когний и регуляции. Эти процессы сложным образом взаимосвязаны, и каждый из них практически никогда не осуществляется без двух других. Например, фокусирование внимания на себе приводит к активизации релевантных Я когний и регулятивных процессов сознания.

Показано, что простое фокусирование внимания на себе оказывает значительное влияние на мысли, эмоции и поведение человека. Например, в экспериментах Carver and Scheier (1981), Duval and Wicklund (1972) участников исследования помещали в условия, при которых они могли видеть себя в зеркале. Оказалось, что наличие зеркала, в котором человек видит свое лицо, делает более эффективным выполнение им какой-либо работы (например, переписывание фраз на иностранном языке) и обуславливает более последователь-

ное следование моральным принципам (например, неприемлемость физического наказания и отвращение к порнографической литературе). По данным Higgins (1987), релевантные Я когниции управляют поведением человека и оказывают влияние на его эмоции. Предметом регулятивных процессов является Я и достижение им (в той или иной степени) состояния независимости от внешних влияний.

Мотивы и эмоции также могут быть регуляторами Я. Причем как мотивы и эмоции, так и Я, могут функционировать и на осознаваемом, и на неосознаваемом уровнях (Bargh & Chartrand, 1999). С другой стороны, в отношениях между Я и мотивами, эмоциями многое остается не совсем ясным. Например, одни мотивы и эмоции не имеют прямого отношения к Я. Другие мотивы (например, самосовершенствование и самоутверждение) и эмоции (например, гордость, стыд, смущение), напротив, имеют прямое отношение к Я.

1.1.2. Интеграция против дезинтеграции

Одна из линий современных исследований Я, как отмечалось выше, заключается в выделении огромного количества его частных особенностей. При этом одни частные особенности Я рассматриваются безотносительно к другим. В результате умножение разновидностей Я приводит к его дроблению и дезинтеграции, но уводит от понимания Я и его природы в целом. Чем больше выделяется сторон и разновидностей Я, тем дальше исследователи отходят от общих его особенностей; центробежные тенденции оказались настолько велики, что возник вопрос о том, существует ли вообще единое поле исследований Я (Mischel & Morf, 2003). Tesser, Martin, and Cornell (1996) обозначили сложившуюся ситуацию термином «self-zoo»: исследования Я напоминают зоопарк, в котором «каждая кошка гуляет сама по себе». Но нет никаких признаков, критериев или оснований, по которым можно было бы обозначить контуры единого Я и показать не только множество его частных особенностей, но и их взаимосвязи, взаимодействия, структуру.

Впрочем, в последние годы в оппозиции к дезинтегрирующей (фрагментарной) тенденции все более отчетливо заявляет о себе и противоположная, интегративная тенденция в исследованиях Я. В рамках интегративной тенденции исследователи ставят перед собой задачу не установить какую-либо новую частную особенность Я, а напротив, показать Я как некое единое и целостное образование. Исследователи концентрируют свое внимание на том, чтобы раскрыть Я как системное образование, установить его системные качества, показать взаимозависимость и взаимосвязь его элементов и компонентов в рамках общей структуры. Тенденция, ориентированная на представление феномена Я как связанной организованной системы, становится все более явной (Дорфман, 2004б).

Пожалуй, первые системные представления о Я появились в когнитивной психологии: Я понималось как устройство по переработке информации. Эмпирические данные свидетельствовали, в частности, о том, что информация, связанная с Я, запоминается лучше, чем информация, связанная с другими семантическими характеристиками или другими людьми (Markus, 1977; Markus & Wurf, 1987; Rogers, Kuiper, & Kirker, 1977). Также было показано влияние Я на обработку информации о себе (Higgins & Bargh, 1987) и социальной информации (Kihlstrom & Cantor, 1984). Эти данные косвенно поддерживали представления о Я как устройстве по переработке информации.

Примером системного подхода к пониманию Я как устройства по переработке информации может служить теория уровней обработки информации Craik and Lockart (1972). Согласно этой теории, в памяти можно выделить поверхностный и глубинный уровни обработки информации. На поверхностном уровне обрабатывается информация о внешнем мире, на глубинном уровне – информация о Я, включая его когнитивные структуры. Если в память поступает информация, не связанная с Я (например, информация о других людях), она подвергается только поверхностной обработке, а значит, оставляет в памяти более слабые следы, чем следы от информации, связанной с Я. Инфор-

мация, имеющая отношение к Я, напротив, обрабатывается не только на поверхностном, но и на глубинном уровне и потому прочнее удерживается в памяти.

Другим примером применения системного подхода могут служить представления Mischel and Morf (2003) о Я как психо-социальной динамической модели по переработке информации. Авторы исходят из того, что Я есть организованная связная система ментально-эмоциональных взаимодействующих репрезентаций. Я–система функционирует и развивается в социальном мире. Через отдельно и специально организованную Я–систему человек осваивает социальный мир и взаимодействует с ним. С другой стороны, в ходе взаимодействий с социальным миром Я непрерывно строится и адаптируется к требованиям этого мира.

Mischel and Morf (2003) отмечают, что их модель является описательной и объяснительной. На описательном уровне в Я выделяются такие характеристики, как стабильность и вариативность, согласованность и несогласованность, рациональность и иррациональность, планируемость и автоматизм, инициация и обусловленность. Я рассматривается одновременно как когнитивная структура («Я–знаемое») и иницирующая инстанция (деятельная и чувствующая), как побуждаемая эмоциями и управляемая познавательными процессами. Центральные характеристики Я – осознание Я и саморефлексия. Однако переживание Я может протекать также имплицитно, за пределами осознания и саморефлексии. На объяснительном уровне принимается во внимание комплексность феноменов Я и его два ключевых параметра: (1) Я как организованная динамическая когнитивно-аффективно-деятельная система, и (2) Я как система, построение которой осуществляется в условиях межличностных отношений и взаимодействий.

Взгляд на Я как систему означает, что разные аспекты и функции Я рассматриваются не изолированно. Напротив, они подвергаются анализу и изучению как взаимодействующие компоненты единой связной системы,

которая оперирует на некотором множестве уровней, и эти уровни дополняют друг друга, образуя общую иерархию.

Конфликтные цели и тенденции поведения в разных контекстах могут свидетельствовать о параллельной актуализации разных подсистем Я–системы. Так, одна подсистема может быть ориентирована на более эмоциональный, или «горячий», а следовательно, более импульсивный и быстрый ответ. Другая подсистема, напротив, может базироваться в большей степени на логике и рассудке и быть «холодной», а потому охватывать более медленные, более опосредованные и произвольные когнитивные процессы. В Я–системе такие процессы как кодирование или репрезентация знаний о Я и о ситуации, а также релевантные Я цели, ценности, ожидания, планы и стратегии контроля внимания, которые активируются в рамках специфического контекста, представляют собой активность «холодной», или «знающей» системы. Однако в той степени, в которой эта активность связана не только с «холодными» когнициями, или «знающими» структурами, но также тесно взаимодействует с эмоциями и аффектсодержащими репрезентациями, она работает в постоянном взаимодействии с «горячей» подсистемой.

Таким образом, динамическая модель Я как устройства по переработке информации Mischel and Morf (2003) явилась результатом концептуализации Я не как коллекции его отдельных атрибутов, а как связной организации ментальных (когнитивно-эмоциональных) репрезентаций. Источники ментальных репрезентаций могут быть внутренние (например, размышления о себе – собственных целях, убеждениях, эмоциях, ценностях) и внешние (например, стратегии социального поведения).

Шильштейн (1999) предложила рассматривать Я как многомерную иерархическую систему с широким кругом репрезентаций: представлений человека о себе, эмоционально-ценностного самоотношения, самооценок, и т.д. Шильштейн показала Я как «вертикальный» континуум: он разворачивается от глубинных самоощущений до вербализованных представлений человека о себе.

Этот континуум складывается из множества срезов, и каждый срез представляет собой определенный уровень регуляции. Например, регуляции подвергаются на глубинном уровне – самоощущения, на уровне осознания – установки, на уровне представлений – суждения о себе. Конечно, данный континуум включает множество уровней, но нельзя обнаружить их конечное число.

1.1.3. Многоаспектность против унитарности

В подходах к пониманию Я можно выделить две конкурирующие тенденции: (1) Я – унитарное, согласованное, монолитное образование и (2) Я – дифференцированное образование, распадающееся на субмодальности (Дорфман, 2002а, 2002б, 2004а, 2004б; Martindale, 1980).

Я как унитарное образование

Представления о Я как унитарном образовании разрабатывал Олпорт в рамках своей теории черт личности (Allport, 1961). Представления о Я как унитарном образовании разрабатывали также Роджерс (Rogers, 1951, 1959) и Маслоу (1997; Maslow, 1971) в русле гуманистической психологии и в контексте гуманистического понимания человека как свободной целостной личности.

По Олпорту (Allport, 1961) Я представляет собой совокупность личностных черт, способностей и атрибутов. Их влияние перевешивает влияние ситуаций или контекста на поведение и действия. Будучи носителем определенной черты, человек одинаково реагирует на разнообразные стимулы, и множество реакций имеют для него одинаковое функциональное значение. Черты не являются пассивной реакцией на внешние стимулы. Напротив, человек активно выискивает социальные ситуации, в которых может проявиться его уникальное Я. Следуя за Олпортом, бессмысленно говорить, например, о кризисе идентичности. Предполагается, что внутри Я нет расслоений, расхождений, несоответствий, которые могли бы спровоцировать такой внутренний конфликт. Человек не озабочен вопросом близости к своему «истинному Я»; он и есть это «истинное Я».

По Роджерсу (Rogers, 1951, 1959), Я есть то, как человек сам к себе относится, каким он себя видит, насколько себя ценит и в себя верит. Я определяется как «организованная, подвижная, но внутренне согласованная концептуальная структура восприятия характеристик и отношений «Я» или «мое» вместе с ценностями, закрепленными за этими понятиями» (Rogers, 1951, p. 498). Образ самого себя (Я–концепция) либо помогает и поддерживает человека, выступает основой построения его подлинно человеческих отношений с другими людьми, и тогда можно говорить о «мощи личности», о раскрывающемся личностном потенциале. Либо, наоборот, образ самого себя сдерживает,

ограничивает раскрытие сущностных сил, разрушает межличностные отношения и, в конечном счете, уродует жизнь человека. Поэтому в личностно-центрированном подходе, который развивал Роджерс, во главу угла ставится не «вооружение знаниями», не «формирование деятельности», не «овладение умениями», а становление человека как суверенного, творческого субъекта.

Развитие личности осуществляется не путем присвоения чего-то извне, а прежде всего через самораскрытие внутренней сущности. Личностный рост – это сложный, динамичный и часто драматичный процесс обретения человеком самого себя, обретения своих потенциальных возможностей и принятие на себя ответственности за это самоосуществление. Личностный рост ведет не только к усилению человека, росту его автономности, но также к развитию его социальности, способности жить среди людей и вместе с людьми.

По мере становления Я развивается потребность в позитивном отношении к себе. Однако между самоотношением и реальным отношением к другим людям может возникать несоответствие, например, в том случае, если в Я человека выражена установка на любовь к другим людям и заботу о них, а жизненная ситуация провоцирует агрессию и фрустрацию. Человек не может смириться с мыслью о том, что способен испытывать негативные чувства. Так возникает конфликт внутри Я. Согласно Роджерсу, «человек оценивает опыт как позитивный или негативный исключительно согласно тем условиям оценки, которые переняты им от других, а не потому, что опыт положительно или отрицательно влияет на его организм» (Rogers, 1959, p. 209).

Роджерс (Rogers, 1951, 1959) рассматривал Я как инстанцию, вектор функционирования которой направлен на достижение непротиворечивого цельного представления человека о себе. Гармоничная и адекватная Я–концепция, вера в себя, естественность, искренность, готовность быть самим собой – факторы, определяющие зрелость личности и ее способность к самоосуществлению.

В концепции самоактуализации Маслоу (1997) Я и личность не разводятся,

но проблема самоактуализации личности имеет прямое отношение к Я. Предметом теории самоактуализации является здоровая, сильная личность, которая «самоактуализируется», наиболее полно раскрывая свои потенциальные возможности.

Маслоу рассматривал Я как постижение себя в процессе самоактуализации. Полагается, что человек обладает неким истинным, непротиворечивым Я. Познанию этого Я препятствует стойкая привычка прислушиваться не к своим внутренним сигналам, а к голосам других в себе – к голосу матери, отца, общества, к голосам старших, к голосу власти или традиций. Еще одним препятствием, по мнению Маслоу, является диссоциированность личности, ее раздвоение на самонаблюдающее Эго и чувствующее Эго. Основным средством достижения интегрированного Я Маслоу считает непосредственность (первичность) восприятия, преодоление страха самореализации через самозабвенное отношение к делу, «сплавление» человека с захватывающей его реальностью.

Самоактуализирующаяся личность осознает свою идентичность, Я, «прислушивается к голосу» внутренних импульсов, чтобы дать возможность проявиться своей самости и быть независимой от других. Она делает выборы, ведущие к личностному росту, вместо выборов страха. Самоактуализирующийся человек не воюет сам с собой: его личность обладает цельностью. Зрелый человек уважает себя, и это уважение укоренено в знании своей компетентности и адекватности. Самоактуализирующаяся личность опирается на свои собственные возможности и обладает «психологической свободой».

Процесс актуализации предполагает развитие или открытие своего истинного Я и развитие наличного или латентного потенциала. Самоактуализирующийся человек обладает уверенностью в себе и самоуважением: это позволяет ему заниматься работой, а не защитой своего Я. Он чувствует свою силу в том смысле, что властвует над собой. Он не боится и не стыдится себя, и его не обескураживают допускаемые им ошибки.

Пиковое переживание – это момент в жизни человека, когда он функционирует наиболее полно, чувствует себя сильным, уверенным в себе, полностью контролирующим ситуацию. На вершине переживаний самоактуализирующийся человек чувствует себя более интегрированным, объединенным, целостным, более гармонично организованным, более синергичным, чем в другое время.

Маслоу рассматривал психику как единую сущность, а не как комбинацию ее отдельных частей. Он считал: то, что случается в части целого, детерминировано всем этим целым (см.: Hoffman, 1988). Он также отмечал связность и гармоничность здоровой личности. В бытийных ценностях самоактуализирующейся личности Маслоу выделял цельность, совершенство, завершенность.

Многоаспектность Я

Многоаспектный подход к Я основывается на принципах социальной обусловленности поведения человека, ситуативности его действий и поступков. Примерами такого подхода являются представления о Я, выдвинутые в рамках теории ролей, когнитивной и лингвистической теориях.

Теория ролей (Парсонс, 2000; Шибутани, 1969; Parsons, 1951) исходит из противоречия между фактом индивидуального самовыражения и фактом социальной детерминированности человека. Понятие роли как раз призвано снять это противоречие. Роль определяется как набор видов деятельности, качеств и стилей поведения, которые ассоциированы с социальными позициями. В обществе существуют социальные позиции жен, мужей, преступников, политиков и т.д. От людей, которые занимают эти позиции, ожидаются определенные типы действий, они учатся играть эти роли. Занимая определенные социальные позиции, человек обретает и выражает в них свое Я. Таким образом, Я характеризуется многоаспектностью и определяется множеством социальных позиций, которые занимает человек в социальной структуре. Теория

ролей допускает фрагментацию Я, поскольку разные роли могут приводить к развитию разных аспектов Я.

В рамках когнитивного подхода Martindale (1980) также занимает позицию в пользу многоаспектности Я, но по другим, чем в ролевых теориях, основаниям. Он исходит из того, что в семантической памяти кодируются Я-концепция и ситуации (включая других людей) в виде их прототипов. При этом одни субмодальности Я теснее соотносятся с прототипом Я-концепции, другие – с прототипами социальной ситуации. По этому критерию можно выделить несколько типов людей: у одних (консистентных) субмодальности тесно «привязаны» к прототипу Я-концепции в памяти, у других (не консистентных) прототипы ситуаций в памяти сильнее, чем Я-концепция, активируют субмодальности.

Дифференциация субмодальностей может проводиться, как отмечает Martindale (1980), и по критерию внутренних – внешних действий. В связи с этим он различает *реальное Я* и *социальное Я*. *Реальное Я* соотносится с ментальными (закрытыми для постороннего наблюдателя) действиями, а *социальное Я* – с внешними (открытыми для постороннего наблюдателя) действиями.

Наконец, Martindale (1980) определяет область, в которой Я может распадаться на субмодальности. Для этого он предлагает рассматривать унитарное Я и многоаспектное Я как полюса единого континуума. На одном полюсе этого континуума имеется общий доступ Я к одним и тем же диспозициям и действиям. Поэтому Я не дифференцируются на субмодальности. На противоположном полюсе этого же континуума несколько субмодальностей Я имеют отдельный доступ к одним и тем же диспозициям, планам или действиям. На этом полюсе имеет место избыточная дифференциация субмодальностей Я, приводящая в пределе к расщеплению личности и склонности к диссоциативным состояниям. В среднем диапазоне данного континуума Я дифференцируется на субмодальности Я нормальной личности.

Kihlstrom, Marchese-Foster, and Klein (1997) исходят из того, что если Я–концепция является *концепцией*, значит, она подчиняется неким общим правилам образования категорий: наиболее важные особенности категории указывают на ее прототип. С другой стороны, особенности, присущие категории в целом, совсем не обязательно распространяются на каждый член категории. Это значит, что в зависимости от уровней анализа Я–категоризация может носить как унитарный, так и многоаспектный характер.

Kihlstrom, Marchese-Foster, and Klein (1997) характеризуют Я как прототип, который складывается из самонаблюдений в различных ситуационных контекстах. В результате возникает определенная иерархия. Ее вершину образует абстрактное Я, обнаруживающее себя в любой ситуации, но не восприимчивое к его специфике (унитарное Я). Ниже уровня абстрактного Я, возникают уровни контекстно-специфических Я (многоаспектное Я). Авторы не исключают существование также некоего среднего уровня. На этом уровне обеспечивается баланс между унитарным Я и многоаспектным Я.

Развивая лингвистический подход, Gergen (1971, 1991, 1995) смещает фокус внимания с вопроса о природе Я к вопросу о дискурсах Я. В разных лингвистических практиках (в настоящем и в прошлом, в западной и восточной культурах) обнаруживаются разные Я. В ходе онтогенеза и овладения лингвистической практикой, ребенок также усваивает некоторое множество своих Я. Использование языка и дискурса для представления себя другим есть практика усвоения многоаспектности Я.

Человек артикулирует и дифференцирует в дискурсе свое Я для того, чтобы быть услышанным. В результате возникает богатый и разнообразный язык, описывающий Я. При этом характеристики Я принимают форму символических ресурсов дискурса, вступающих в конкуренцию с информацией об окружающем человека мире.

1.2. Полимодальный подход к Я–концепции с позиций

концепции метаиндивидуального мира

1.2.1. Метаиндивидуальный мир

Выполненный выше обзор литературы свидетельствует о том, что Я присущи свойства как дифференциации, так и интеграции. Проблема дифференциации и интеграции Я получает новое решение с позиций полисистемного подхода. Фундаментальной предпосылкой для полисистемного понимания Я может служить концепция метаиндивидуального мира.

Концепция метаиндивидуального мира (Дорфман, 1993, 1997, 1998, 2002а, 2004б) была создана на основе теории интегральной индивидуальности Мерлина (1986) и принадлежит к семейству системных теорий.

Принципиальная схема организации метаиндивидуального мира

Метаиндивидуальный мир строится индивидуальностью, создающей отношения и организующей взаимодействия с социально-культурной средой, или окружением. Индивидуальность человека – это одна реальность, его окружение – иная реальность. Индивидуальность и ее окружение принципиально являются гетерогенными. В силу гетерогенности, метаиндивидуальный мир раздваивается, и двойственность является его фундаментальной характеристикой.

В метаиндивидуальном мире индивидуальность и ее мир выступают одновременно как субстраты и как системы. Системы – это нечто иное, чем субстраты, – надсубстратные и внечувственные функциональные образования.

Индивидуальность как *система* – это область функций, перекрывающих субстрат индивидуальности. Мир как *система* – это область функций, перекрывающих субстрат мира. Индивидуальность как система переходит физические границы индивидуальности как субстрата и ассимилирует мир. В индивидуальности как системе индивидуальность исполняет роль системообразующего качества, а ее мир – роль управляемой подсистемы. В свою очередь

мир как система переходит физические границы мира как субстрата и вовлекает в свою орбиту индивидуальность. В мире как системе системообразующим качеством является мир, а индивидуальность – управляемая им подсистема. Таким образом, индивидуальность проникает в мир, и система индивидуальности расширяется; мир проникает в индивидуальность, и система мира расширяется. Мир как подсистема индивидуальности и индивидуальность как подсистема мира – результаты расширений и взаимодействий индивидуальности и ее мира.

Ключевыми понятиями концепции метаиндивидуального мира являются *интраиндивидуальность*, *метаиндивидуальность* и *социально-культурное окружение*.

Интраиндивидуальность характеризует системные качества индивидуальности как системы, социально-культурное окружение – системные качества мира как системы. Когда интраиндивидуальность производит вклады в социально-культурное окружение, в последнем возникают своеобразные «отпечатки» интраиндивидуальности – метаиндивидуальные новообразования в субстрате социально-культурного окружения. Когда социально-культурное окружение производит вклады в индивидуальность, в последнем возникают своеобразные «отпечатки» социально-культурного окружения – метаиндивидуальные новообразования в субстрате индивидуальности. Следовательно, метаиндивидуальность обладает двойственностью. В одном отношении метаиндивидуальность является производной от интраиндивидуальности, но локализуется в социально-культурном окружении и подвергает его изменениям. В другом отношении метаиндивидуальность является производной от социально-культурного окружения, но локализуется в индивидуальности и служит индикатором ее изменений.

Таким образом, метаиндивидуальный мир представляет собой полисистему, которая подчиняется принципу двойственности качественной определен-

ности, поскольку индивидуальность и ее социально-культурное окружение взаимодействуют как системы и подсистемы друг друга.

Области метаиндивидуального мира

Общие представления об организации метаиндивидуального мира явились предпосылкой для его анализа в более конкретном, эмпирическом ключе.

Первый шаг был сделан после того, как были выделены отдельные области метаиндивидуального мира. Область метаиндивидуального мира образуется в результате обособления, во-первых, систем индивидуальности и мира, во-вторых, системообразующих качеств и подсистем внутри каждой системы. Тем самым выделяются 4 области метаиндивидуального мира.

Первой была обозначена область *авторства*. Область авторства описывает интраиндивидуальность в системе индивидуальности в терминах ее саморегуляции. Второй была обозначена область *обладания*. Область обладания описывает метаиндивидуальность в системе индивидуальности в терминах регуляции ею социально-культурного окружения. Третьей была обозначена область *принятия*. Область принятия описывает социально-культурное окружение в системе мира в терминах ее саморегуляции. Четвертой была обозначена область *зависимости*. Область зависимости описывает метаиндивидуальность в системе мира в терминах ее регуляции социально-культурным окружением.

В плане собственно эмпирическом области метаиндивидуального мира – авторства, обладания, принятия, зависимости – это гиперфакторы, которые служат общей основой для некоторого множества переменных. Например, к области авторства относятся такие переменные, как автономность и агрессивность, к области обладания – такие переменные, как экстраверсия, доминантность, склонность к достижениям и аффилиации, поиск новых ощущений, эргичность социальная и темп социальный, к области зависимости – такие переменные, как склонность принимать опеку, социальная желатель-

ность, отзывчивость, беспомощность и эргичность предметная (Дорфман, 2004а; Дорфман, Гасимова, 2004; Дорфман, Ляхова, 2004; Дорфман, Огородникова, 2004).

Относительность и дополнительность

Относительность и дополнительность служат фундаментальными принципами системных теорий (Кузьмин, 1982а, 1982б; Ломов, 1975, 1984; Пономарев, 1983; Садовский, 1970; Тюхтин, 1972, 1988; Украинцев, 1972; Урманцев, 1988; Эткинд, 1982, 1984; Эшби, 1969; Goguen & Varela, 1979; Magnusson, 1999, 2001; Pervin, 2001). Эти же принципы объясняют организацию метаиндивидуального мира.

Принцип *относительности* восходит к теории относительности Эйнштейна (см.: Einstein & Infeld, 1938/1966) и философского «объективного реализма», согласно которому знание является более объективным, если вещи рассматриваются со многих точек зрения. Затем их многообразие исследуется и синтезируется в согласованное единство (Lovejoy, 1955).

Принцип относительности позволяет «схватить» метаиндивидуальный мир как единое через сочетание нескольких перспектив. Перспектива – это позиция, которую занимает наблюдатель по отношению к метаиндивидуальному миру. Наблюдатель может занимать по меньшей мере две позиции: внешнего наблюдателя и действующего лица. С позиции внешнего наблюдателя открывается перспектива метаиндивидуального мира с точки зрения мира, т.е. вкладов, которое производит социально-культурное окружение в метаиндивидуальный мир и тем самым изменяет его. С позиции действующего лица открывается перспектива метаиндивидуального мира с точки зрения индивидуальности, т.е. вкладов, которые производит индивидуальность в социально-культурное окружение и тем самым изменяет его.

Метаиндивидуальный мир не может быть понят с точки зрения только одной перспективы. Способы его существования раскрываются более полно с

точек зрения нескольких перспектив, поскольку каждая перспектива по отдельности является односторонней, приводит к открытию одного ряда свойств, но не позволяет открывать другие порядки свойств.

С позиций внешнего наблюдателя метаиндивидуальность относится к социально-культурному окружению; с позиций действующего лица, напротив, метаиндивидуальность относится к индивидуальности. Каждая перспектива по отдельности позволяет раскрыть только один ряд свойств метаиндивидуальности – относящиеся либо к социально-культурному окружению, либо к индивидуальности. Области авторства и обладания открываются, если наблюдатель занимает позицию действующего лица, а области принятия и зависимости открываются в позиции внешнего наблюдателя. Области обладания и зависимости характеризуют две стороны метаиндивидуальности: каждая из них открывается с одной позиции, но оказывается «закрытой» с другой позиции.

Принцип относительности позволяет делать переходы от одной перспективы к другой и благодаря этому совершать более полное, чем только при одной перспективе, описание метаиндивидуального мира.

Принцип *дополнительности* означает, что ни одна из перспектив по отдельности не позволяет полно описывать метаиндивидуальный мир. При сочетании нескольких перспектив, напротив, описание метаиндивидуального мира может быть более полным. Система индивидуальности и система мира являются дополнительными. Интраиндивидуальность (область авторства) и метаиндивидуальность (область обладания) в системе индивидуальности являются дополнительными. Социально-культурное окружение (область принятия) и метаиндивидуальность (область зависимости) в системе мира являются дополнительными.

Принципы относительности и дополнительности имеют большое значение для эмпирических исследований метаиндивидуального мира. Эти принципы, во-первых, придают исследованиям метаиндивидуального мира собственно

полисистемный характер. Во-вторых, эти принципы направляют исследователя на изучение многоаспектности феноменов. Скажем, креативность мышления следует изучать в контексте влияний не одной, а нескольких областей метаиндивидуального мира. Действительно, было обнаружено, что креативность мышления находится под воздействием трех областей метаиндивидуального мира – обладания, авторства, зависимости (Дорфман, Гасимова, 2004; Дорфман, Ляхова, 2004). Следовательно, правомерно полагать, что креативность мышления представляет собой 3-х аспектное образование. В-третьих, принципы относительности и дополнительности направляют исследователя на поиск многоаспектных схем объяснения получаемых результатов. В-четвертых, эти принципы позволяют придавать более высокую степень полноты предмету эмпирических исследований в сравнении с предметами «обычных» (несистемных) исследований.

1.2.2. Полимодалное Я

Как уже отмечалось, в Я обнаруживаются тенденции к его дифференциации и интеграции. Проблема соотношения этих тенденций получает новое решение с позиций полисистемного подхода. Концепция метаиндивидуального мира претендует на роль такого полисистемного подхода.

Дорфман (1993, 1998, 2002а, 2004б) показал связь метаиндивидуального мира и Я через категорию ментальной репрезентации: Я есть ментальная репрезентация метаиндивидуального мира человеку. Это значит, что метаиндивидуальный мир представляет собой сферу отношений и взаимодействий индивидуальности с социально-культурным окружением. В свою очередь Я относится к сфере сознания и самосознания. Ментальная репрезентация в Я – это перевод реальных отношений и взаимодействий в план собственно сознания и самосознания и представления в них метаиндивидуального мира.

Нужно заметить, что понимание Я как ментальной репрезентации человеку самого себя разделяют и некоторые другие авторы. Например, Kihlstrom,

Marchese-Foster, and Klein (1997) определили Я как ментальную репрезентацию человеком себе собственной личности. Вместе с тем в определении Я Дорфмана речь идет о ментальной репрезентации не личности, а метаиндивидуального мира. Ментальные репрезентации описываются как имеющие изменчивый, многоаспектный, позиционный характер.

Чтобы отделить метаиндивидуальный подход к Я от других подходов было введено понятие «полимодальное Я». Этим понятием определяется и описывается Я как полисистема. По своему содержанию и структуре полимодальное Я является разновидностью Я–концепции.

Полисистемный характер полимодального Я обуславливается полисистемным характером метаиндивидуального мира. *Многоаспектность* полимодального Я обуславливается тем, что в нем ментально репрезентируется не только метаиндивидуальный мир в целом, но и его отдельные сферы (индивидуальность и мир) и области (авторства, обладания, принятия, зависимости). Соответственно выделяются модальности «Я» и «Другой», а также субмодальности Я – Авторское, Превращенное, Воплощенное, Вторящее. *Позиционный* характер полимодального Я обуславливается тем, что каждая модальность или субмодальность выступает как позиция, которую занимает индивидуальность в своих отношениях к себе и другим людям: «Я» и «не-Я» («Другой»), позиции автономности и независимости (Я–Авторское), обладания и воплощения (Я–Воплощенное), принятия и терпимости (Я–Превращенное), обусловленности и зависимости (Я–Вторящее). Позиция – это состояние, подобное установке. Она функционирует в форме общей внутренней готовности воспринимать, фокусировать внимание, рефлексировать, регулировать, отвечать на некоторый класс воздействий и событий сходным образом. Это означает, в частности, что субмодальности Я могут вносить отдельные вклады в переработку одной и той же информации. И, наоборот, одна и та же субмодальность Я может быть общим знаменателем при переработке разной информации. Индивидуальность может совершать

переходы от одних позиций к другим, и этим определяется *изменчивость* полимодального Я (Дорфман, 2004б).

Помимо модальностей и субмодальностей в полимодальном Я выделяются также полярные категории. Категоризация – прием обобщения, приведение объектов к определенным классам и, следовательно, «фрагмент пути» к интеграции. Наиболее простой вариант категоризации состоит в том, что субмодальности соотносятся попарно. Поскольку субмодальности находятся в оппозициях друг к другу, каждая категория к тому же оказывается «полярной». Попарные комбинации субмодальностей представляют собой полярные категории и являются результатом совместных ментальных репрезентаций нескольких областей метаиндивидуального мира.

В полимодальном Я выделяются 6 полярных категорий. В зависимости от состава они могут принимать формы не только модальностей, но также систем и диспозиций. В модальностях, системах и диспозициях образуются по две полярные категории: модальности «Я» и «Другой», системы «Я» и «Другой», диспозиции «Обособление» и «Слияние».

Следующие субмодальности образуют полярные категории: в модальности «Я» – субмодальности Авторское и Вторящее, в модальности «Другой» – субмодальности Превращенное и Воплощенное, в системе «Я» – субмодальности Авторское и Воплощенное, в системе «Другой» – субмодальности Превращенное и Вторящее, в диспозиции «Обособление» – субмодальности Авторское и Превращенное, в диспозиции «Слияние» – субмодальности Воплощенное и Вторящее.

Легко заметить, что одна и та же субмодальность включается одновременно в несколько полярных категорий. Благодаря этому обеспечивается связность полимодального Я. Одним из механизмов связности полимодального Я является изомерия. Ее суть заключается в том, что при одном и том же составе субмодальностей может возникать множество полярных категорий: они по-разному структурируют субмодальности. Идея изомерии полимодального Я

заключается также в том, что субмодальности могут быть связующими звеньями между полярными категориями: субмодальности могут служить опосредующими звеньями при «переходах» от одних полярных категорий к другим (подробнее об изомерии см.: Дорфман, 2004б). Что же касается полярных категорий, то в них выражается фундаментальный принцип организации полимодального Я: двойственность (множественность) его качественной определенности.

Представления о субмодальностях Я (Авторском, Воплощенном, Превращенном, Вторящем) и полярных категориях (в модальностях, системах, диспозициях) получили эмпирическую поддержку (Дорфман, 2004а).

1.3. Я–концепция в этническом и кросскультурном аспектах

В работах по этнопсихологии можно выделить две относительно независимые традиции: этническую и кросскультурную.

В русле этнической традиции акцент делается по преимуществу на общих особенностях психики (сознания, личности, деятельности), обусловленных ролью этнического фактора. Исследуются, скажем, не характер, а национальный характер, не стереотип, а этнический стереотип, не самосознание, а этническое самосознание, не идентичность, а этническая идентичность, и т.д. Вместе с тем в русле этнической традиции изучение психологического сходства и различий между представителями конкретных этнических групп, как правило, не является обязательным условием. Исследования могут проводиться внутри какой-либо одной этнической группы, а ее сопоставление с другими этническими группами может использоваться в качестве дополнительного метода.

В русле кросскультурной традиции, напротив, акцент делается по преимуществу на психологическом сходстве и различиях между представителями конкретных этнических групп, а также выявлении надкультурных феноменов. Вместе с тем в русле кросскультурной традиции, как правило, не изучаются (или почти не изучаются) общие особенности психики (сознания, личности, деятельности), обусловленные ролью этнического фактора.

Каждая традиция (этническая и кросскультурная) определяет своеобразие исследований Я–концепции в контексте этнической культуры. Во многих отношениях Я–концепция человека обусловлена культурой. Существенное влияние на Я–концепцию оказывает также этнос.

Этнический подход выражается в исследованиях общих проблем влияния этноса на Я–концепцию. В каких отношениях и в какой степени человек осознает себя членом этнической группы? Как в Я–концепции ментально репрезентируется этнос, к которому человек относит себя и с которым себя

идентифицирует и отождествляет? Таковы примерно базовые исследовательские вопросы, которые находятся в центре внимания этнического подхода к Я–концепции.

Кросскультурный подход выражается в исследованиях различий (или сходства) в особенностях Я–концепции у представителей разных этнических групп. Каковы особенности самоуважения у русских и немцев? Отличается ли Я–концепция татар от Я–концепции удмуртов? Таковы примерно базовые исследовательские вопросы, которые находятся в центре внимания кросскультурного подхода к Я–концепции.

Рассмотрим теперь этнический и кросскультурный подходы к Я–концепции подробнее.

1.3.1. Этнический подход к Я–концепции

В отечественной этнопсихологии изучались, прежде всего, феномены, весьма близкие феномену Я–концепции и так или иначе пересекающиеся (в той или иной степени) с ним – этническое самосознание и этническая идентичность.

Этническое самосознание

Отечественная традиция исследования этнического самосознания имеет богатую историю, широкую теоретическую и эмпирическую базу (см. обзоры: Александренков, 1996; Козлов, 1974).

Понятие этнического самосознания в смежных с психологией дисциплинах

Исследования этнического самосознания начались в первой половине XX в. (Ковалевский, 1915/1992; Никольский, 1907/1992; Овсяннико-Куликовский, 1922/1992). Позже, в середине 1940-х гг., Мавродин (1945, 1947) определил этническое самосознание как сознание единства людей, принадлежащих к одному народу, единства их интересов и психического склада.

Токарев (1964) был первым, кто стал рассматривать этническое самосознание с точки зрения не общества, а конкретного человека. С этих позиций акцент был сделан на самоопределении человека в плане его принадлежности к этнической группе. Козлов (1967) сделал следующий шаг. Он подчеркивал роль осознания людьми своей принадлежности к народу. Алексеев и Бромлей (1968) рассматривали этническое самосознание в динамическом аспекте. Они связывали его развитие с особенностями формирования новых этнических общностей.

В 1970-е гг. развиваются представления о структуре этнического самосознания. Так, Крюков (1976) выделил в структуре этнического самосознания такие компоненты, как представления о территории, языке, особенностях культуры, единстве происхождения, этнические стереотипы. Кроме того, он обратил внимание на источники формирования этнического самосознания – этноформирующие факторы (территория), а также объективные (язык), избирательные (особенности культуры) характеристики этноса и субъективные этнические представления.

Когда этническое самосознание начало определяться как неперемное условие и неотъемлемый атрибут функционирования этноса (Бромлей, 1973, 1983), понятие этнического самосознания расширилось и не стало сводиться лишь к осознанию этнической принадлежности. «Самосознание есть осознание человеком своих действий, чувств, мыслей, мотивов поведения и т.д. Соответственно этническое самосознание включает суждения членов этноса о характере и действиях своей общности, этнические автостереотипы. Эти суждения неразрывно связаны с представлениями о других этносах, в первую очередь с соответствующими этническими стереотипами» (Бромлей, 1973, с. 97).

Начиная с 1980-х гг., этническое самосознание рассматривается как способность конкретного человека осознавать себя в этническом мире, представлять себя в качестве этнического субъекта, наделенного специфическими эт-

ническими особенностями (Левкович, Панкова, 1983). Бромлей (1983) выделил такие составляющие этнического самосознания, как представления о типичных чертах своей этнической группы, ее свойствах как целого (автостереотипах), об общности исторического прошлого народа, о территориальной общности («родной земле»), о государственной общности при определенных конкретно-исторических условиях. В качестве самостоятельного элемента в структуре этнического самосознания выделялись также осознанное отношение к материальным и духовным ценностям нации и к ее достижениям.

Гаджиев (1982) раскрыл познавательную, эмоциональную и волевою стороны этнического самосознания. *Познавательная* сторона включает в себя осознание человеком своих этнической принадлежности, социального положения, традиций, норм и моделей поведения, жизненных интересов и насущных потребностей. *Эмоциональная* сторона включает в себя чувства национальной гордости и собственного достоинства. *Волевая* сторона выражается в том, что этническое самосознание регулирует, направляет и контролирует поведение человека.

Арутюнян (1990) выделил четыре этнических источника, питающих этническое самосознание: родовой, психологический, культурный и социальный. Родовой источник приводит к сознанию общности происхождения и исторических судеб народа; этот источник объединяет «своих по роду и племени» в своей или иноэтнической среде. Психологический источник питает духовные идеалы – от религиозных до социальных. Культурный источник способствует приобщению людей к их национальной культуре и служит основой норм их поведения, языка, социально-нравственных представлений, обычаев, обрядов и других атрибутов этнического повседневного образа жизни. Социальный источник приводит к формированию социальных позиций и социальных интересов этноса.

Концепции этнического самосознания в психологической науке

Солдатова (1998) рассматривает этническое самосознание как надиндивидуальный феномен. С одной стороны, он относится к этнической группе, с другой, представляет собой ее ментальные репрезентации в форме мы-образа.

В структуре этнического самосознания Солдатова выделяет объективные и субъективные параметры. К объективным параметрам относится социальный статус человека. В нем выделяются базовые (общечеловеческая, семейная, половая, возрастная, профессиональная принадлежность) и этнополитические (этническая, гражданская, религиозная, субкультурная принадлежность) категории. К субъективным параметрам относятся оценки личности (например, интернационалист, творец) и самооценки (например, я –счастливый человек, я – неудачник). Согласно эмпирическим данным, объективные параметры в структуре этнического самосознания имеют больший удельный вес (около 85%), чем субъективные параметры (около 15%). Такое соотношение объективных и субъективных параметров является устойчивым и обнаруживается у представителей разных этнических групп.

С позиций теории интегральной индивидуальности (Мерлин, 1986) и концепции метаиндивидуального мира (Дорфман, 1993, 1997) Хотинец (1999, 2000а, 2000б) разработала метаиндивидуальную концепцию этнического самосознания.

Понятие метаиндивидуального мира является обобщенным, но может подвергаться дифференциации, – в частности, по сферам жизнедеятельности человека, например, метаиндивидуальный мир искусства, метаиндивидуальный мир литературы, метаиндивидуальный мир познания, и т.д. Хотинец подвергла дифференциации метаиндивидуальный мир по этническому основанию. Это позволило ей вести речь о метаиндивидуальном этническом мире.

Хотинец (1999, 2000а, 2000б) рассматривает те объекты метаиндивидуального мира, которые несут этническую нагрузку и выполняют этнические функции. В свою очередь, и интегральная индивидуальность трактуется ею как объект этнического мира, поскольку воспроизводит его качества, свойст-

ва, функции. Подобно тому, как метаиндивидуальный мир характеризуется двойственностью качественной определенности (Дорфман, 1993), метаиндивидуальный этнический мир также наделяется двойственностью его качественной определенности. Хотинец (2000а, 2000б) рассматривает этот мир как полисистему, в которой выделяется этнический мир как одна система, и интегральная индивидуальность – как другая система. Вступая во взаимодействия, эти системы оказываются взаимопроницаемыми: они образуют друг в друге свои подсистемы.

Так, этнический мир служит источником этнических значений, правил, норм, традиций, табу, которые усваивает интегральная индивидуальность. Тем самым она приспособляется и адаптируется к этническому миру. В результате развиваются такие индивидуальные свойства, как сопричастность, зависимость, конформность, уступчивость, привязанность, поддержка, социальность, подчинение, тождественность, и т.п. Возникновение и развитие этих свойств – пример функционирования интегральной индивидуальности в качестве подсистемы этнического мира как системы. Хотинец (2000а, 2000б) обозначила данный класс индивидуальных свойств термином *этно-индивидуальности*. Идеальной формой существования *этно-индивидуальности* выступает этническое самосознание, которое реализует когнитивную, адаптивную и корректирующую функции во взаимодействиях интегральной индивидуальности с этническим миром.

Другой класс индивидуальных свойств, как отмечает Хотинец (2000а, 2000б), возникает благодаря тому, что интегральная индивидуальность выполняет функцию не только подсистемы этнического мира, но и функцию системы, проникающей в этнический мир и создающей в нем «свою» подсистему.

В качестве самостоятельной системы, интегральная индивидуальность в той или иной степени изменяет и трансформирует объекты этнического мира. Например, они наделяются этническими смыслами, а их выбор определяется

индивидуальными эмоциональными предпочтениями. В объектах этнического мира интегральная индивидуальность повторяет, расширяет, умножает, продолжает, в конечном счете, воссоздает саму себя. Хотинец (2000а, 2000б) обозначила возникающий в данном случае класс индивидуальных свойств термином *этно-индивидуальности*. Идеальной формой существования *этно-индивидуальности* выступает этническое самосознание, реализующее оценочную, регулятивную и развивающую функции во взаимодействиях интегральной индивидуальности с этническим миром.

Таким образом, выступая, с одной стороны, как подсистема, а с другой – как самостоятельная система во взаимодействиях с объектами этнического мира, интегральная индивидуальность реализует себя как этническая индивидуальность. *Этно-индивидуальность* и *этно-индивидуальность* интегрируются в единое целое. В результате в этнической индивидуальности проявляются свойства двоякого рода: интериндивидуальные (свойства индивидуальности как подсистемы этнического мира) и экстраиндивидуальные (свойства индивидуальности как системы по отношению к объектам этнического мира). Этническая индивидуальность реализует себя через метаиндивидуальную функцию. Эта функция относится к этническому самосознанию и характеризует его следующим образом. Этническое самосознание, с одной стороны, есть идеальная представленность в нем объектов этнического мира. С другой стороны, содержание этнического самосознания определяют индивидуальные вклады людей в объекты их этнического мира.

Хотинец (1995, 1999, 2000а, 2000б; Вяткин, Хотинец, 1996,) рассматривает осознание в качестве ядра этнического самосознания. В предмете осознания дифференцируются его следующие стороны: этническая культура, психологические особенности этнической группы, тождественность с этнической группой, собственные этнопсихологические свойства, позиция субъекта своей этнической группы. Кроме того, выделяется этническая социально-нравственная самооценка.

Говоря о формах выражения этнического самосознания, Хотинец (2000а) имеет в виду этническую самоидентификацию. Она распадается на три типа: *позитивно-адекватную*, *гиперпозитивную* и *негативную*. При *позитивно-адекватной* самоидентификации человек отождествляет себя со своим этносом и проявляет к нему позитивное эмоциональное отношение. При *гиперпозитивной* самоидентификации сверпозитивное эмоционально-оценочное отношение к своей этнической группе сочетается с избыточным противопоставлением своего этноса другим. Гиперпозитивная самоидентификация может принимать формы этноцентризма, этнодоминирования, этнофанатизма, национализма. *Негативная* самоидентификация также основывается на избыточном противопоставлении «своего» и «чужого» этносов и проявляется в сверхнегативном эмоционально-оценочном отношении к своему этносу. Негативная самоидентификация может выражаться через этнонегативизм, этноэлиминацию и этнонигилизм.

Этническая идентичность

С 1990-х гг. в отечественной литературе все чаще употребляется понятие «этническая идентичность» (Солдатова, 1998). Как отмечают Арутюнян, Дробужева, Сусоколов (1998), в междисциплинарном ракурсе этническое самосознание тождественно этнической идентичности. Однако в этнопсихологии каждое из этих понятий имеет специфические значения.

Содержание понятия «этническая идентичность» в русле этнической психологии впервые обозначил Шпет (1996). Он определял этническую идентичность как переживание человеком своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других.

Вслед за Шпетом Стефаненко (1999) рассматривает этническую идентичность как результат когнитивно-эмоционального процесса осознания самого себя представителем определенного этноса. Одной стороной этого осознания

является отождествление со «своим» этносом, другой стороной – обособление от других этносов.

С точки зрения Солдатовой (1998), этническая идентичность, с одной стороны, уже этнического самосознания, поскольку представляет собой его когнитивно-мотивационное ядро, а с другой стороны – шире, так как содержит в себе еще и слой бессознательного. В силу этих различий этническая идентичность может изучаться, во-первых, как концентрированная форма и главная характеристика этнического самосознания, а во-вторых, как его «изнанка» – этническое бессознательное.

Можно выделить три подхода к изучению этнической идентичности: «родовой», «конструктивистский» и «инструменталистский». Однако их жесткое разделение в некоторой степени условно, поскольку разные подходы так или иначе пересекаются (см.: Коротеева, 1994).

Представители «родового» подхода (Бромлей, 1983; Гумилев, 1994; Geertz, 1984; Van den Berghe, 1981) рассматривают этническую идентичность как изначальное качество человека в роли члена этнической группы. Ее основа – кровное родство, общее происхождение и исконная территория.

«Конструктивистский» подход (Тишков, 1997; Barth, 1994) утверждает, что этническая идентичность коренится не «в сердцах», а «в головах» членов этнической группы. Этнические группы при этом рассматриваются как «воображаемые сообщества» или «социальные конструкции». Поэтому особую значимость имеют не объективные атрибуты этнической группы (территория или исторические факты), а ее субъективная сторона: групповое сознание, мифотворчество, чувство солидарности. Конструктивисты рассматривают этничность как ситуативный, или «навязанный» феномен.

Процесс социального конструирования, по мнению Тишкова (1997), может быть направлен, в частности, на компенсацию дефицита культурной отличительности. С этой целью предпринимаются усилия в поддержку процесса культурной дивергенции. «Элиты в стремлении мобилизовать этническую

группу против своих противников или против центральной государственной власти стремятся увеличивать сумму групповых черт и символов, чтобы доказать, что члены группы отличаются не только какой-то отдельной чертой (например, диалектом), а многими чертами» (Тишков, 1997, с. 31).

«Инструменталистский» подход (Дробижева, Аклаев, Коротеева, Солдато-ва, 1996; De Vos, 1982) сочетает в себе черты «родового» и «конструктивистского» подходов. В «Инструменталистском» подходе развиваются идеи функциональности и утилитарности. Поэтому этническая идентичность рассматривается как национальное чувство, «разбуженное» для достижения групповых интересов.

Этническую идентичность можно рассматривать по аналогии с культурной, языковой, религиозной, и другими формами идентичности. Однако этническая идентичность является наиболее древней и устойчивой формой самоопределения (Лебедева, 1999; De Vos, 1982). Истоки этнической идентичности коренятся в прошлом, тогда как другие формы идентичности существуют «здесь» и «теперь».

В этнической идентичности выделяются *когнитивный* (знания, представления об особенностях группы и осознание себя ее членом на основе этнодифференцирующих признаков) и *аффективный* (чувство принадлежности к группе и членство в ней, оценка ее качеств) компоненты (Стефаненко, 1999), а также *поведенческий* компонент (Дробижева, Аклаев, Коротеева, Солдато-ва, 1996).

Когнитивный компонент включает: (1) этническую осведомленность, (2) этническое самоназвание, (3) этнические ориентации, (4) групповые концепции. Когнитивный компонент является основой развития представлений об этнодифференцирующих признаках. В качестве таких признаков могут выступать язык, ценности, нормы, историческая память, религия, представления о родной земле, миф об общих предках, национальный характер, народное искусство.

Аффективный компонент включает (1) эмоциональную оценку этнической группы, (2) переживание гордости или стыда в связи с членством в группе, (3) этнические чувства, разделяемые с другими членами группы (общность переживаний).

Поведенческий компонент выражается в построении отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях.

Этническая идентичность может подвергаться трансформациям (Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 1998; Berry, Poortinga, Segall, & Dasen, 1992). Источником этих трансформаций могут быть эмоционально-оценочные противопоставления своей и чужой этнической группы по принципу «мы» – «они». В зависимости от позитивных или негативных результатов этого противопоставления развивается определенный тип этнической идентичности (см.: Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 1998). Приведем их краткую характеристику.

Позитивная этническая идентичность понимается как баланс толерантности по отношению к своей и другим этническим группам. Баланс толерантности служит, с одной стороны, условием самостоятельного и стабильного существования этнической группы, а с другой, условием мирного межкультурного взаимодействия. Позитивный образ своей этнической группы соотносится с позитивно-ценностным отношением к другим этническим группам.

Этническая индифферентность понимается как равнодушное отношение человека к проблемам этничности и межэтнических отношений, к ценностям своего и других народов, субъективное переживание свободы от норм и традиций. Этническая индифферентность приводит к тому, что на поведение человека никак не влияют ни его этническая принадлежность, ни этничность других людей.

Этнонигилизм выражается в трансформации этнической идентичности в гипоиентичность. О гипоиентичности судят по нежеланию поддерживать собственные этнокультурные ценности, ощущению этнической неполноценности, ущемленностью, стыду за представителей своего этноса, а то и негатив-

визму к ним. Этот тип идентичности рассматривается как частный случай общего защитного механизма отрицания.

Этноэгоизм – это относительно лояльная форма гиперидентичности. Он опирается на категорию «мой народ» и приводит к некритическому предпочтению своей этнической группы.

Этноизоляционизм – это убежденность в превосходстве своей этнической группы над другими, признание необходимости «очищения» национальной культуры, негативное отношение к брачным межнациональным союзам.

Национальный фанатизм – это готовность идти на любые действия во имя так или иначе понятых этнических интересов – вплоть до этнических «чисток», отказа другим народам в праве пользования ресурсами и социальными привилегиями, признания приоритета этнических прав народа над правами человека.

1.3.2. Кросскультурный подход к Я–концепции

Кросскультурный подход в психологии отражает интерес психологов к культуре как одной из социальных детерминант личности, сознания и поведения человека. Данный подход зародился в культурно-исторической психологии. Ее основателем считается Вико (1668–1744) (см.: Коул, 1997). Согласно Вико, история является ключом к любой гуманитарной науке, выражает человеческую волю и дает большие знания о человеке, чем естественные науки. Вико рассматривал человека целостно – не только как рационального и интеллектуального, но также как мечтающего, чувствующего, переживающего (Vico, 1990).

С начала XIX в., благодаря Гумбольдту (1767–1835), культурно-историческая, или «вторая» психология обозначается как *Volkerpsychologie* – «психология народов», предназначенная изучать «дух народа». В середине XIX в. Миль (1806–1873) предложил версию дуальной психологии, которая состояла из двух ветвей: естественнонаучной (психологии) и гуманитарной

(этологию). В предмет этологии входило изучение типов характера человека. Миль подчеркивал различия между психологией и этологией не только по предмету, но и по методу: психология опирается на эксперимент и дедукцию, этология – на размытые обобщения, приводящие к образованию целого из элементов. Вундт (1832–1920) развивал далее идеи Милия о дуальной психологии и идеи Гумбольдта о «психологии народов», разделив психологию на «физиологическую» и «психологию народов». Психология народов изучала высшие психические функции, – психический продукт, создаваемый общественным характером человеческой жизни (подробнее см.: Дорфман, 2003; Коул, 1997).

В XX в. культурно-историческая традиция получает развитие в Советском Союзе (Выготский, 1996; Лурия, 1982). Начинают проводиться кросскультурные исследования. Выготский (1996) впервые в отечественной психологии поставил задачу определения роли культуры для понимания психики человека. Функция культуры, по Выготскому, заключена в преобразовании «натуральной» психики в «культурную». Результатом этого преобразования является развитие высших психических функций. В качестве единицы культуры Выготский рассматривал знак, или системы знаков – таких, как язык, различные формы нумерации и счисления, произведения искусства, схемы, карты, и т.д.

Значимый вклад в исследования культурной обусловленности психики внес Лурия (1982). Он подверг эмпирической проверке гипотезу о зависимости познавательных процессов от социального и культурного опыта людей. В частности, Лурия изучал, каким образом люди кодируют лингвистически такие основные категории визуального опыта, как цвет и форма. Он изучал также культурную обусловленность процессов мышления – классификации, абстрагирования, решения словесных задач и самоанализа. В каждой из этих областей Лурия обнаружил зависимость организации познавательной деятельности человека от уровня общественной организации его жизни.

В настоящее время традиция кросскультурных исследований психики широко распространена в мировой психологии. Традиционное кросскультурное исследование подразумевает: а) выбор психологического закона, теста или модели, которые удовлетворительно зарекомендовали себя в оригинальной культуре; б) «тестирование» избранной закономерности на одной или нескольких культурах и в) установление в других культурах факторов или элементов, отсутствующих в оригинальной культуре, из которой был перенесен данный закон. Схема кросскультурного исследования подразумевает, что «другие культуры» рассматриваются как независимые переменные (Berry, Poortinga, Segall, & Dasen, 1992). В соответствии с этой типовой моделью, кросскультурную психологию можно рассматривать не как отдельную отрасль или научную дисциплину, а как особый метод исследования.

Поскольку кросскультурный подход связан преимущественно с изучением надкультурных феноменов, диапазон объектов исследования является более широким, чем при этнопсихологическом подходе.

Кросскультурный подход к исследованию Я–концепции предполагает, что данный феномен рассматривается как общепсихологический (надкультурный), имеющий черты сходства и различия у представителей разных этнических групп.

С позиций кросскультурного подхода традиционными являются исследования Я–концепции и таких ее аспектов, как взаимозависимость–независимость и самооценка. Сравнение этих аспектов Я–концепции проводится преимущественно на представителях коллективистических (восточных) и индивидуалистических (западных) культур.

Взаимозависимая – независимая Я–концепция

Понятия взаимозависимой и независимой Я–концепции возникли в связи с теоретическими представлениями о культурных предпосылках преобладания определенных Я–концепций у представителей разных этнических групп.

Согласно Триандису (Triandis, 1989), существует три типа Я–концепции: приватная, публичная и коллективная. Приватная Я–концепция представляет собой осознание людьми своих целей. Публичная Я–концепция связана с тем, как люди видят себя глазами других людей. Коллективная Я–концепция связана с принадлежностью к группе. Эти Я–концепции присутствуют в каждой культуре, при этом такие характеристики культуры, как индивидуализм, сложность и уровень достатка определяют преобладание одного из трех типов Я–концепции.

Триандис (Triandis, 1989) предположил, что приватная Я–концепция может превалировать в индивидуалистических культурах. Сложность культуры и высокий уровень достатка также могут способствовать преобладанию приватной Я–концепции. Кроме того, обращение к той или иной Я–концепции, по мнению Триандиса, в разных культурах может определяться различными социальными ситуациями.

Markus and Kitayama (1991) предложили теорию психологических последствий выбора независимой и взаимозависимой Я–концепции. Независимая Я–концепция характеризуется уникальностью и приводит к обособлению человека от окружающих. Взаимозависимая Я–концепция характеризуется взаимопроникновением со значимыми окружающими и включается в систему социальных взаимосвязей. Авторы полагали, что выбор Я–концепции может влиять на когнитивные, аффективные и мотивационные процессы.

Триандис (Triandis, 1989, 1995) предположил, что Я–концепция обусловлена контекстом. На основе эмпирических данных (Fijneman, Willemsen, & Poortinga, 1996; Matsumoto, Takeuchi, Andayani, Kouznetsova, & Krupp, 1998; Rhee, Uleman, & Lee, 1996) было высказано предположение о том, что взаимозависимое Я в большей степени, чем независимое Я, присуще коллективистическим культурам (подобно культурам Восточной Азии), а независимое Я, напротив, в большей степени, чем взаимозависимое Я, присуще индивидуалистическим культурам (подобно Западным культурам).

Самооценка

Heine, Lehman, Markus, and Kitayama (1999) предположили, что потребность в позитивной самооценке выражена в большей степени у представителей индивидуалистических культур, чем у представителей коллективистских культур. Эти различия обусловлены тем, что ведущим мотивом у представителей индивидуалистических культур является самоутверждение, а у представителей коллективистских культур – самосовершенствование. Соответственно первые сосредоточиваются на позитивных аспектах Я и стремятся к идеалу, тогда как вторые уделяют первоочередное внимание негативным аспектам Я и «стараятся не отставать».

В индивидуалистических культурах ценится независимость и обособленность человека, его стремление к превосходству над другими людьми. В коллективистических культурах, напротив, ценится взаимозависимость и принадлежность к мы-группе: человек пытается достичь идеала этой группы. Преобладание стремления не отстать от других над стремлением их превзойти отличает представителей коллективистических культур. Эти представления получили эмпирическую поддержку (Heine & Lehman, 1995; Rosenberg, 1965; Taylor & Brown, 1988).

Другое теоретическое основание для предположения о культурных различиях в самооценке выдвигает Хиггинс (Higgins, 1987; Higgins, Klein, & Strauman, 1985). Согласно его теории расхождений Я (self-discrepancy), личность оценивает себя позитивно в той мере, в какой ее самовосприятие (актуальное Я) соответствует идеальным представлениям о себе (идеальное Я). Индивидуалистические культуры с преобладающими в них ценностями уникальности и самодостаточности отдельной личности способствуют минимизации различий между ее актуальным и идеальным Я. Коллективистические культуры, ставящие на первое место ценность группы, наоборот, создают благоприятные предпосылки для максимизации различий между актуальным

и идеальным Я личности. Heine and Lehman (1999) получили эмпирические данные в пользу этой теории.

С позиций теории социальной идентичности Tajfel (1982) предположил, что в коллективистских культурах человек повышает самооценку опосредованно – через слияние с группой и групповую позитивную оценку своего Я. Такой механизм роста самооценки объясняется тем, что Я–концепция человека является производной от осознания им своей принадлежности к социальной группе (с учетом ее ценности и эмоциональной значимости).

1.4. Проблема, цель и задачи, объект и предмет исследования

1.4.1. Проблема

Полимодалное Я: интеграция этнического и кросскультурного аспектов

До сих пор в этнопсихологии Я–концепция изучалось либо в этническом (Айварова, 2001; Арутюнян, 1990; Данзанова, 1997; Левкович, Кузмицкайте, 1992; Мухина, 1988; Павленко, Кряж, Барретт, 2002; Сикевич, 1996; Снежкова, 1982), либо в кросскультурном (Душанбаева, 2003; Ратанова, Шогенов, 2001; Солдатова, 1998; Bond & Cheung, 1983; Cousins, 1989; Fijneman, Willemssen, & Poortinga, 1996; Heine & Lehman, 1995, 1999; Heine, Lehman, Markus, & Kitayama, 1999; Matsumoto, Takeuchi, Andayani, Kouznetsova, & Krupp, 1998, Rhee, Uleman, & Lee, 1996; Rosenberg, 1965; Taylor, & Brown, 1995; Trafimov, Triandis, & Goto 1991; Triandis, 1989, 1995) аспектах. Вместе с тем интегративные модели Я–концепции, совмещающие в себе этнический и кросскультурный аспекты, за редкими исключениями и в отношении смежных феноменов (см. напр.: Выходил, 2003; Хотинец, 1998, 2000а, 2000б), не создавались. Постановка данной проблемы и ее разработка является главной особенностью настоящей работы.

Данная проблема ставится и разрабатывается с позиции многоаспектного подхода к Я. Как отмечалось выше (см. § 1.1), многоаспектный подход к Я может разрабатываться с разных позиций, опираясь, например, на представления о субъективной реальности и самосознании (Дубровский, 1983), феноменологии Я (Тхостов, 1994), или Я как устройства по переработке информации (Martindale, 1980). Вместе с тем основное внимание в работе уделено концепции метаиндивидуального мира (Дорфман, 1993, 1997, 1998, 2004б). Из этой концепции дедуктивно выводится многоаспектность Я–концепции и строится концептуальная модель полимодалного Я (Дорфман, 1993, 1998, 2002а, 2004а, 2004б).

Проблемное поле этнического и кросскультурного аспектов Я–концепции будут обозначены далее в границах концептуальной модели полимодального Я и лежащей в ее основе концепции метаиндивидуального мира. До сих пор в рамках концептуальной модели полимодального Я его этнический и кросскультурный аспекты не изучались. Эта проблема ставится впервые.

Анализ литературы, выполненный в предыдущих параграфах, позволяет вначале обособить этнический и кросскультурный аспекты Я–концепции (фаза анализа), а затем рассмотреть их совместно (фаза синтеза). Выделение этнического аспекта Я–концепции приводит к необходимости его специального описания и эмпирического изучения. В связи с этим в настоящем исследовании ставится проблема *этнического Я*. Выделение кросскультурного аспекта Я–концепции приводит к необходимости его специального описания и сравнительного анализа применительно к нескольким этносам. В связи с этим в настоящем исследовании ставится проблема кросскультурных различий между представителями удмуртского и русского этносов. В литературе (Высочил, 2003; Пибоди, Шмелев, Андреева, Граменицкий, 1993; Хотинец, 2000а, 2000б, 2003; Шкляев, 1993) имеются данные о различиях в национальных стереотипах удмуртов и русских, а также некоторых особенностях их личности. Однако кросскультурные исследования удмуртов и русских по особенностям их Я–концепции до сих пор не проводились.

Полимодальное Я: межличностный аспект

В литературе имеются данные об изменениях Я–концепции, вызванных этническими (Айварова, 2001; Арутюнян, 1990; Данзанова, 1997; Козлова, 2001; Левкович, Кузмицкайте, 1992; Мухина, 1988; Павленко, Кряж, Барретт, 2002; Снежкова, 1982) и кросскультурными (Душанбаева, 2003; Ратанова, Шогенов, 2001; Солдатова, 1998; Bond, & Cheung, 1983; Cousins, 1989; Fijneman, Willemssen, & Poortinga, 1996; Heine, Lehman, Markus, & Kitayama, 1991; Heine, & Lehman, 1995; Matsumoto, Takeuchi, Andayani, Kouznetsova, & Krupp, 1998,

Rhee, Uleman, & Lee, 1996; Rosenberg, 1965; Taylor, & Brown, 1995; Trafimov, Triandis, & Goto 1991; Triandis, 1989, 1995) факторами. Однако изменения Я-концепции не изучались с учетом ее многоаспектности, т.е. не изучались изменения полимодального Я.

До сих пор полимодальное Я рассматривалось в связи с особенностями личности (Дорфман, 2002б; Дорфман, Быков, Гольдберг, 2000; Дорфман, Зворыгина, Калинина, 2000; Дорфман, Ковалева, 2000; Дорфман, Соболева, 2000; Дорфман, Феногентова, 2000; Дорфман, Феногентова, Дзюба, 2000; Dorfman, Vartanian, Martindale, Goldberg, Bykov, & Vedrov, 2000). Однако не изучались изменения полимодального Я, вызванные этническими и кросскультурными факторами.

Постановка и разработка проблемы изменений полимодального Я, вызванных этническим и кросскультурным факторами, является другой особенностью настоящей работы.

Аффилиативные мотивы

Аффилиативные мотивы являются важнейшей характеристикой личности, объясняющей ее привязанность к «своей» этнической группе, и фактором кросскультурных различий. Например, аффилиативные мотивы связаны с этническим самосознанием. Было обнаружено, что рост этнического самосознания может приводить к снижению выраженности аффилиативных мотивов личности (Вяткин, Хотинец, 1996). По степени выраженности аффилиативных мотивов (кросскультурный аспект) русские отличаются от татар (Высочил, 2003; Солдатова, 1998), башкир, удмуртов (Высочил, 2003), тувинцев, якутов и осетин (Солдатова, 1998). Исследования русских (Козлова, 2000; Пибоди, Шмелев, Андреева, Граменицкий, 1993; Хотинец, 2000а, 2000б; Kaplan, 1961) и удмуртов (Пименов, 1977; Хотинец, 2000а, 2000б) позволяют полагать, что аффилиативные мотивы – существенная характеристика кросскультурных различий между ними.

В исследованиях аффилиативных мотивов в этническом и кросскультурном аспектах принято дифференцировать мотивы на этноаффилиативные и межличностные. Однако почти отсутствуют исследования аффилиативных мотивов в контексте их возможных связей с Я. Это – еще одна слабо разработанная проблема.

Постановка и разработка проблемы изменений этно- и межличностных аффилиативных мотивов, вызванных этническим и кросскультурным факторами является еще одной особенностью настоящей работы.

1.4.2. Цель и задачи исследования

Целью исследования является изучение Я–концепции человека в сфере этноса и кросскультурных различий.

Были поставлены 4 исследовательские задачи.

1. Разработать конструкт этнического Я и подвергнуть его эмпирическому тестированию.
2. Выяснить, приводит ли этническое Я к изменениям полимодального Я и аффилиативных мотивов.
3. Выяснить, существуют ли кросскультурные различия между представителями удмуртского и русского этносов по полимодальному Я и аффилиативным мотивам.
4. Построить эмпирическую модель Я–концепции, интегрируя ее этнический и кросскультурный аспекты.

1.4.3. Объект и предмет исследования

Объектом настоящего исследования является Я–концепция, этнический и кросскультурный факторы как ее социальные детерминанты.

Предметом данного исследования является этнический и кросскультурный аспекты полимодального Я и аффилиативных мотивов студентов, представителей удмуртского и русского этносов.

1.5. Предпосылки и исследовательские гипотезы

1.5.1. Конструкт этнического Я

В настоящей работе вводится новое понятие – этническое Я. Этот конструкт основан по меньшей мере на трех предпосылках. Во-первых, этническое Я рассматривается в контексте метаиндивидуального этнического мира (Хотинец, 1999, 2000а, 2000б). Рассматриваются те стороны метаиндивидуального мира, которые несут этническую нагрузку и выполняют этнические функции. Во-вторых, этническое Я берется в определенном социальном контексте, но не в межличностном (как например, у Kihlstrom, Marchese-Foster, and Klein, 1997), а собственно в этническом контексте. В-третьих, этническое Я берется в определенном собственно психологическом контексте, а именно как многоаспектное образование. Следуя за Дорфманом (2002а, 2004б), этническое Я можно трактовать как форму полимодального Я, в которой ментально репрезентируется метаиндивидуальный этнический мир.

Исходя из этих предпосылок, в этническом Я можно выделять модальности и субмодальности. «Этнос» и «Я» являются модальностями этнического Я. Причем модальность «Этнос» – это этнический аналог модальности «Другой» в полимодальном Я. То есть, в отличие от модальности «Другой», в модальности «Этнос» ментально репрезентируются традиции, фольклор, люди данного этноса, а также национальные особенности этноса, к которому относит себя человек.

Опять-таки по аналогии с полимодальным Я в этническом Я можно выделить субмодальности Авторское, Вторящее, Воплощенное, Превращенное.

Субмодальности Я – Воплощенное и Превращенное – относятся к модальности «Этнос», но в разных отношениях. Я–Воплощенное характеризует тот аспект Я, в котором выражается стремление человека обладать теми или иными сторонами этноса. Это тот аспект Я, благодаря которому в этнос привносится нечто свое, а отдельные элементы этноса трансформируются. Я–

Превращенное, наоборот, характеризует тот аспект Я, в котором выражается терпимость к этническим ценностям, нормам и моделям поведения, их принятие.

Субмодальности Я – Авторское и Вторящее – относятся к модальности «Я», но в разных отношениях. Я–Авторское характеризует тот аспект Я, который отвечает за самостоятельный (независимый) выбор в пользу своего этноса, идентификацию с ним. Я–Вторящее – это тот аспект Я, в котором ментально репрезентируется зависимость человека от этноса.

На основании этих предпосылок ставится исследовательский вопрос о дифференциации этнического Я по модальностям, системам и диспозициям «Этнос» и «Я». Этот вопрос – исследовательский, и его эмпирическое изучение направлено на решение первой задачи данной работы.

1.5.2. Круговая структура этнического Я

В психологии существует богатая традиция изучения личности (в интерперсональном аспекте) в форме круговых моделей. Эта традиция начинается от теорий личности Sullivan (1936–1937, 1953) и Leary (1957). Sullivan выделил в личности две базовые координаты: самоуважение и безопасность. Leary (1957) был первым, кто операционализировал свои идеи в приемлемом для эмпирических исследований виде. Он показал, что переменные личности можно упорядочить в форме круга. Принцип круговой структуры означает, что переменные личности организованы по кругу в 2-х мерном пространстве: одно измерение – дружелюбие – враждебность, другое измерение – доминантность – подчинение (см.: Leary, 1957; Martinez–Arias, Silva, Diaz–Hidalgo, Ortet, & Moro, 1999; Wiggins, 1985, 1995, 1996; Wiggins & Broughton, 1985; Wiggins, Steiger, & Gaelick, 1981).

При изучении полимодального Я применялся метод структурного моделирования (Дорфман, 2004а). Строились полярные и биполярные модели полимодального Я.

«Материалом» для построения полярных моделей выступали попарные комбинации субмодальностей. Взятые попарно, субмодальности образуют оппозиции. Например, Я–Авторское и Я–Вторящее образуют оппозицию независимость – зависимость; Я–Воплощенное и Я–Превращенное – оппозицию обладание – принятие, и т. д. Субмодальности, взятые попарно, рассматриваются как полярные категории. Как отмечалось в § 1.2.2, в полимодальном Я выделяются 6 полярных категорий. В зависимости от состава они могут принимать формы систем, модальностей и диспозиций. В системах, модальностях и диспозициях образуются по две полярные категории: *системы «Я» и «Другой»*, *модальности «Я» и «Другой»*, *диспозиции «Обособление» и «Слияние»*. Полярные категории образованы следующими субмодальностями: *система «Я»* – субмодальностями Авторское и Воплощенное, *система «Другой»* – субмодальностями Превращенное и Вторящее; *модальность «Я»* – субмодальностями Авторское и Вторящее, *модальность «Другой»* – субмодальностями Превращенное и Воплощенное; *диспозиция «Обособление»* – субмодальностями Авторское и Превращенное, *диспозиция «Слияние»* – субмодальностями Воплощенное и Вторящее. При тестировании полярных моделей было обнаружено, что полярные категории полимодального Я с равной вероятностью могут принимать форму систем, модальностей и диспозиций.

«Материалом» для построения биполярных моделей выступали попарные комбинации полярных категорий. В полимодальном Я выделяются 3 биполярные категории. Каждая из них включает пару полярных категорий. В зависимости от состава они могут принимать формы бисистемы, бимодальности, бидиспозиции. Каждая биполярная категория описывает полимодальное Я в целом, но в определенном аспекте. В *бисистеме* ментально репрезентируются система «Я» и система «Другой», в *бимодальности* – модальности «Я» и «Другой», в *бидиспозиции* – диспозиции «Обособление» и «Слияние». При тестировании биполярных моделей было обнаружено, что биполярные кате-

гории полимодального Я с равной вероятностью могут принимать форму систем, модальностей и диспозиций.

Можно отметить определенное сходство между интерперсональной концепцией личности Wiggins (1991, 1995) и концептуальной моделью полимодального Я Дорфмана (см.: Дорфман, 2004а), поскольку обе концепции фокусируют внимание на обмене ресурсами между «Я» и «Другим» (Dorfman, Vartanian, Martindale, Goldberg, Bykov, & Vedrov, 2000). У Wiggins особенности личности показаны в форме круговой модели. Однако не предпринималась попытка подвергнуть тестированию полимодальное Я как круговую модель.

Несмотря на то, что полимодальное Я не подвергалось тестированию в качестве круговой модели, в данной работе круговая модель личности Wiggins (1991, 1995) рассматривается как предпосылка изучения организации этнического Я в форме круговой модели. Другой предпосылкой для изучения этого вопроса является положение о биполярных категориях полимодального Я.

На основании этих предпосылок ставится исследовательский вопрос о круговой модели этнического Я. Также ставится вопрос о том, какие полярные категории (системные, модальные, диспозиционные) могут быть осями круговой модели этнического Я, и в какой последовательности субмодальности образуют круг.

При изучении вопроса о последовательности субмодальностей этнического Я по кругу принималось во внимание два обстоятельства. Во-первых, порядок последовательностей субмодальностей этнического Я может быть разным. Например: Авторское – Воплощенное – Превращенное – Вторящее или Воплощенное – Вторящее – Превращенное – Авторское. Во-вторых, порядок последовательностей субмодальностей этнического Я имеет принципиальное значение, поскольку указывает на полярные категории, образующие оси круга. Например, если бы порядок последовательностей субмодальностей этнического Я был определен как Авторское – Воплощенное – Вторящее – Пре-

вращенное, то это означало бы, что оси круга образуют полярные категории модальность «Я» и модальность «Этнос».

Поставленные вопросы – исследовательские, и их эмпирическое изучение также направлено на решение первой задачи данной работы.

1.5.3. Этническое Я как фактор изменений полимодального Я и аффилиативных мотивов

Двоякого рода предпосылки легли в основу предположения о том, что этническое Я может приводить к изменениям полимодального Я и аффилиативных мотивов. Причем обе предпосылки восходят к концепции метаиндивидуального этнического мира Хотинец (1999, 2000а, 2000б).

Во-первых, имеются данные о влиянии этнического фактора на личность человека. Хотинец (2000а) показала, что этнические особенности могут выступать в качестве предпосылки формирования у человека социально-психологических свойств. В частности, были обнаружены две формы этнического самосознания – позитивная и негативная. Позитивная форма этнического самосознания способствовала сотрудничеству, застенчивости, покорности, а негативная форма этнического самосознания – независимости, недоверчивости, соперничеству.

Во-вторых, изучая в ходе формирующего эксперимента зависимость индивидуальных свойств удмуртских студентов от уровня развития их этнического самосознания, Вяткин и Хотинец (1996) получили следующие факты. Высокий уровень развития этнического самосознания был связан с такими факторами, как «Способность реализации потребности в деловом межличностном взаимодействии», «Деловая направленность», «Реализация нормативного поведения». Низкий уровень развития этнического самосознания был связан с другими факторами – такими, как «Привлекательность и желательность межличностного взаимодействия», «Потребность в реализации межличностного общения», «Личностная направленность».

Опираясь на эти данные, можно строить предположения об отношениях этнического самосознания с этническим Я, с одной стороны, полимодальным Я и аффилиативными мотивами, с другой.

Дело в том, что в терминах субмодальностей полимодального Я данные Хотинец (2000а) могут означать связь позитивной формы этнического самосознания с Я–Вторящим и Я–Превращенным, и негативной формы этнического самосознания – с Я–Авторским и Я–Воплощенным. Действительно, имеются эмпирические свидетельства о сопряженности сотрудничества, застенчивости, покорности с Я–Вторящим (Дорфман, Зворыгина, Калинина, 2000; Дорфман, Соболева, 2000), неуверенности–покорности – с Я–Превращенным (Dorfman, Vartanian, Martindale, Goldberg, Bykov, & Vedrov, 2000) в полимодальном Я. Также имеются данные о сопряженности независимости, недоверчивости, соперничества с Я–Авторским и Я–Воплощенным в полимодальном Я (Дорфман, Зворыгина, Калинина, 2000)

С другой стороны, данные Вяткина и Хотинец (1996) об особенностях формирования этнического самосознания могут свидетельствовать о том, что этническое Я (по меньшей мере, в части Я–Воплощенного) может приводить к изменениям полимодального Я и аффилиативных мотивов.

На основании этих предпосылок и в терминах дисперсионного анализа ставится исследовательский вопрос об эффектах этнического Я на полимодальное Я и аффилиативные мотивы. Изучение этого вопроса направлено на решение второй задачи данной работы.

1.5.4. Кросскультурные различия как фактор изменений полимодального Я и аффилиативных мотивов

Косвенные данные в пользу полимодального Я

В литературе имеются данные об особенностях личности удмуртов и русских. Некоторые из этих данных косвенно могут служить в пользу кросскультурных различий удмуртов и русских по их полимодальному Я.

По этнографическим данным, удмурты принадлежат к уральской (финно-угро-самодийской) этнолингвистической группе (в эту группу входят также мордва, мари, эстонцы, карелы, финны, саами и другие народы общей численностью 25 миллионов). Удмурты – второй после мордвы по численности финно-угорский народ в России. Большая часть удмуртов (67%) проживает в пределах Удмуртии (Агеева, 2000; Народы России: Энциклопедия, 1994).

По данным Владыкина (1998), Владыкина, Христоролюбовой (1984), Пименова, Христоролюбовой (1976), Шкляева (1993) типичными чертами удмуртского характера являются скромность и даже стеснительность до робости, терпеливость, замкнутость, немногословие, сдержанность в проявлении чувств, умеренность, щедрость, миролюбие.

Хотинец (2003) выделяет типичные черты характера удмуртской женщины: скромность, доброта, застенчивость, замкнутость, скрытность, трудолюбие, исполнительность, хозяйственность, терпеливость, гостеприимство, обидчивость, сдержанность, веселость.

Попыткам описать русский национальный характер посвящены многочисленные работы философов, историков, антропологов, социологов, психологов. Как правило, особенности русского характера плохо поддаются однозначному определению. Представление о «загадочности русской души» отражает сложность изучения этого вопроса.

По мнению Бердяева (1990), русский характер несет в себе черты нестабильности и противоречивости. «Бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низостью, неблагородством, ... Бесконечная любовь к людям, поистине Христова любовь, сочетается с человеконенавистничеством и жестокостью. Жажда абсолютной свободы мирится с рабьей покорностью» (Бердяев, 1990, с. 9).

Интересное объяснение нестабильности национального характера русских выдвинули Gorer and Rickman (1946). Согласно их «пеленочной гипотезе», русская традиция тугого пеленания младенцев с ранних месяцев их жизни

приводит к тому, что русские растут сильными и сдержанными. Младенцев освобождают от пеленок лишь на короткое время для гигиенических процедур и активной игры. Смену длительных периодов неподвижности с короткими периодами мускульной активности и интенсивного социального взаимодействия Gorer and Rickman (1946) связали с определяющими чертами национального характера. Многие русские, по их мнению, испытывают сильные душевные порывы и короткие всплески социальной активности в промежутках между долгими периодами депрессии и самокопания.

Как отмечает Schubart (1938), русской душе свойственны чувство вины, жертвенность, доверчивость, милосердие. Русскую культуру он характеризует как культуру с женственными чертами (см.: Лебедева, 1999).

Kaplan (1961) характеризует типичного русского как теплую, человечную, очень зависимую, стремящуюся к социальному присоединению, эмоционально нестабильную, сильную, но недисциплинированную личность.

Vorobieva, Dorfman, and Petrov (1992), сопоставляя особенности западного и российского научного мышления, выделяют в качестве основного критерия существующих между ними различий аналитизм – синтетизм. Для русской культуры в большей степени, чем для западной культуры, характерно преобладание синтетического (правополушарного) начала. Основными проявлениями синтетичности в мышлении русских выступают стремление к глобализации, ассимиляции, универсальности; высокая эмоциональность; приоритет целей над средствами (методами).

Дорфман (2001) обозначает следующие признаки синтетичности русского мышления: преобладание установки на обнаружение сходства – против установки на обнаружение различий; преобладание установки на обнаружение целого – против установки на обнаружение частей; преобладание установки на одновременность – против установки на последовательность; преобладание зависти к другим – против самодостаточности; преобладание жертвенности – против самосохранения.

Пибоди, Шмелев, Андреева, Граменицкий (1993), основываясь на данных психосемантического анализа, выделяют следующие типичные черты русского характера: откровенность, щедрость, бесшабашность, умение прощать, непрактичность, доверчивость, миролюбие (см. также: Александров, Власов, Полищук, 1997; Андреев, 2000; Гаюрова, 2003; Уваров, 2000).

По данным Козловой (2000) черты характера, которые русские студенты отмечают как типичные для своего народа, являются преимущественно негативными. Недальновидность (даже глупость), легкомыслие, лень в сочетании с нерешительностью, пассивность, нечестность, терпимость и доброта, по мнению большинства респондентов, представляют сущность русского национального характера.

Из анализа литературы можно заключить, что у представителей обоих этносов имеются как сходные, так и противоположные национальные черты. К сходным чертам можно отнести терпеливость, доброту, щедрость, миролюбие. К противоположным чертам можно отнести качества экстравертированности – интровертированности. Судя по приведенным личностным характеристикам, удмуртам свойственна интровертированность, которая проявляется в таких чертах как сдержанность, замкнутость, стеснительность, а русским – экстравертированность, которая проявляется в стремлении к социальному присоединению, откровенности.

Хотинец (2002) приводит данные о различиях между удмуртами и русскими по коммуникативной активности и общей эмоциональности как формально-динамическим свойствам их индивидуальности.

По данным Будадиной и Хотинец (2004), существуют различия между удмуртскими и русскими студентками по Я–Превращенному (по терпимости) и Я–Вторящему (по зависимости и дружелюбию).

Высочил (2003) обнаружила, что у удмуртов уровень этнической интолерантности выше, чем у русских.

В терминах субмодальностей полимодального Я, наблюдения и исследования, приведенные выше, могут означать кросскультурные различия между удмуртами и русскими по Я–Авторскому (по экстраверсии, силе Я, чувству вины, целостному видению жизни, страху отвержения), Я–Воплощенному (по экстраверсии, скорости установления глубоких контактов с людьми), Я–Превращенному (по силе Я, неуверенности – простодушности), Я–Вторящему (по интровертированности, покорности, зависимости, страху отвержения, дискретному восприятию жизни, скорости установления глубоких контактов с людьми) (см. также: Дорфман, Быков, Гольдберг, 2000).

На основании этих предпосылок ставится исследовательский вопрос о кросскультурных различиях между удмуртами и русскими по их полимодальному Я. Изучение этого вопроса направлено на решение третьей задачи данной работы.

Аффилиативные мотивы

В литературе имеются данные о кросскультурных различиях в выраженности *межличностных* аффилиативных мотивов. Markus and Kitayama (1991) обнаружили, что люди с независимым Я в меньшей степени, чем люди с зависимым Я, испытывают потребность в присоединении к кому-либо.

На основании различий между удмуртами и русскими по критерию экстравертированности – интровертированности (см.: предыдущий параграф) можно предположить, что удмурты в большей степени, чем русские, переживают потребность в аффилиации.

В литературе имеются также данные об *этноаффилиативных* мотивах у удмуртов и русских.

Пименов (1977) исследовал этноаффилиативные установки удмуртов и обнаружил их высокую выраженность на поведенческом уровне. Это означает, что удмурты отличаются высоким уровнем этнической самоидентификации. Русские, напротив, отличаются низким уровнем этнической самоидентификации (Козлова, 2000). Солдатова (1998) получила сходные результаты. Она обнаружила, что выраженность этноаффилиативных мотивов у русских ниже, чем у татар, тувинцев, якутов и осетин.

На основании этих предпосылок ставится исследовательский вопрос о кросскультурных различиях между удмуртами и русскими по их аффилиативным мотивам. Можно полагать, что удмурты в большей степени, чем русские, переживают потребность и в межличностной, и в этнической аффилиации. Изучение этого вопроса также направлено на решение третьей задачи данной работы.

1.5.5. Интегративный подход

Концепции метаиндивидуального мира и метаиндивидуального этнического мира позволяют полагать, что этническое Я, кросскультурный фактор, полимодальное Я и аффилиативные мотивы являются не разрозненными, а образуют единую этно-кросскультурную систему. Об интегративных тенденциях в этой системе можно судить, применяя три уровня анализа: на уровне этнического Я и кросскультурного фактора, на уровне полимодального Я и аффилиативных мотивов, а также на уровне этнического Я и кросскультурного фактора, приводящих к изменениям полимодального Я и аффилиативных мотивов.

Этническое Я и кросскультурные различия можно рассматривать в качестве собственно этнических компонентов системы. Производными от них являются полимодальное Я и аффилиативные мотивы. Иначе говоря, ставится вопрос о том, какие вклады этническое Я и кросскультурный фактор могут производить в полимодальное Я и аффилиативные мотивы. Но вопрос об обратных вкладах – полимодального Я и аффилиативных мотивов в этническое Я и кросскультурный фактор – выносится за рамки предмета данной работы.

На основании данных о вкладах этнического Я и кросскультурного фактора в полимодальное Я и аффилиативные мотивы ставится исследовательский вопрос об этно-кросскультурной интегративной модели Я–концепции. Эмпирическое изучение этого вопроса направлено на решение четвертой задачи данной работы.

1.5.6. Исследовательские гипотезы

В результате анализа литературы (см.: предыдущие параграфы), в соответствии с задачами исследования (см.: § 1.4.2) и поставленными исследовательскими вопросами (см.: § 1.5.1–1.5.5) были сформулированы 5 групп исследовательских гипотез.

Первая группа гипотез (решение первой задачи) была направлена на тестирование структуры этнического Я. С позиций концептуальной модели полимодального Я (Дорфман, 2004а) и на основании данных о круговых моделях личности (Leary, 1957; Martinez–Arias, Silva, Diaz–Hidalgo, Ortet, & Moro, 1999; Wiggins, 1985, 1995, 1996; Wiggins & Broughton, 1985; Wiggins, Steiger, & Gaelick, 1981) тестировались гипотезы о круговой структуре этнического Я. Структурирование этнического Я тестировалось в двух планах: в плане осей круга и в плане последовательностей субмодальностей этнического Я по кругу.

Гипотеза об осях круга строилась исходя из представлений о биполярных категориях. В терминах конфирматорного факторного анализа тестированию подвергались 4 исследовательские гипотезы:

- А. Этническое Я складывается из системы «Я» и системы «Этнос»;
- Б. Этническое Я складывается из модальности «Я» и модальности «Этнос»;
- В. Этническое Я складывается из диспозиций «Обособление» и «Слияние».
- Г. Этническое Я складывается из нескольких биполярных категорий.

Гипотеза о последовательностях субмодальностей этнического Я по кругу строилась на основании данных о структурировании этнического Я по тем или иным биполярным категориям. В терминах конфирматорного факторного анализа (подпрограмма «Circle») тестированию подвергалась 2 исследовательские гипотезы:

Д. Оси круга субмодальностей этнического Я определяются той биполярной категорией (категориями), по которой (которым) структурируется этническое Я.

Е. Последовательность субмодальностей этнического Я по кругу обуславливается той биполярной категорией (категориями), по которой (которым) структурируется этническое Я.

Вторая группа гипотез (решение второй задачи) была направлена на тестирование эффектов этнического Я на полимодальное Я и аффилиативные мо-

тивы. С позиций концепции метаиндивидуального этнического мира Хотинец (2000а, 2000б; Вяткин, Хотинец, 1996) тестировались следующие исследовательские гипотезы:

А. Субмодальности в этническом Я – Авторское, Воплощенное, Превращенное, Вторящее – могут приводить к изменениям субмодальностей в полимодальном Я.

Б. Субмодальности в этническом Я – Авторское, Воплощенное, Превращенное, Вторящее – могут приводить к изменениям этноаффилиативных мотивов, а Я–Воплощенное в этническом Я – к изменениям межличностных аффилиативных мотивов.

Третья группа гипотез (решение третьей задачи) была направлена на тестирование эффектов кросскультурного фактора (удмуртки – русские) на полимодальное Я и аффилиативные мотивы.

На основании данных о личностных чертах удмуртов и русских (Андреев, 2000; Александров, Власов, Полищук, 1997; Владыкин, 1998; Владыкин, Христюлюбова, 1984; Выскочил, 2003; Дорфман, 2001; Пибоди, Шмелев, Андреева, Граменицкий, 1993; Лебедева, 1999; Пименов, Христюлюбова, 1976; Уваров, 2000; Хотинец, 2002, 2003; Шкляев, 1993; Kaplan, 1961; Vorobieva, Dorfman, & Petrov, 1992), кросскультурных различиях между ними по субмодальностям полимодального Я (Будалина, Хотинец, 2004) и аффилиативным мотивам (Козлова, 2000; Пименов, 1977; Солдатова, 1998) тестировались следующие исследовательские гипотезы:

А. Я–Авторское и Я–Воплощенное в полимодальном Я выражены в большей степени у русских, чем у удмуртских студенток, а Я–Вторящее, наоборот, выражено в большей степени у удмуртских, чем у русских студенток.

Б. Аффилиативные мотивы (межличностные и этнические) выражены в большей степени у удмуртских студенток, чем у русских студенток.

Четвертая группа гипотез (решение второй и третьей задач) была направлена на тестирование взаимодействий этнического Я и кросскультурного

фактора (удмуртки – русские) по субмодальностям полимодального Я и аффилиативным мотивам.

На основании данных об эффектах этнического Я и кросскультурного фактора на полимодальное Я и аффилиативные мотивы тестировались следующие исследовательские гипотезы:

А. Этническое Я и кросскультурный фактор взаимодействуют по субмодальностям полимодального Я.

Б. Этническое Я и кросскультурный фактор взаимодействуют по аффилиативным мотивам.

Пятая группа гипотез (решение четвертой задачи) была направлена на тестирование этно-кросскультурной интегративной модели Я–концепции.

На основании данных об эффектах этнического Я и кросскультурного фактора на полимодальное Я и аффилиативные мотивы и их взаимодействиях по этим переменным тестировались следующие исследовательские гипотезы:

А. Модель «эффектов». Она строилась на основе данных дисперсионного анализа об эффектах этнического Я и кросскультурного фактора на переменные полимодального Я и аффилиативных мотивов.

Б. Модель «взаимодействий». Она строилась на основе данных дисперсионного анализа о взаимодействиях этнического Я и кросскультурного фактора по переменным полимодального Я и аффилиативных мотивов.

ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Общая схема исследования

В предыдущей главе (см.: § 1.4.2) были сформулированы 4 исследовательские задачи.

Первая задача заключалась в том, чтобы подвергнуть эмпирической проверке теоретический конструкт этнического Я и выявить основания его структуризации.

На основании положения о биполярных категориях полимодального Я, данных о круговых моделях личности (см.: § 1.5.2) и в терминах конфирматорного факторного анализа тестировалась гипотеза о круговой структуре этнического Я.

Вторая задача заключалась в том, чтобы выяснить, приводит ли этническое Я к изменениям полимодального Я и аффилиативных мотивов. На основании эмпирических данных, приведенных в § 1.5.3 и в терминах дисперсионного анализа ANOVA тестировались гипотезы об эффектах этнического Я на полимодальное Я и аффилиативные мотивы.

Третья задача заключалась в том, чтобы выяснить, существуют ли кросскультурные различия между удмуртскими и русскими студентками по полимодальному Я и аффилиативным мотивам. На основании данных, приведенных в § 1.5.4 и в терминах дисперсионного анализа ANOVA тестировались гипотезы об эффектах кросскультурного фактора (удмурты – русские) на полимодальное Я и аффилиативные мотивы.

В рамках решения второй и третьей задач и на основании данных об эффектах этнического Я и кросскультурного фактора на полимодальное Я и аффилиативные мотивы тестировались также гипотезы о взаимодействиях

этнического Я и кросскультурного фактора по полимодальному Я и аффилиативным мотивам. Данные гипотезы также тестировались в терминах дисперсионного анализа ANOVA.

Четвертая задача заключалась в том, чтобы построить этно-кросскультурную интегративную модель Я–концепции и подвергнуть ее эмпирическому тестированию.

На основании данных об эффектах и взаимодействиях этнического Я и кросскультурного фактора и в терминах структурных линейных уравнений были построены промежуточные гипотетические модели, условно обозначенные как модели «эффектов» и «взаимодействий». Построенные модели тестировались на пригодность. В пригодных моделях определялся их состав и каузально-подобные пути.

2.2. Участницы

В исследовании приняли участие 248 студенток: 125 студенток–удмурток I–III курсов факультета удмуртской филологии Удмуртского государственного университета (Ижевск) и 123 студентки–русские I–III курсов факультета русской филологии Пермского государственного педагогического университета (Пермь), – девушки, возраст в диапазоне от 17 до 23 лет ($M = 18.54$, $SD = 1.18$). Национальность участниц определялась по самоотчетам.

2.3. Вопросники

2.3.1. Пермский вопросник Я

Для измерения полимодального Я использовался Пермский вопросник Я (Дорфман, Рябикова, Гольдберг, Быков, Ведров, 2000). В основе вопросника лежит концепция полимодального Я (Дорфман, 1993, 1998, 2002а, 2004а, 2004б).

Измерялись субмодальности полимодального Я – Авторское, Воплощенное, Превращенное, Вторящее. Чем выше значения пунктов вопросника, тем более выражены соответствующие им субмодальности полимодального Я.

Вопросник включал 34 пункта. В шкалу каждой субмодальности входило по 8 пунктов. Порядок их предъявления был случайным. Ответы респондентов выражали степень их согласия с каждым пунктом по шестибалльной шкале в диапазоне от –3 («совершенно не согласна») до +3 («полностью согласна»). Затем ответы переводились в значения от 1 до 6.

Пермский вопросник Я прошел процедуру верификации, результаты которой свидетельствовали в пользу его валидности и надежности (Дорфман, Рябикова, Гольдберг, Быков, Ведров, 2000).

2.3.2. Пермский вопросник этнического Я

Пермский вопросник этнического Я (Рябикова, 2002) был разработан для измерения конструкта этнического Я.

Согласно теоретическим положениям, выдвинутым в главе 1 (см.: § 1.5.1), этническое Я может дифференцироваться по субмодальностям Я – Авторскому, Воплощенному, Превращенному, Вторящему. Поэтому в Пермский вопросник этнического Я вошли пункты, характеризующие субмодальности этнического Я. Чем выше значения пунктов вопросника, тем более выражены соответствующие им субмодальности этнического Я.

Подобно Пермскому вопроснику Я, в суждениях, составивших пункты Пермского вопросника этнического Я, были использованы местоименные формы как эмпирические референты субмодальностей. Местоимение «я» в именительном падеже характеризовало Я–Авторское; местоимение «мой» (в единственном или множественном числе, женском или мужском роде, в разных падежах) – Я–Воплощенное; местоимение «я» в косвенных падежах: «меня»,

«мне», «мной» – Я–Вторящее; логическое подлежащее, замещающее местоимение «он/она» (в именительном падеже, в единственном или множественном числе) – Я–Превращенное.

Первоначально Пермский вопросник этнического Я включал 72 пункта. К каждой из 4-х субмодальностей этнического Я были адресованы по 18 пунктов. Порядок пунктов определялся по таблице случайных чисел. Респонденты выражали степень их согласия с суждениями, изложенными в пунктах, по шестибальной шкале в диапазоне от –3 («совершенно не согласна») до +3 («совершенно согласна»). Затем исходные баллы переводились в значения от 1 до 6.

В окончательном (коротком) варианте Пермский вопросник этнического Я включил – в случайном порядке – 20 пунктов, а также 2 пункта, которые служили проверкой на «ложь». К каждой из 4-х субмодальностей этнического Я были адресованы по 5 пунктов.

Конструктивная валидность вопросника определялась средствами эксплораторного факторного анализа (метод главных компонент, вращение факторов способом Варимакс). В факторный анализ включались значения пунктов вопросника, но не включались агрегированные показатели шкал. Количество выделяемых факторов определялось по критерию Кайзера: собственное значение последнего из выделенных факторов должно быть не меньше 1. Предполагалось, что вопросник будет обладать конструктивной валидностью, если его пункты распадутся на 4 фактора, характеризующие по отдельности субмодальности Я–Авторское, Я–Воплощенное, Я–Превращенное и Я–Вторящее.

Надежность шкал определялась: (1) по корреляциям между пунктами, относящимися к одной и той же шкале, (2) коэффициенту альфа Кронбаха, (3) стандартизированному коэффициенту альфа.

Были получены результаты в пользу конструктивной валидности и надежности Пермского вопросника этнического Я (см.: Приложение 1).

2.3.3. Вопросники мотивов аффилиации

Измерялись межличностные и этнические аффилиативные мотивы.

Межличностные аффилиативные мотивы

Для измерения межличностных аффилиативных мотивов был использован Вопросник мотивов межличностной аффилиации Мехрабиана в модификации Магомед-Эминова (1988). В основе вопросника лежит концепция аффилиативных мотивов Mehrabian and Ksionzky (1974).

Вопросник мотивов межличностной аффилиации включает 62 пункта, из которых 30 направлены на измерение интенсивности мотива стремления к принятию и 32 – на измерение интенсивности мотива страха отвержения. Согласно авторам данного вопросника вопросы, относящиеся к разным мотивам, были разбиты на две группы и предъявлялись респондентам как два разных вопросника. Респондентам предлагалось выразить степень их согласия с суждениями, изложенными в пунктах, по семибалльной шкале в диапазоне от –3 («полностью не согласна») до +3 («полностью согласна»). Применялись пункты с прямыми и обратными суждениями. Затем исходные баллы переводились в значения от 1 до 7 с учетом знаков прямых и обратных пунктов. Суммарный балл подсчитывался для шкал мотива стремления к принятию и мотива страха отвержения по отдельности.

В доступной литературе не были обнаружены сведения о конструктивной валидности и надежности Вопросника мотивов межличностной аффилиации на русской популяции. Этот вопрос специально изучался в данной работе.

Конструктивная валидность определялась средствами эксплораторного факторного анализа пунктов вопросника (метод главных компонент, вращение факторов способом Варимакс). Агрегированные показатели шкал не включались в факторный анализ.

Надежность шкал определялась: (1) по корреляциям между пунктами, относящимися к одной и той же шкале, (2) коэффициенту альфа Кронбаха, (3) стандартизированному коэффициенту альфа.

В результате тестирования конструктивной валидности Вопросника мотива стремления к принятию были выделены 2 субмотива: общительности и социальной близости. В результате тестирования конструктивной валидности Вопросника мотива страха отвержения были выделены 2 субмотива: социальной робости и боязни оценки. Были получены результаты в пользу приемлемой конструктивной валидности и надежности этих субмотивов аффилиации (см.: Приложения 2 и 3).

Этнические аффилиативные мотивы

Для измерения этнических аффилиативных мотивов был использован Вопросник этнической аффилиации (Солдатова, 1998). В основе вопросника лежит концепция аллоцентризма–идеоцентризма (Triandis, Leung, Villareal, & Clack, 1985).

Вопросник этнической аффилиации включает 18 пунктов, из которых 9 направлены на измерение интенсивности мотива этнического слияния и 9 – на измерение интенсивности мотива этнического обособления. Респондентам предлагалось выразить степень их согласия с суждениями, изложенными в пунктах, по трехбалльной шкале в диапазоне от 0 («не согласна») до +2 («согласна»). Суммарный балл подсчитывался для шкал этнического слияния и этнического обособления по отдельности.

В доступной литературе не были обнаружены сведения о конструктивной валидности и надежности Вопросника этнической аффилиации. Этот вопрос специально изучался в данной работе.

Конструктивная валидность определялась средствами эксплораторного факторного анализа пунктов вопросника (метод главных компонент, вращение факторов способом Варимакс). Агрегированные показатели шкал не включались в факторный анализ.

Надежность шкал определялась: (1) по корреляциям между пунктами, относящимися к одной и той же шкале, (2) коэффициенту альфа Кронбаха, (3) стандартизированному коэффициенту альфа.

Были получены результаты в пользу приемлемой конструктивной валидности Вопросника этнической аффилиации для измерения мотивов этнического слияния и этнического обособления. Надежность пунктов была недостаточно высокой (см.: Приложение 4).

2.4. Процедура, исследовательский дизайн, анализ данных

2.4.1. Процедура

Вопросники (Пермский вопросник Я, Пермский вопросник этнического Я, Вопросник межличностных мотивов аффилиации и Вопросник этнической аффилиации) предъявлялись участницам исследования в случайном порядке в ходе 12 групповых сессий.

2.4.2. Исследовательский дизайн

В исследовании использовался корреляционный и *ex post facto* дизайн. Корреляционный дизайн использовался при тестировании круговой структуры этнического Я, а также этно-кросскультурной модели Я–концепции. *Ex post*

facto дизайн использовался при изучении эффектов фактора «Этническое Я» и кросскультурного фактора на переменные полимодального Я и аффилиативных мотивов и взаимодействий этих факторов по данным переменным.

2.4.3. Анализ данных

Общее описание

Применялись эксплораторный факторный анализ, конфирматорный факторный анализ, дисперсионный анализ ANOVA и структурные линейные уравнения.

Эксплораторный факторный анализ использовался для оценки конструктивной валидности Пермского вопросника этнического Я, вопросников аффилиативных межличностных и этнических мотивов.

Дисперсионный анализ ANOVA использовался для тестирования гипотез об эффектах фактора «Этническое Я» и кросскультурного фактора на переменные полимодального Я и аффилиативных мотивов и взаимодействиях этих факторов по данным переменным.

Конфирматорный факторный анализ использовался для тестирования круговой структуры этнического Я.

Структурные линейные уравнения использовались для построения этно-кросскультурной модели Я–концепции.

Дисперсионный анализ

Однофакторный дисперсионный анализ ANOVA (межгрупповой дизайн, фиксированные эффекты, регрессионный подход, полиномиальные контрасты, тип III SS) применялся для измерения эффектов фактора «Этническое Я» и кросскультурного фактора на полимодальное Я и аффилиативные мотивы. Переменные каждой субмодальности этнического Я включались в

дисперсионный анализ по отдельности как независимые (межгрупповые) факторы с тремя уровнями: высоким, средним и низким. Кросскультурный фактор включался в дисперсионный анализ как независимый межгрупповой фактор с двумя уровнями: удмуртки, русские. Зависимыми переменными были переменные субмодальностей полимодального Я и аффилиативных мотивов (по отдельности).

Двухфакторный дисперсионный анализ ANOVA (межгрупповой дизайн, фиксированные эффекты, регрессионный подход, полиномиальные контрасты, тип III SS) применялся для измерения взаимодействий фактора «Этническое Я» и кросскультурного фактора по переменным субмодальностей полимодального Я и аффилиативных мотивов.

Конфирматорный факторный анализ

Тестировались полярные категории в качестве осей круговой структуры этнического Я и собственно круговая структура этнического Я (определение последовательности субмодальностей по кругу). Полярные категории этнического Я тестировались с помощью конфирматорного факторного анализа, круговая структура этнического Я – в подпрограмме конфирматорного факторного анализа «Circle».

Для определения полярных категорий, которые могут быть осями круговой структуры этнического Я, строились 3 гипотетические модели: «бисистемная» (система «Этнос» – система «Я»), «бимодальная» (модальность «Этнос» – модальность «Я») и «бидиспозициональная» (диспозиция «Слияние» – диспозиция «Обособление»).

В «бисистемной» модели систему «Этнос» (латентный фактор) представляли агрегированные шкальные оценки субмодальностей Я–Превращенное и Я–Вторящее (2 переменные), систему «Я» (латентный фактор) – агрегированные

шкальные оценки субмодальностей Я–Авторское и Я–Воплощенное (2 переменные).

В «бимодальной» модели модальность «Этнос» (латентный фактор) представляли агрегированные шкальные оценки субмодальностей Я–Превращенное и Я–Воплощенное (2 переменные), модальность «Я» (латентный фактор) – агрегированные шкальные оценки субмодальностей Я–Авторское и Я–Вторящее (2 переменные).

В «бидиспозиционной» модели диспозицию «Слияние» (латентный фактор) представляли агрегированные шкальные оценки субмодальностей Я–Воплощенное и Я–Вторящее (2 переменные), диспозицию «Обособление» (латентный фактор) – агрегированные шкальные оценки субмодальностей Я–Авторское и Я–Превращенное (2 переменные).

Латентные факторы включались в модели как некоррелирующие и как коррелирующие.

На основании результатов тестирования «бисистемной», «бимодальной» и «бидиспозиционной» моделей строилась круговая структура этнического Я. Вначале определялась статистически пригодная модель полярных категорий. В зависимости от результатов определялись оси круга и соответственно последовательность субмодальностей этнического Я по кругу.

При тестировании последовательности субмодальностей этнического Я по кругу (круговой структуры этнического Я) субмодальность Я–Авторское была представлена шкальной оценкой шкалы «Я–Авторское», субмодальность Я–Воплощенное – шкальной оценкой шкалы «Я–Воплощенное», субмодальность Я–Превращенное – шкальной оценкой шкалы «Я–Превращенное», субмодальность Я–Вторящее – шкальной оценкой шкалы «Я–Вторящее».

Структурные линейные уравнения

В рамках гипотетических моделей строились каузально-подобные пути от экзогенного фактора «Этническое Я» и экзогенного кросскультурного фактора к эндогенным переменным «Полимодальное Я», «Аффилиативные межличностные мотивы» и «Аффилиативные этнические мотивы». Строились 2 гипотетические модели: «эффектов» и «взаимодействий».

В основу модели «эффектов» были положены результаты эффектов фактора «Этническое Я» и кросскультурного фактора на переменные полимодального Я и аффилиативных межличностных и этнических мотивов. В основу модели «взаимодействий» были положены результаты взаимодействий фактора «Этническое Я» и кросскультурного фактора по переменным полимодального Я и аффилиативных мотивов. В обе модели фактор «Этническое Я» и кросскультурный фактор включались как коррелирующие.

Подробно каузально-подобные пути от экзогенных факторов к эндогенным переменным описаны в Главе 3 (см.: § 3.4).

Тестирование пригодности гипотетических моделей в терминах конфирматорного факторного анализа и структурных линейных уравнений

Статистические расчеты производились в программе SEPATN статистического пакета Statistica (версия 5.5).

Аналізу подвергалась корреляционная матрица манифестных переменных (Steiger, 1995). Поиск базового решения определялся методом кубической интерполяции. Функция расхождения определялась методом максимального подобия (Maximum Likelihood, ML). Пригодность каждой модели определялась по 5 индексам – χ^2 статистике, отношению χ^2/df , индексу Стейгера–Линда (Steiger-Lind RMSEA Index), отрегулированному индексу пригодности (the

adjusted goodness-of-fit index, AGFI), сравнительному индексу пригодности (comparative fit index, CFI) (об индексах пригодности см.: Дорфман, 2004а). Оценка включения переменных в латентные факторы проводилась лишь в тех случаях, когда модели имели достаточную пригодность.

ГЛАВА III. УДМУРТСКИЕ И РУССКИЕ СТУДЕНТКИ: ЭТНИЧЕСКИЕ И КРОССКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В настоящей главе приводятся результаты исследования этнических и кросскультурных особенностей удмуртских и русских студенток.

Этнический аспект получил концептуальное оформление в виде понятия этнического Я (ЭЯ). В первом параграфе подвергаются тестированию два исследовательских вопроса: (1) о биполярных категориях, структурирующих ЭЯ, (2) о полярных категориях, конституирующих круговую структуру субмодальностей ЭЯ. В ответ на первый исследовательский вопрос строились 3 гипотетические модели: бисистемная, бимодальная, бидиспозициональная. В ответ на второй исследовательский вопрос также строились 3 гипотетические модели: системная, модальная, диспозициональная. Гипотетические модели строились в терминах конфирматорного факторного анализа.

Во втором параграфе приводятся эмпирические данные об эффектах ЭЯ на полимодальное Я (ПЯ) и аффилиативные мотивы. Тестированию подвергались исследовательские вопросы о том, что ЭЯ может приводить к изменениям ПЯ и аффилиативных мотивов. Поставленные вопросы тестировались в терминах дисперсионного анализа.

В третьем параграфе приводятся эмпирические данные о *кросскультурных* различиях удмуртских и русских студенток. Тестированию подвергались исследовательские вопросы о кросскультурных различиях по ПЯ и аффилиативным мотивам. Поставленные вопросы тестировались в терминах дисперсионного анализа.

В четвертом параграфе приводятся эмпирические данные об этнических и кросскультурных взаимодействиях. Тестированию подвергались исследовательские вопросы о взаимодействиях по ПЯ и аффилиативным мотивам. Поставленные вопросы тестировались в терминах дисперсионного анализа.

В пятом параграфе на основании данных об эффектах и взаимодействиях ЭЯ и кросскультурного фактора по переменным ПЯ и аффилиативных мотивов строятся гипотетические модели Я–концепции, интегрирующие ее этнический и кросскультурный аспекты (модели «эффектов» и «взаимодействий»). Тестированию подвергался исследовательский вопрос об этно-кросскультурной интегративной модели Я–концепции. Гипотетические модели строились в терминах структурных линейных уравнений.

3.1. Структура этнического Я

3.1.1. Биполярные категории этнического Я

Гипотетические модели – бисистемная, бимодальная, бидиспозициональная – подвергались тестированию на пригодность.

Латентными факторами в бисистемную модель включались система «Этнос» и система «Я», в бимодальную модель – модальности «Этнос» и «Я», в бидиспозициональную модель – диспозиции «Слияние» и «Обособление». Латентные факторы включались в модели как некоррелирующие и коррелирующие.

Результаты тестирования пригодности гипотетических биполярных моделей приведены в табл. 1.

Бисистемная модель (латентные факторы не коррелируют) характеризовалась высоким значением χ^2 ($p < .001$). Отношение χ^2 / df было высоким. Значение индекса Стейгера–Линда (RMSEA) было незначимым. Значения отрегулированного (AGFI) и сравнительного (CFI) индексов пригодности были низкими. Следовательно, данная модель имела низкую степень пригодности.

Бисистемная модель (латентные факторы коррелируют) характеризовалась низким значением χ^2 ($p > .05$). Отношение χ^2 / df было низким. Значение индекса Стейгера–Линда (RMSEA) было близким к пороговому уровню ($p < .06$). Значения отрегулированного (AGFI) и сравнительного (CFI) индексов

пригодности были значимыми ($> .95$). Следовательно, данная модель имела достаточно высокую степень пригодности.

Бимодальная модель (латентные факторы не коррелируют) характеризовалась высоким значением χ^2 ($p < .001$). Отношение χ^2 / df было высоким. Значение индекса Стейгера–Линда (RMSEA) было незначимым. Значения отрегулированного (AGFI) и сравнительного (CFI) индексов пригодности были низкими. Следовательно, данная модель имела низкую степень пригодности.

Бимодальная модель (латентные факторы коррелируют) характеризовалась высоким значением χ^2 ($p < .05$). Отношение χ^2 / df было высоким. Значение индекса Стейгера–Линда (RMSEA) было незначимым. Значение отрегулированного индекса пригодности (AGFI) было низким. Значение сравнительного индекса пригодности (CFI) было $> .95$. 4 индекса из 5 свидетельствовали о низкой степени пригодности данной модели.

Бидиспозиционная модель (латентные факторы не коррелируют) характеризовалась высоким значением χ^2 ($p < .001$). Отношение χ^2 / df было высоким. Значение индекса Стейгера–Линда (RMSEA) было незначимым. Значения отрегулированного (AGFI) и сравнительного (CFI) индексов пригодности были низкими. Следовательно, данная модель имела низкую степень пригодности.

Бидиспозиционная модель (латентные факторы коррелируют) характеризовалась высоким значением χ^2 ($p < .05$). Отношение χ^2 / df было высоким. Значение индекса Стейгера–Линда (RMSEA) было незначимым. Значение отрегулированного индекса пригодности (AGFI) было низким. Значение сравнительного индекса пригодности (CFI) было $> .95$. 4 индекса из 5 свидетельствовали о низкой степени пригодности данной модели.

Таблица 1. Индексы пригодности биполярных моделей ЭЯ

Модель	Индексы пригодности					
	χ^2	Df	χ^2/df	RMSEA	AGFI	CFI
Бисистемная						
Латентные факторы не коррелируют	102.98**	4.00	25.74	.29	.63	.55
Латентные факторы коррелируют	1.76	1.00	1.76	.06	.96	1.00
Бимодальная						
Латентные факторы не коррелируют	119.06**	4.00	29.76	.31	.59	.48
Латентные факторы коррелируют	5.31*	1.00	5.31	.13	.89	.98
Бидиспозиционная						
Латентные факторы не коррелируют	141.42**	4.00	35.35	.32	.55	.38
Латентные факторы коррелируют	5.32*	1.00	5.32	.13	.90	.98

Примечания. n = 248; в каждой модели 2 латентных фактора, в каждый латентный фактор включены по 2 переменных; χ^2 – хи-квадрат статистика для функции расхождения методом максимального подобия, ML; * p < .05, ** p < .001; df – количество степеней свободы; χ^2/df – отношение хи-квадрата к количеству степеней свободы; RMSEA – индекс Стейгера–Линда; AGFI – отрегулированный индекс пригодности; CFI – сравнительный индекс пригодности.

Таким образом, из 6 гипотетических моделей только бисистемная модель ЭЯ (латентные факторы коррелируют) имела достаточную степень пригодности.

Данные в пользу пригодности характеризуют новое качество бисистемной модели ЭЯ с коррелирующими латентными факторами: она уже эмпирическая, а не гипотетическая. Данные эмпирической модели свидетельствуют о том, что ЭЯ структурируется вероятнее всего как бисистема. То есть ЭЯ представляет собой бисистему, которая распадается на коррелирующие по-

лярные категории систему «Я» и систему «Этнос» (см. рис. 1). Однако гипотетические модели структурирования ЭЯ как бимодальности и бидиспозиции не получили эмпирической поддержки. То есть нет эмпирических оснований для того, чтобы рассматривать ЭЯ как бимодальность или бидиспозицию.

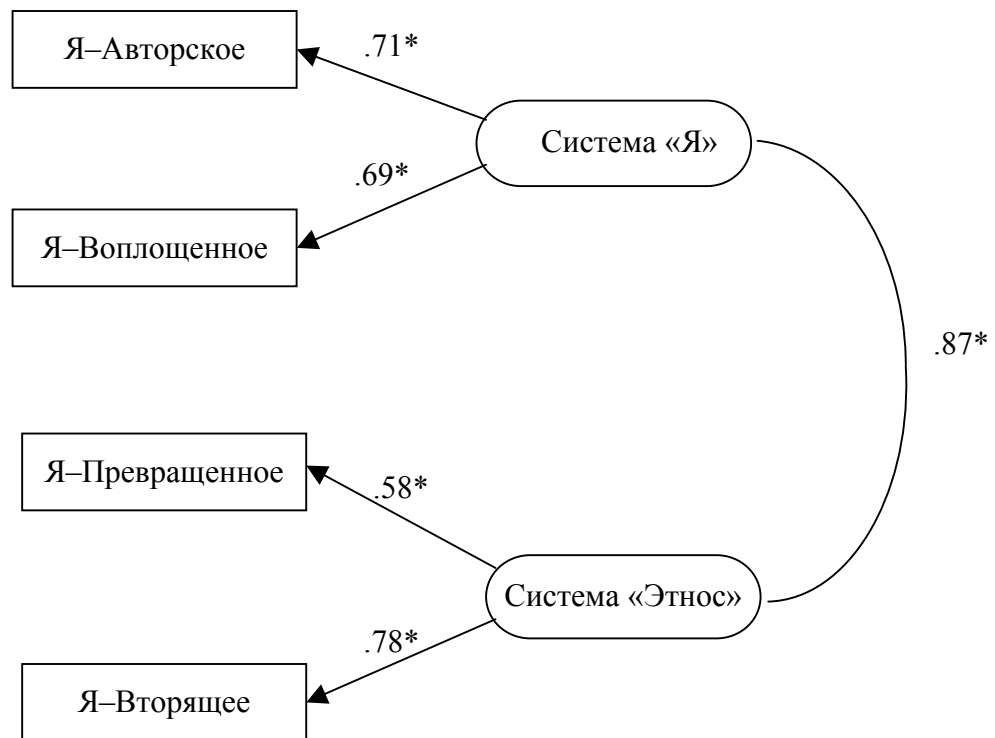

Рис. 1. Структурирование ЭЯ по системному основанию, * $p < .001$

3.1.2. Круговая структура этнического Я

Гипотетические круговые модели – системная, модальная, диспозиционная – подвергались тестированию на пригодность.

Результаты тестирования пригодности круговых моделей ЭЯ приведены в табл. 2.

Таблица 2. Индексы пригодности круговых моделей
субмодальностей этнического Я

Модель	Индексы пригодности					
	χ^2	df	χ^2/df	RMSEA	AGFI	CFI
Системная	3.44	3.00	1.15	.02	.98	1.00
Модальная	7.75	3.00	2.58	.08	.95	.98
Диспозициональная	6.48	3.00	2.16	.07	.96	.98

Примечания. $n = 248$; χ^2 – хи-квадрат статистика для функции расхождения методом максимального подобия, ML, $p > .05$; df – количество степеней свободы, χ^2/df – отношение хи-квадрата к количеству степеней свободы, RMSEA – индекс Стейгера–Линда, AGFI – отрегулированный индекс пригодности, CFI – сравнительный индекс пригодности.

Системная круговая модель имела низкое значение χ^2 ($p > .05$). Отношение χ^2 / df было низким. Значение индекса Стейгера–Линда (RMSEA) было значимым ($p < .02$). Значения отрегулированного (AGFI) и сравнительного (CFI) индексов пригодности были $> .95$. Следовательно, данная гипотетическая модель имеет высокую степень пригодности.

Модальная круговая модель характеризовалась низким значением χ^2 ($p > .05$). Отношение χ^2 / df было умеренным. Значение индекса Стейгера–Линда (RMSEA) было близко к значимому ($p < .08$). Значения отрегулированного (AGFI) и сравнительного (CFI) индексов пригодности были $> .95$. Следовательно, данная модель имеет умеренную степень пригодности.

Диспозициональная круговая модель характеризовалась низким значением χ^2 ($p > .05$). Отношение χ^2 / df было невысоким. Значение индекса Стейгера–Линда (RMSEA) было близко к значимому ($p < .07$). Значения отрегулированного (AGFI) и сравнительного (CFI) индексов пригодности были $> .95$. Следовательно, данная модель имеет умеренную степень пригодности.

Таким образом, пригодность системной круговой модели субмодальностей ЭЯ выше пригодности модальной и диспозициональной круговых моделей.

Это значит, что субмодальности могут быть взаимосвязаны в форме круга. Вероятнее всего, его осями являются система «Этнос» и система «Я». Поэтому последовательность субмодальностей в круге следующая: Авторское – Превращенное – Воплощенное – Вторящее.

Данные в пользу пригодности характеризуют новое качество круговой модели субмодальностей ЭЯ: она уже эмпирическая, а не гипотетическая. Статистические оценки включения переменных в системную круговую модель субмодальностей ЭЯ, приведены в табл. 3.

Корреляции всех переменных по кругу были значимыми ($p < .001$).

Таблица 3. Оценки включения переменных в системную круговую модель субмодальностей ЭЯ

Переменные	Оценка	Стандартная ошибка	t	p
Я–Авторское				
– 1 – Я–Превращенное	.39	.04	9.69	.001
– 2 – Я–Воплощенное	.47	.04	12.49	.001
– 3 – Я–Вторящее	.49	.05	10.47	.001
Я–Превращенное				
– 1 – Я–Воплощенное	.39	.04	9.69	.001
– 2 – Я–Вторящее	.47	.04	12.49	.001
Я–Воплощенное				
– 1 – Я–Вторящее	.39	.04	9.69	.001

Взаимосвязи показателей переменных в последовательности Я–Авторское – Я–Превращенное – Я–Воплощенное – Я–Вторящее в виде круговой корреляционной матрицы приведены в табл. 4.

3.1.3. Промежуточные выводы

Было обнаружено, что ЭЯ может структурироваться по кругу. Его оси образуют субмодальности Я–Превращенное и Я–Вторящее (система «Этнос») и субмодальности Я–Авторское и Я–Воплощенное (система «Я»). Субмодальности ЭЯ образуют круг в следующей последовательности: Я–Авторское – Я–Превращенное – Я–Воплощенное – Я–Вторящее.

3.2. Эффекты этнического Я

Исследовались эффекты субмодальностей ЭЯ (межгрупповые факторы) на полимодальное Я и мотивы аффилиации (зависимые переменные). Для краткости далее в подзаголовках указываются только зависимые переменные.

3.2.1. Полимодальное Я

Были обнаружены однотипный и разнотипный эффекты ЭЯ на ПЯ. Термином «однотипный» обозначается эффект субмодальности ЭЯ на ту же субмодальность в ПЯ. Термином «разнотипный» обозначается эффект одной субмодальности ЭЯ на другую субмодальность ПЯ.

Однотипным был эффект Я–Превращенного в ЭЯ на Я–Превращенное в ПЯ.

Средние (и стандартные отклонения) показателей Я–Превращенного в ПЯ в зависимости от выраженности Я–Превращенного в ЭЯ приведены в табл. 5.

Как видно из табл. 5, Я–Превращенное в ЭЯ оказало близкий к значимому эффект на Я–Превращенное в ПЯ, $F(2, 245) = 2.65, p < .07$.

Post hoc сравнения (здесь и далее LSD статистика) свидетельствовали о том, что показатель Я–Превращенного в ПЯ был выше при высоких значениях Я–Превращенного в ЭЯ, чем при низких значениях ($p < .05$).

Таблица 5. Эффект Я–Превращенного в ЭЯ на Я–Превращенное в ПЯ (средние и стандартные отклонения) (однофакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Уровни Я–Превращенного в ЭЯ	n	Я–Превращенное в ПЯ
1	83	5.19 (.61)
2	82	5.09 (.53)
3	83	4.98 (.61)

Примечания. Главный эффект Я–Превращенного в ЭЯ: $F(2, 245) = 2.65, p < .07$.

Полученные результаты иллюстрирует рис. 3.

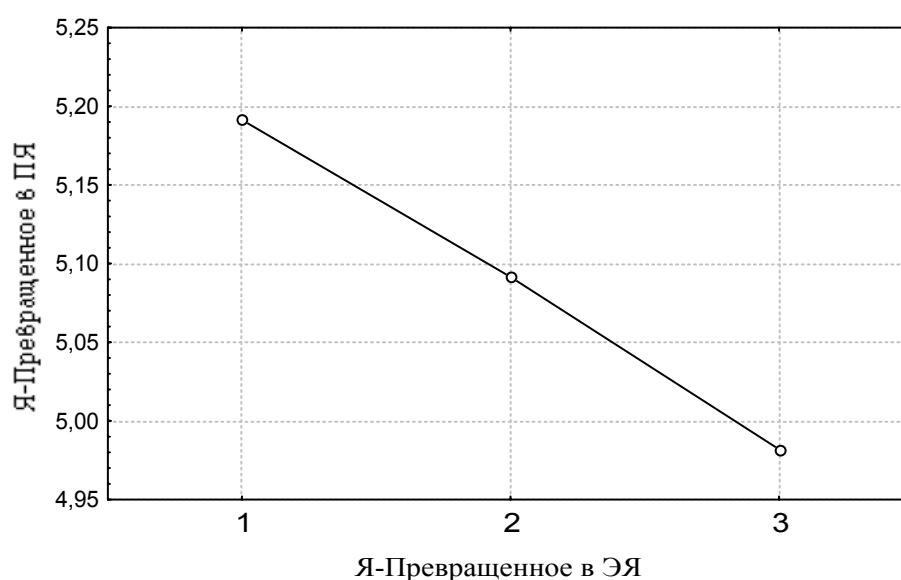

Рис. 3. Эффект Я–Превращенного в ЭЯ на Я–Превращенное в ПЯ

Примечания. Уровни Я–Превращенного в ЭЯ: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий.

Разнотипным был эффект Я–Авторского в ЭЯ на Я–Вторящее в ПЯ.

Средние (и стандартные отклонения) показателей Я–Вторящего в ПЯ в зависимости от выраженности Я–Авторского в ЭЯ приведены в табл. 6.

Как видно из табл. 6, Я–Авторское в ЭЯ оказало близкий к значимому эффект на Я–Вторящее в ПЯ, $F(2, 245) = 2.41, p < .09$. Post hoc сравнения свиде-

тельствовали о том, что показатель Я–Вторящего в ПЯ был выше при высоком уровне Я–Авторского в ЭЯ, чем при низком ($p < .05$).

Таблица 6. Эффект Я–Авторского в ЭЯ на Я–Вторящее в ПЯ (средние и стандартные отклонения) (однофакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Уровни Я–Авторского в ЭЯ	n	Я–Вторящее в ПЯ
1	83	3.88 (.75)
2	82	3.86 (.60)
3	83	3.67 (.67)

Примечания. Главный эффект Я–Авторского в ЭЯ: $F(2, 245) = 2.41$, $p < .09$.

Полученные результаты иллюстрирует рис. 4.

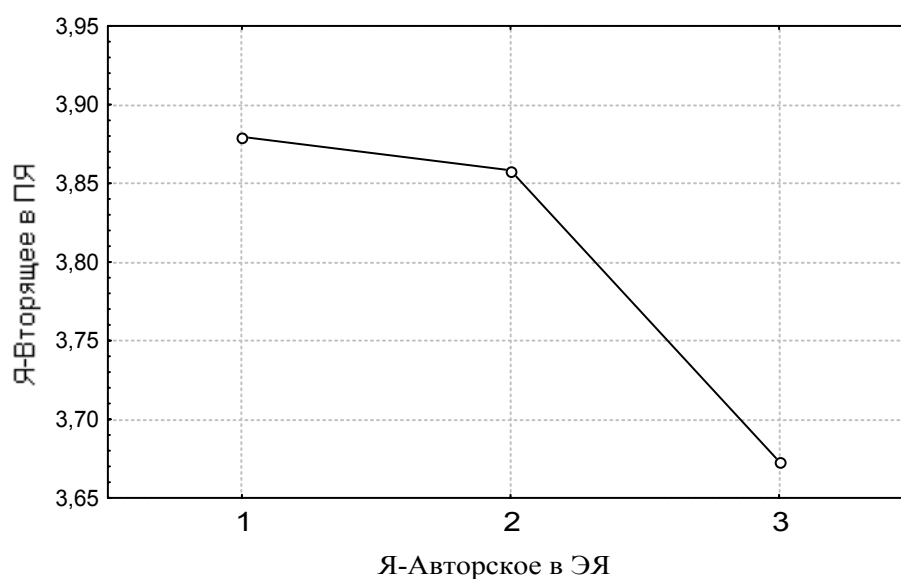

Рис. 4. Эффект Я–Авторского в ЭЯ на Я–Вторящее в ПЯ

Примечания. Уровни Я–Авторского в ЭЯ: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий.

Эффекты других субмодальностей ЭЯ на субмодальности ПЯ оказались незначимыми.

3.2.2. Межличностные affiliативные мотивы

Как было отмечено в главе 2 (см.: § 2.3.3), межличностная аффилиация измерялась по показателям мотивов стремления к принятию и страха отвержения. Кроме того, по итогам факторного анализа в структуре каждого из этих мотивов выделились еще два показателя (субмотива), которые мы обозначили как «Общительность» – «Социальная близость» (внутри мотива стремления к принятию) и «Социальная робость» – «Боязнь оценки» (внутри мотива страха отвержения) (см.: Приложения 2 и 3).

Были обнаружены значимые эффекты Я–Авторского в ЭЯ на межличностные аффилиативные мотивы. Средние (и стандартные отклонения) показателей межличностных аффилиативных субмотивов в зависимости от выраженности Я–Авторского в ЭЯ приведены в табл. 7.

Таблица 7. Эффекты Я–Авторского в ЭЯ на межличностные аффилиативные субмотивы (средние и стандартные отклонения) (однофакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Уровни Я–Авторского в ЭЯ	n	Межличностные аффилиативные мотивы		
		Стремление к принятию		Страх отвержения
		Общительность	Социальная близость	Социальная робость
1	83	27.61 (6.30)	23.42 (6.06)	24.94 (6.83)
2	82	28.52 (6.02)	23.90 (4.77)	22.45 (4.77)
3	83	30.30 (6.77)	25.36 (6.30)	21.73 (6.22)

Примечания. Главные эффекты Я–Авторского в ЭЯ на: субмотив общительности, $F(2, 245) = 3.82$, $p < .05$; субмотив социальной близости, $F(2, 245) = 2.56$, $p < .08$; субмотив социальной робости, $F(2, 245) = 6.56$, $p < .001$.

Как видно из табл. 7, Я–Авторское в ЭЯ оказало значимый эффект на субмотив общительности, $F(2, 245) = 3.82$, $p < .05$, субмотив социальной робо-

сти, $F(2, 245) = 6.56$, $p < .001$, а также близкий к значимому эффект на субмотив социальной близости, $F(2, 245) = 2.56$, $p < .08$. Эффект Я–Авторского в ЭЯ на субмотив боязни оценки оказался незначимым.

Post hoc сравнения свидетельствовали о том, что показатели субмотива общительности были выше при низких, чем при высоких значениях Я–Авторского в ЭЯ ($p < .01$). Показатели субмотива социальной близости также были выше при низких, чем при высоких значениях Я–Авторского в ЭЯ ($p < .05$). Показатели субмотива социальной робости, наоборот, были выше при высоких, чем при низких и средних значениях Я–Авторского в ЭЯ ($p < .001$, $p < .01$).

Полученные результаты иллюстрируют рис. 5–7.

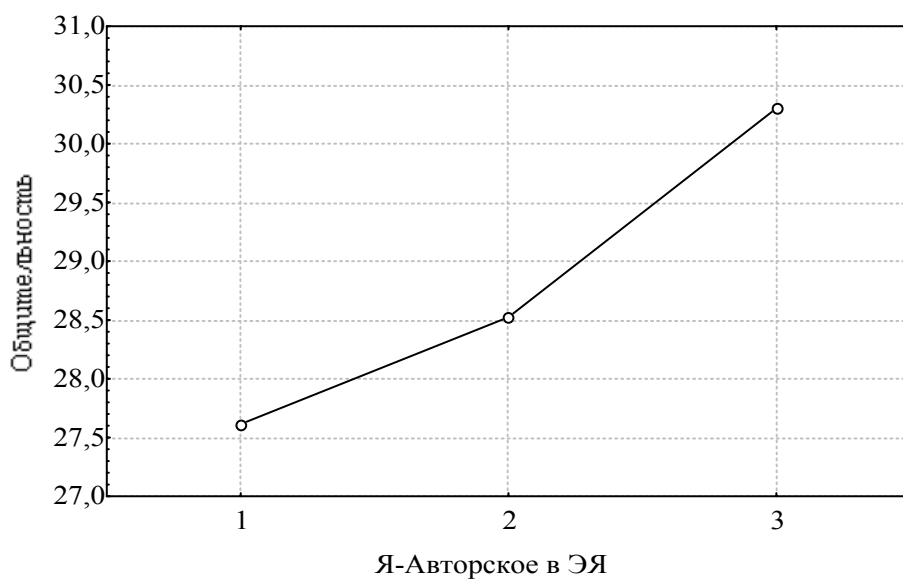

Рис. 5. Эффект Я–Авторского в ЭЯ на субмотив общительности

Примечания. Уровни Я–Авторского в ЭЯ: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий.

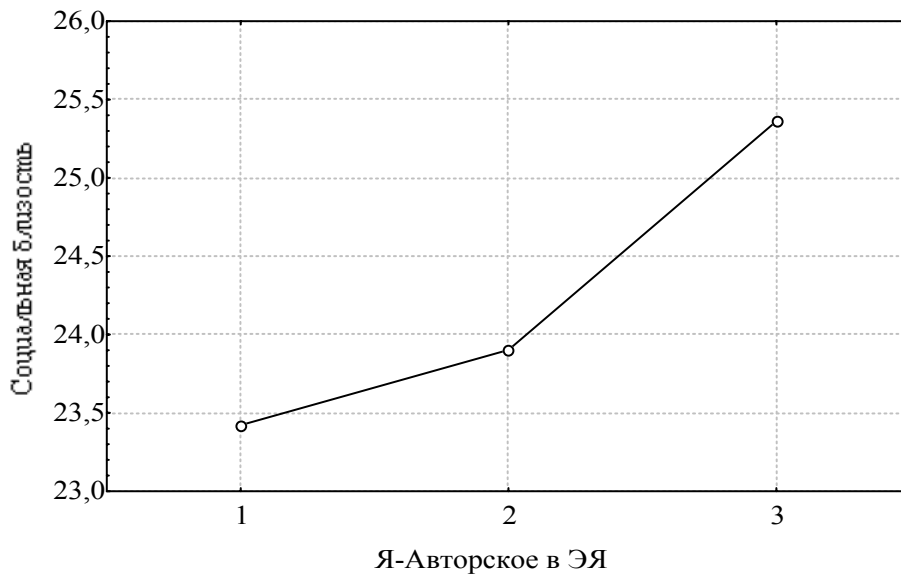

Рис. 6. Эффект Я–Авторского в ЭЯ на субмотив социальной близости

Примечания. Уровни Я–Авторского в ЭЯ: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий.

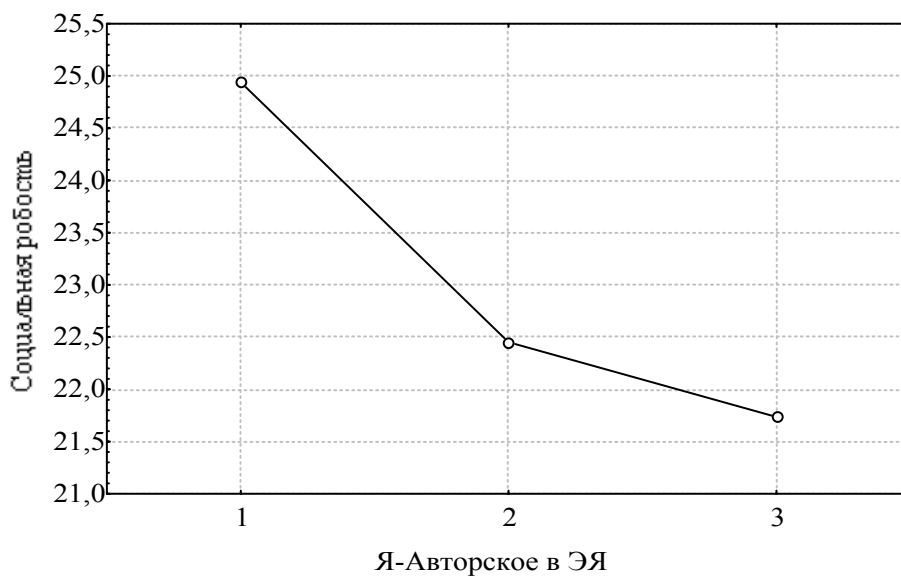

Рис. 7. Эффект Я–Авторского в ЭЯ на субмотив социальной робости

Примечания. Уровни Я–Авторского в ЭЯ: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий.

Были обнаружены значимые эффекты Я–Воплощенного в ЭЯ на межличностные affiliативные мотивы. Средние (и стандартные отклонения) показателей межличностных affiliативных субмотивов в зависимости от выраженности Я–Воплощенного в ЭЯ приведены в табл. 8.

Таблица 8. Эффекты Я–Воплощенного в ЭЯ на межличностные аффилиативные субмотивы (средние и стандартные отклонения) (однофакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Уровни Я–Воплощенного в ЭЯ	n	Межличностные аффилиативные мотивы			
		Стремление к принятию		Страх отвержения	
		Общительность	Близость	Социальная робость	Боязнь оценки
1	83	27.23 (6.74)	22.94 (5.92)	24.65 (6.18)	25.11 (4.49)
2	82	29.72 (5.85)	25.24 (5.35)	22.88 (5.82)	23.95 (4.34)
3	83	29.51 (6.47)	24.52 (5.91)	21.60 (6.01)	23.63 (4.78)

Примечания. Главные эффекты Я–Воплощенного в ЭЯ на: субмотив общительности, $F(2, 245) = 3.89$, $p < .05$; субмотив социальной близости, $F(2, 245) = 3.49$, $p < .05$; субмотив социальной робости, $F(2, 245) = 5.38$, $p < .01$; субмотив боязни оценки, $F(2, 245) = 2.44$, $p < .09$

Как видно из табл. 8, Я–Воплощенное в ЭЯ оказало значимый эффект на субмотив общительности, $F(2, 245) = 3.89$, $p < .05$, субмотив социальной близости, $F(2, 245) = 3.49$, $p < .05$, субмотив социальной робости, $F(2, 245) = 5.38$, $p < .01$, и близкий к значимому эффект на субмотив боязни оценки, $F(2, 245) = 2.44$, $p < .09$.

Post hoc сравнения свидетельствовали о том, что показатели субмотива общительности были выше при низких, чем при высоких и при средних значениях Я–Воплощенного в ЭЯ ($p < .05$). Показатели субмотива социальной близости были выше при средних, чем при высоких значениях Я–Воплощенного в ЭЯ ($p < .01$). Показатели субмотива социальной робости были выше при высоких, чем при низких значениях Я–Воплощенного в ЭЯ ($p < .001$). Показатели субмотива боязни оценки также были выше при высоких, чем при низких значениях Я–Воплощенного в ЭЯ ($p < .05$).

Полученные результаты иллюстрируют рис. 8–11.

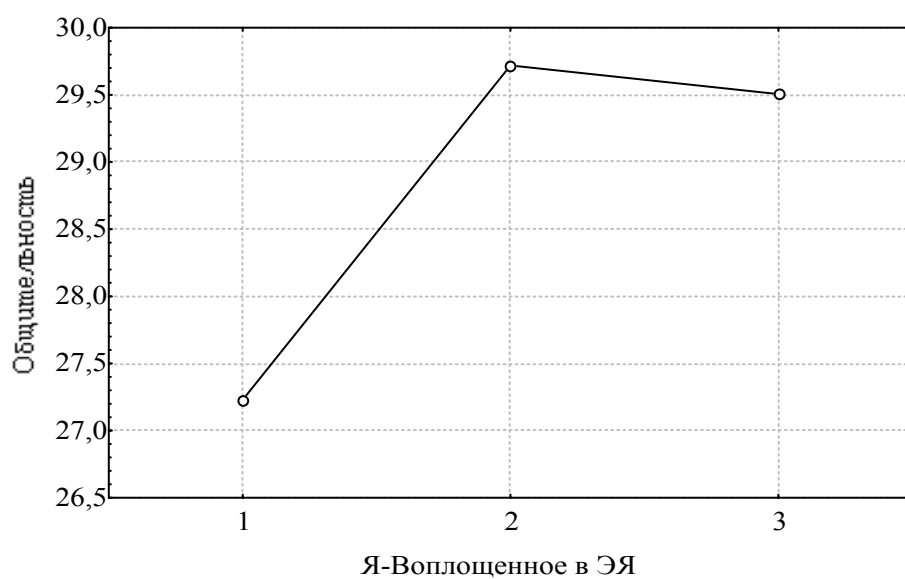

Рис. 8. Эффект Я–Воплощенного в ЭЯ на субмотив общительности

Примечания. Уровни Я–Воплощенного в ЭЯ: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий.

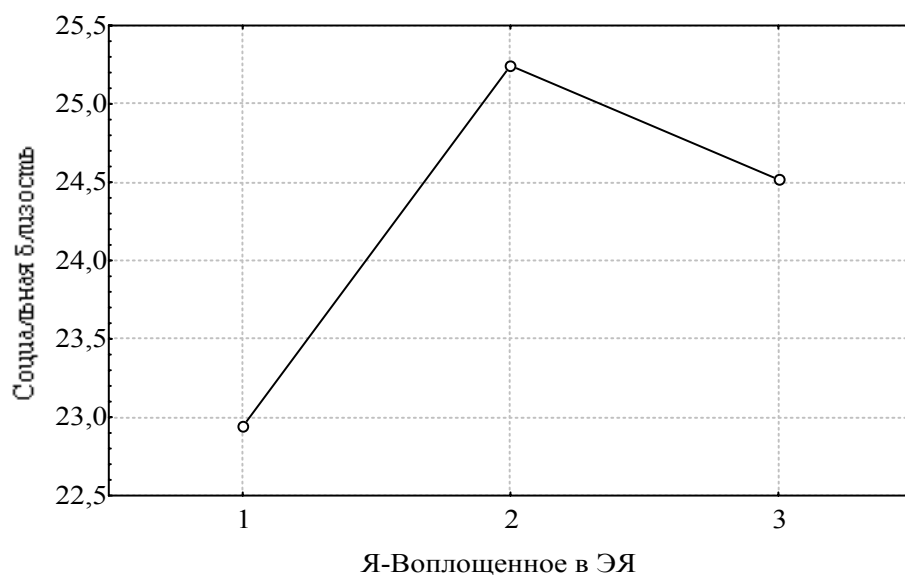

Рис. 9. Эффект Я–Воплощенного в ЭЯ на субмотив социальной близости

Примечания. Уровни Я–Воплощенного в ЭЯ: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий.

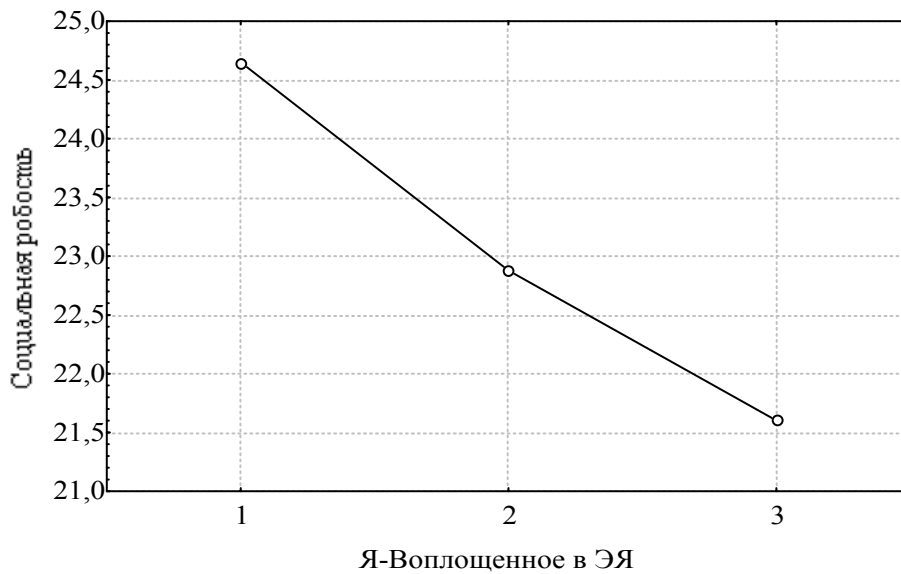

Рис. 10. Эффект Я-Воплощенного в ЭЯ на субмотив социальной робости

Примечания. Уровни Я-Воплощенного в ЭЯ: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий.

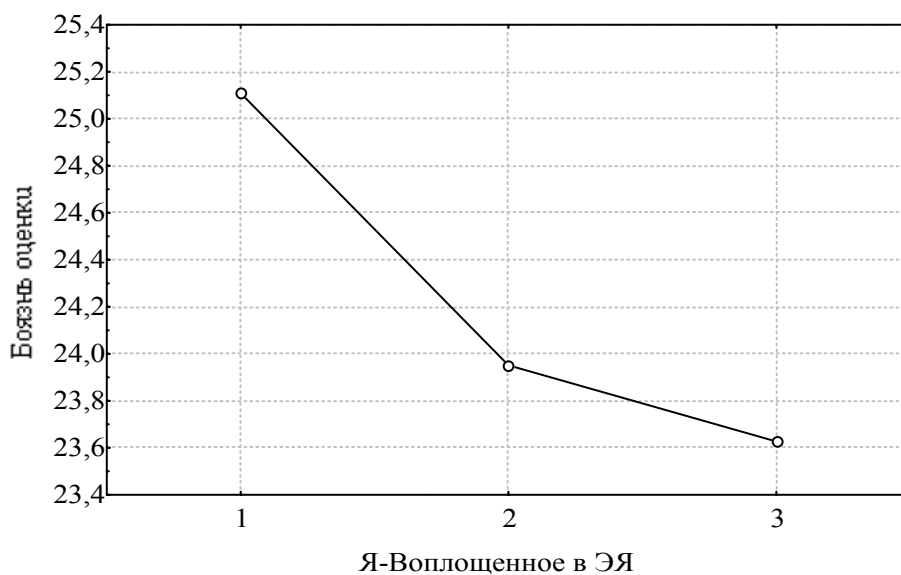

Рис. 11. Эффект Я-Воплощенного в ЭЯ на субмотив боязни оценки

Примечания. Уровни Я-Воплощенного в ЭЯ: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий.

Были обнаружены значимые эффекты Я-Вторящего в ЭЯ на межличностные affiliативные мотивы. Средние (и стандартные отклонения) показателей межличностных affiliативных субмотивов в зависимости от выраженности Я-Вторящего в ЭЯ приведены в табл. 9.

Таблица 9. Эффекты Я–Вторящего в ЭЯ на межличностные affiliативные субмотивы (средние и стандартные отклонения) (однофакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Уровни Я–Вторящего в ЭЯ	n	Межличностные affiliативные мо- тивы	
		Страх отвержения	
		Социальная робость	Боязнь оценки
1	83	24.24 (6.45)	25.11 (4.50)
2	82	23.11 (5.84)	23.69 (4.55)
3	83	21.79 (5.87)	23.90 (4.57)

Примечания. Главные эффекты Я–Вторящего в ЭЯ на: субмотив социальной робости, $F(2, 245) = 3.38$, $p < .05$; субмотив боязни оценки, $F(2, 245) = 2.35$, $p < .09$.

Как видно из табл. 9, Я–Вторящее в ЭЯ оказало значимый эффект на межличностный affiliативный субмотив социальной робости, $F(2, 245) = 3.38$, $p < .05$, и близкий к значимому эффект на субмотив боязни оценки, $F(2, 245) = 2.35$, $p < .09$. Эффекты Я–Вторящего на субмотивы общительности и социальной близости оказались незначимыми.

Post hoc сравнения свидетельствовали о том, что показатели межличностного affiliативного субмотива социальной робости были выше при высоких, чем при низких значениях Я–Вторящего в ЭЯ ($p < .01$). Показатели межличностного affiliативного субмотива боязни оценки были выше при высоких, чем при средних значениях Я–Вторящего в ЭЯ ($p < .05$).

Полученные результаты иллюстрируют рис. 12 и 13.

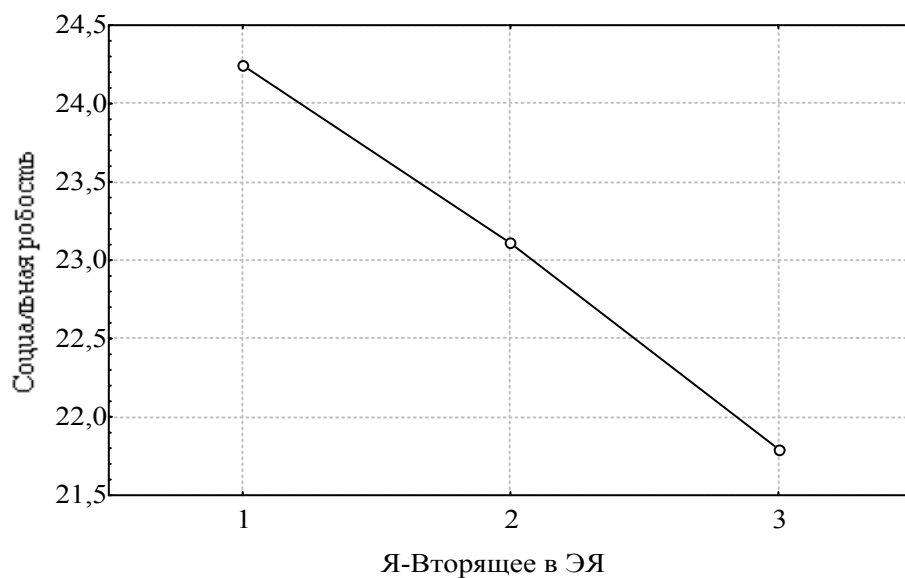

Рис. 12. Эффект Я–Вторящего в ЭЯ на субмотив социальной робости

Примечания. Уровни Я–Вторящего в ЭЯ: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий.

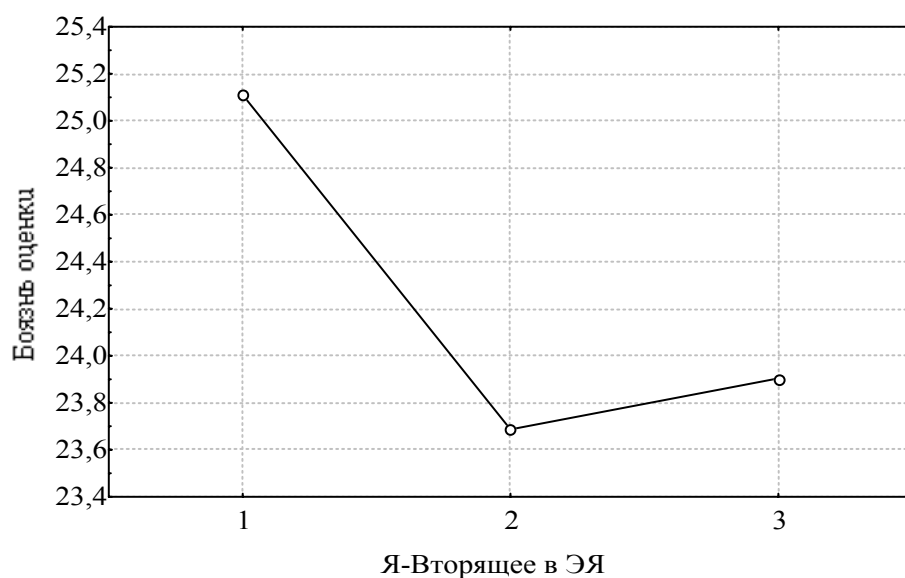

Рис. 13. Эффект Я–Вторящего в ЭЯ на субмотив боязни оценки

Примечания. Уровни Я–Вторящего в ЭЯ: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий.

Эффекты Я–Превращенного в ЭЯ на межличностные аффилиативные мотивы оказались незначимыми.

3.2.3. Этноаффилиативные мотивы

Был обнаружен значимый эффект Я–Авторского в ЭЯ на этнический аффилиативный мотив слияния. Средние (и стандартные отклонения) показателей этнического аффилиативного мотива слияния в зависимости от выраженности Я–Авторского в ЭЯ приведены в табл. 10.

Таблица 10. Эффект Я–Авторского в ЭЯ на этнический аффилиативный мотив слияния (средние и стандартные отклонения) (однофакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Уровни Я–Авторского в ЭЯ	n	Этнический аффилиативный мотив слияния
1	83	8.33 (1.63)
2	82	7.60 (1.95)
3	83	6.52 (2.42)

Примечания. Главный эффект Я–Авторского в ЭЯ: $F(2, 245) = 16.70$, $p < .001$.

Как видно из табл. 10, Я–Авторское в ЭЯ оказало значимый эффект на этнический аффилиативный мотив слияния, $F(2, 245) = 16.70$. Эффект Я–Авторского в ЭЯ на этнический аффилиативный мотив обособления оказался незначимым.

Post hoc сравнения свидетельствовали о том, что показатели этнического аффилиативного мотива слияния были выше при высоких значениях Я–Авторского в ЭЯ, чем при средних и низких значениях ($p < .05$, $p < .001$), и при средних значениях Я–Авторского в ЭЯ, чем при низких значениях ($p < .001$).

Полученные результаты иллюстрирует рис. 14.

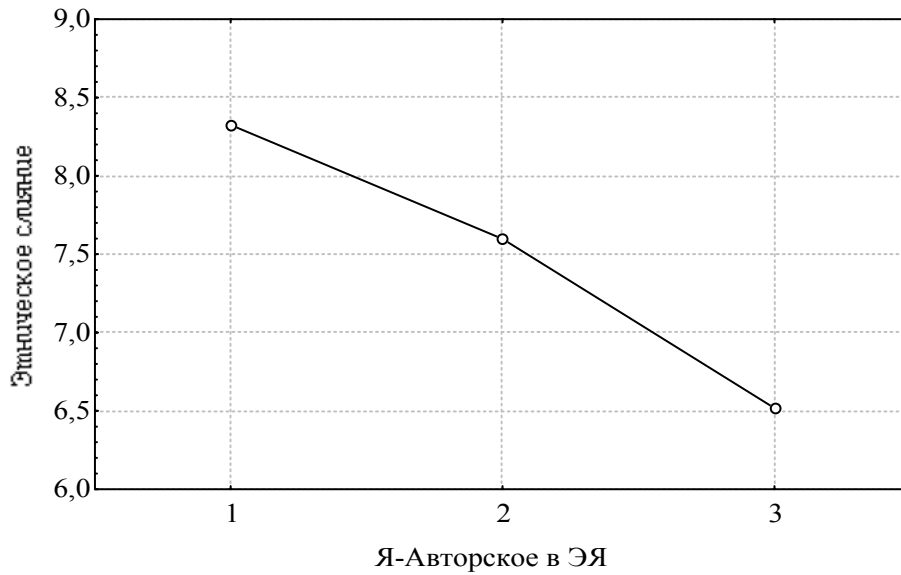

Рис. 14. Эффект Я–Авторского в ЭЯ на этнический аффилиативный мотив слияния

Примечания. Уровни Я–Авторского в ЭЯ: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий.

Был обнаружен значимый эффект Я–Воплощенного в ЭЯ на этнический аффилиативный мотив слияния. Средние (и стандартные отклонения) показателей этнического аффилиативного мотива слияния в зависимости от выраженности Я–Воплощенного в ЭЯ приведены в табл. 11.

Таблица 11. Эффект Я–Воплощенного в ЭЯ на этнический аффилиативный мотив слияния (средние и стандартные отклонения) (однофакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Уровни Я–Воплощенного в ЭЯ	n	Этнический аф- филиативный мо- тив слияния
1	83	7.99 (1.96)
2	82	7.60 (1.80)
3	83	6.85 (2.49)

Примечания. Главный эффект Я–Воплощенного в ЭЯ: $F(2, 245) = 6.18, p < .01$.

Как видно из табл. 11, Я–Воплощенное в ЭЯ оказало значимый эффект на этнический аффилиативный мотив слияния, $F(2, 245) = 6.18, p < .01$. Эффект

Я–Воплощенного в ЭЯ на этнический аффилиативный мотив обособления оказался незначимым.

Post hoc сравнения свидетельствовали о том, что показатели этнического аффилиативного мотива слияния были выше при высоких значениях Я–Воплощенного в ЭЯ, чем при низких значениях ($p < .001$), и при средних значениях Я–Воплощенного в ЭЯ, чем при низких значениях ($p < .05$).

Полученные результаты иллюстрирует рис. 15.

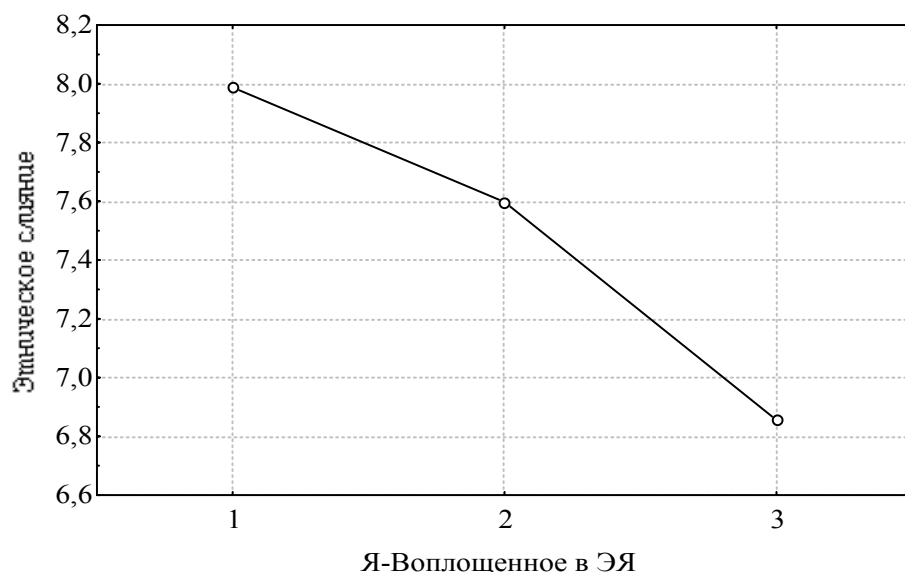

Рис. 15. Эффект Я–Воплощенного в ЭЯ на этнический аффилиативный мотив слияния

Примечания. Уровни Я–Воплощенного в ЭЯ: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий.

Был обнаружен значимый эффект Я–Превращенного в ЭЯ на этнический аффилиативный мотив слияния. Средние (и стандартные отклонения) показателей этнического аффилиативного мотива слияния в зависимости от выраженности этнического Я–Превращенного в ЭЯ приведены в табл. 12.

Как видно из табл. 12, Я–Превращенное в ЭЯ оказало значимый эффект на этнический аффилиативный мотив слияния, $F(2, 245) = 4.60$, $p < .01$. Эффект Я–Превращенного в ЭЯ на этнический аффилиативный мотив обособления оказался незначимым.

Post hoc сравнения свидетельствовали о том, что показатели этнического аффилиативного мотива слияния были выше при высоких и при средних значениях Я–Превращенного в ЭЯ, чем при низких значениях ($p < .01$).

Таблица 12. Эффект Я–Превращенного в ЭЯ на этнический аффилиативный мотив слияния (средние и стандартные отклонения) (однофакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Уровни Я–Превращенного в ЭЯ	n	Этнический аффи- лиативный мотив слияния
1	83	7.76 (2.08)
2	82	7.78 (1.81)
3	83	6.90 (2.42)

Примечания. Главный эффект Я–Превращенного в ЭЯ: $F(2, 245) = 4.60, p < .01$.

Полученные результаты иллюстрирует рис. 16.

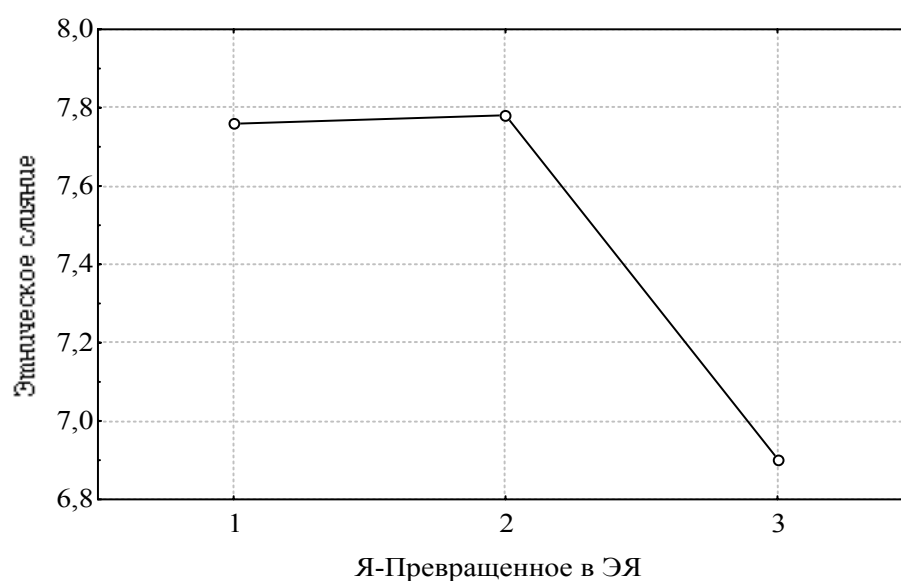

Рис. 16. Эффект Я–Превращенного в ЭЯ на этнический аффилиативный мотив слияния

Примечания. Уровни Я–Превращенного в ЭЯ: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий.

Был обнаружен значимый эффект Я–Вторящего в ЭЯ на этнический аффилиативный мотив слияния. Средние (и стандартные отклонения) показателей этнического аффилиативного мотива слияния в зависимости от выраженности Я–Вторящего в ЭЯ приведены в табл. 13.

Таблица 13. Эффект Я–Вторящего в ЭЯ на этнический аффилиативный мотив слияния (средние и стандартные отклонения) (однофакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Уровни Я–Вторящего в ЭЯ	n	Этнический аф- филиативный мо- тив слияния
1	82	8.28 (1.64)
2	83	7.63 (2.00)
3	83	6.54 (2.39)

Примечания. Главный эффект Я–Вторящего в ЭЯ: $F(2, 245) = 15.34, p < .001$.

Как видно из табл. 13, Я–Вторящее в ЭЯ оказало значимый эффект на этнический аффилиативный мотив слияния, $F(2, 245) = 15.34, p < .001$.

Post hoc сравнения свидетельствовали о том, что показатели этнического аффилиативного мотива слияния были выше при высоких значениях Я–Вторящего в ЭЯ, чем при средних и низких значениях ($p < .05, p < .001$), и при средних значениях Я–Вторящего в ЭЯ, чем при низких значениях ($p < .001$).

Полученные результаты иллюстрирует рис. 17.

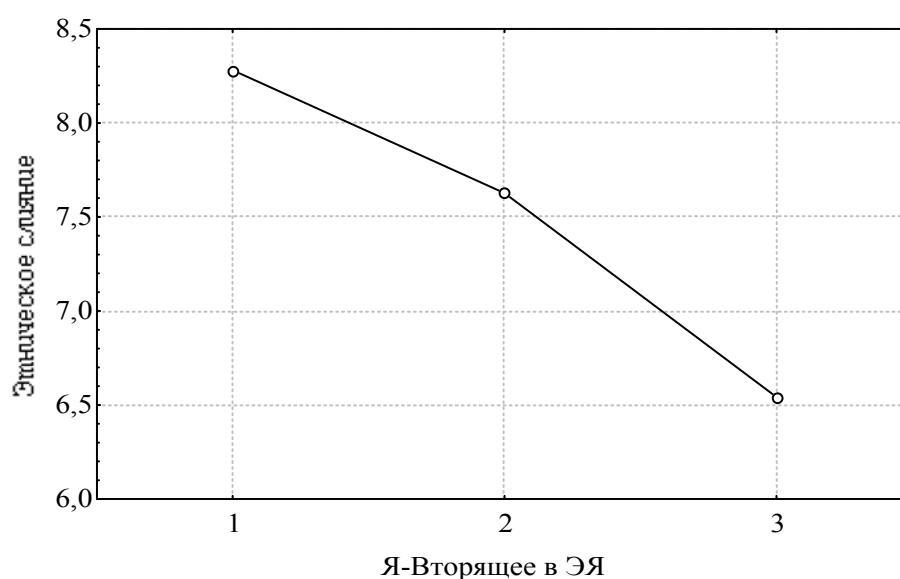

Рис. 17. Эффект Я–Вторящего в ЭЯ на этнический аффилиативный мотив слияния

Примечания. Уровни Я–Вторящего в ЭЯ: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий.

3.2.4. Промежуточные выводы

Было обнаружено, что Я–Превращенное в ЭЯ может приводить к росту Я–Превращенного в ПЯ, а Я–Авторское в ЭЯ – к росту Я–Вторящего в ПЯ. Было обнаружено также, что Я–Авторское и Я–Воплощенное в ЭЯ могут производить сходные эффекты на межличностные аффилиативные мотивы. Я–Авторское и Я–Воплощенное в ЭЯ способствуют снижению субмотивов общительности и социальной близости (мотива стремления к принятию) и росту субмотивов социальной робости и боязни оценки (мотива страха отвержения). Я–Вторящее в ЭЯ также способствует росту субмотивов социальной робости и боязни оценки (мотива страха отвержения). Кроме того, было установлено, что все субмодальности ЭЯ могут способствовать росту этноаффилиативного мотива слияния.

3.3. Удмуртские и русские студентки: кросскультурные различия

3.3.1. Полимодальное Я

Были обнаружены значимые эффекты кросскультурного фактора на показатели полимодального Я. Средние (и стандартные отклонения) показателей полимодального Я удмуртских и русских студенток приведены в табл. 14.

Как видно из табл. 14, кросскультурный фактор оказал значимый эффект на Я–Авторское, $F(1, 246) = 13.15, p < .001$, Я–Воплощенное, $F(1, 246) = 13.42, p < .001$, Я–Превращенное, $F(1, 246) = 32.79, p < .001$, Я–Вторящее, $F(1, 246) = 5.91, p < .01$.

Эффекты, обнаруженные посредством ANOVA, свидетельствовали о том, что выраженность Я–Авторского, Я–Воплощенного и Я–Превращенного в ПЯ была выше у русских студенток, чем у удмуртских студенток. Выраженность Я–Вторящего в ПЯ, наоборот, была выше у удмуртских студенток, чем у русских студенток.

Таблица 14. Эффекты кросскультурного фактора на полимодальное Я (средние и стандартные отклонения) (однофакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Уровни кросскультурного фактора	Полимодальное Я			
	Авторское	Воплощенное	Превращенное	Вторящее
Удмуртки	4.17 (.72)	4.08 (.62)	4.89 (.59)	3.91 (.59)
Русские	4.50 (.74)	4.39 (.70)	5.29 (.52)	3.70 (.73)

Примечания. Главные эффекты кросскультурного фактора на: Я–Авторское, $F(1, 246) = 13.15$, $p < .001$; Я–Воплощенное, $F(1, 246) = 13.42$, $p < .001$; Я–Превращенное, $F(1, 246) = 32.79$, $p < .001$; Я–Вторящее, $F(1, 246) = 5.91$, $p < .01$.

Полученные результаты иллюстрируют рис. 18–21.

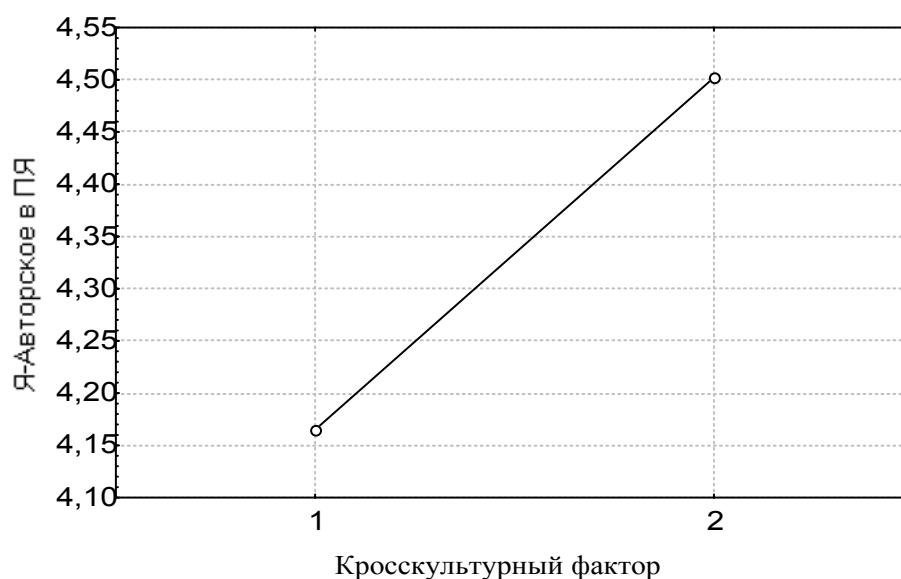

Рис. 18. Эффект кросскультурного фактора на Я–Авторское в ПЯ

Примечания. Уровни кросскультурного фактора: 1 – удмуртки, 2 – русские.

Рис. 19. Эффект кросскультурного фактора на Я-Воплощенное в ПЯ

Примечания. Уровни кросскультурного фактора: 1 – удмуртки, 2 – русские.

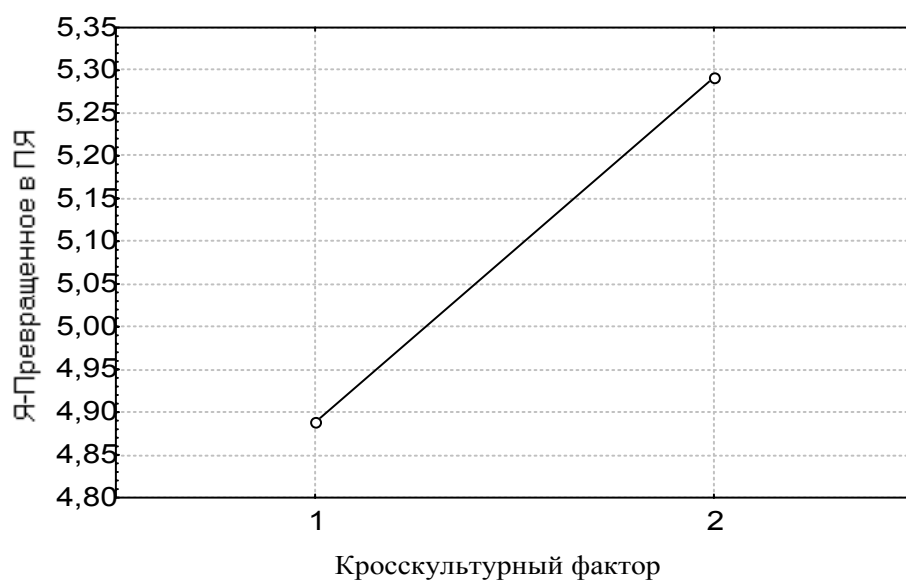

Рис. 20. Эффект кросскультурного фактора на Я-Превращенное в ПЯ

Примечания. Уровни кросскультурного фактора: 1 – удмуртки, 2 – русские.

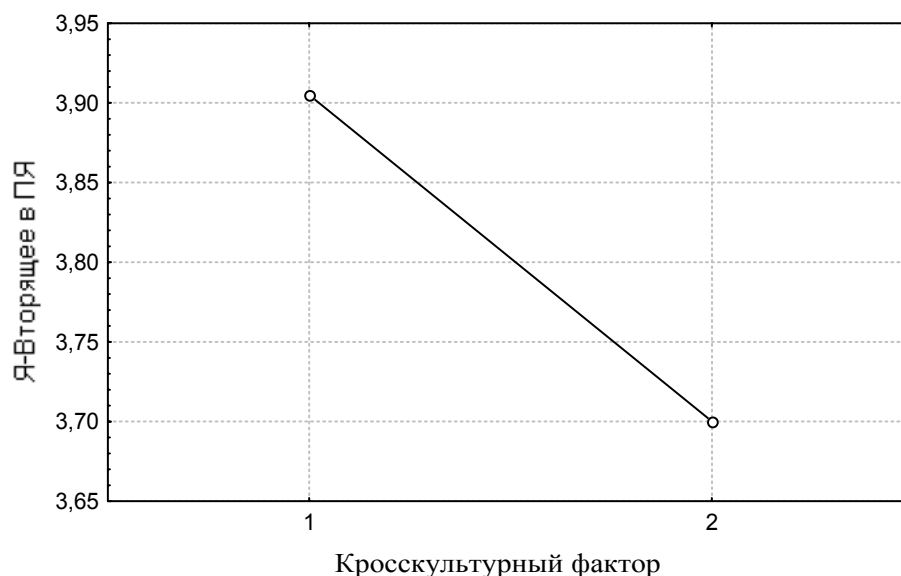

Рис. 21. Эффект кросскультурного фактора на Я-Вторящее в ПЯ

Примечания. Уровни кросскультурного фактора: 1 – удмуртки, 2 – русские.

3.3.2. Межличностные аффилиативные мотивы

Были обнаружены значимые эффекты кросскультурного фактора на межличностные аффилиативные мотивы. Средние (и стандартные отклонения) показателей межличностных аффилиативных субмотивов удмуртских и русских студенток приведены в табл. 15.

Как видно из табл. 15, кросскультурный фактор оказал значимый эффект на субмотив социальной близости, $F(1, 246) = 4.28, p < .05$, субмотив социальной робости, $F(1, 246) = 18.56, p < .001$, и близкий к значимому эффект на субмотив боязни оценки, $F(1, 246) = 3.02, p < .08$. Эффекты, обнаруженные посредством ANOVA, свидетельствовали о том, что выраженность субмотива социальной близости были выше у русских студенток, чем у удмуртских студенток. Выраженность субмотивов социальной робости и боязни оценки, наоборот, была выше у удмуртских студенток, чем у русских студенток.

Таблица 15. Эффекты кросскультурного фактора на межличностные аффилиативные субмотивы (средние и стандартные отклонения) (однофакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Уровни кросскультурного фактора	Межличностные аффилиативные мотивы		
	Стремление к принятию	Страх отвержения	
		Социальная близость	Боязнь оценки
Удмуртки	23.48 (5.25)	24.65 (5.77)	24.73 (4.62)
Русские	24.99 (6.22)	21.41 (6.05)	23.72 (4.47)

Примечания. Главные эффекты кросскультурного фактора на: субмотив социальной близости, $F(1, 246) = 4.28, p < .05$; социальной робости, $F(1, 246) = 18.56, p < .001$; боязни оценки, $F(1, 246) = 3.02, p < .08$.

Полученные результаты иллюстрируют рис. 22–24.

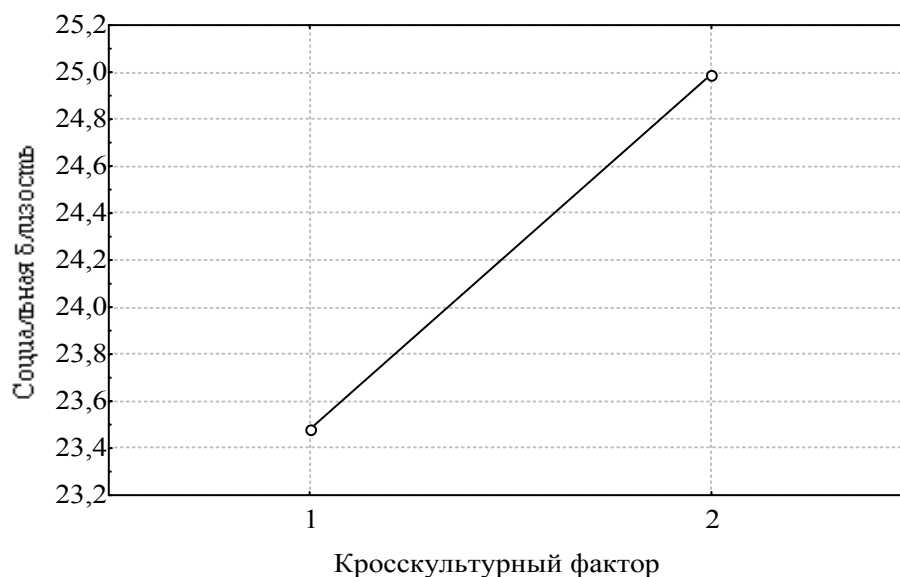

Рис. 22. Эффект кросскультурного фактора на субмотив социальной близости

Примечания. Уровни кросскультурного фактора: 1 – удмуртки, 2 – русские.

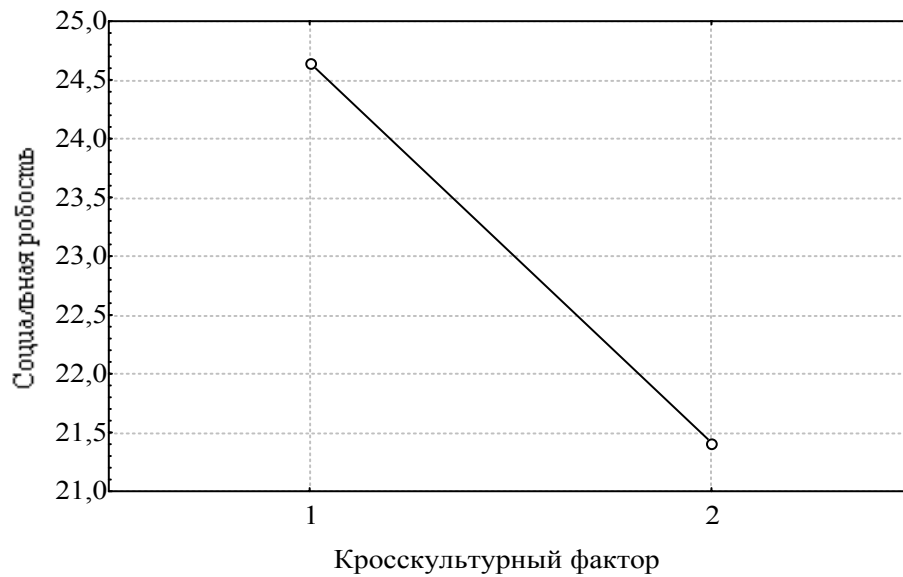

Рис. 23. Эффект кросскультурного фактора на субмотив социальной робости

Примечания. Уровни кросскультурного фактора: 1 – удмуртки, 2 – русские.

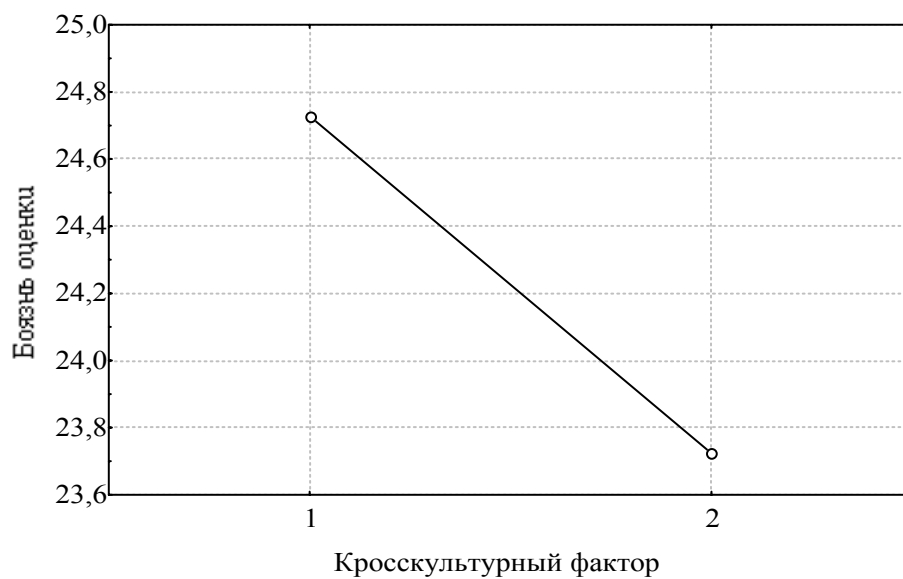

Рис. 24. Эффекты кросскультурного фактора на субмотив боязни оценки

Примечания. Уровни кросскультурного фактора: 1 – удмуртки, 2 – русские.

Эффекты кросскультурного фактора на показатели этнических аффилиативных мотивов были незначимыми.

3.3.3. Промежуточные выводы

Было обнаружено, что субмодальности ПЯ – Авторское, Воплощенное, Превращенное – выражены в большей степени у русских, чем у удмуртских студенток. Субмодальность Я–Вторящее в ПЯ, наоборот, выражена в большей степени у удмуртских, чем у русских студенток. Было обнаружено также, что субмотив социальной близости (мотив стремления к принятию) выражен в большей степени у русских, чем у удмуртских студенток, а субмотивы социальной робости и боязни оценки (мотив страха отвержения), наоборот, выражены в большей степени у удмуртских, чем у русских студенток.

3.4. Этнические и кросскультурные взаимодействия

3.4.1. Полимодальное Я

Кросскультурный фактор взаимодействовал с Я–Авторским в ЭЯ по Я–Вторящему в ПЯ. Средние (и стандартные отклонения) показателей Я–Вторящего в ПЯ в зависимости от этнической принадлежности и уровня выраженности Я–Авторского в ЭЯ участниц исследования приведены в табл. 16.

Таблица 16. Взаимодействия кросскультурного фактора и Я–Авторского в ЭЯ по Я–Вторящему в ПЯ (средние и стандартные отклонения) (двухфакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Уровни кросс-культурного фактора	Уровни Я–Авторского в ЭЯ		
	высокий	средний	низкий
Удмуртки	3.87 (.64)	4.07 (.52)	3.76 (.59)
Русские	3.88 (.86)	3.63 (.60)	3.60 (.68)

Примечания. Главные эффекты: кросскультурного фактора, $F(1, 242) = 5.57, p < .05$; Я–Авторского в ЭЯ, $F(2, 242) = 2.31, p < .10$.

Взаимодействия кросскультурного фактора и Я–Авторского в ЭЯ, $F(2, 242) = 2.51, p < .08$.

Post hoc сравнения свидетельствовали о том, что у удмурток Я–Вторящее в ПЯ было выше при средних, чем при низких значениях Я–Авторского в ЭЯ ($p < .03$), у русских Я–Вторящее в ПЯ было выше при высоких, чем при низких значениях Я–Авторского в ЭЯ ($p < .05$). Значения Я–Вторящего в ПЯ, соответствующие среднему уровню Я–Авторского в ЭЯ были выше у удмуртских, чем у русских студенток ($p < .01$).

Полученные результаты иллюстрирует рис. 25.

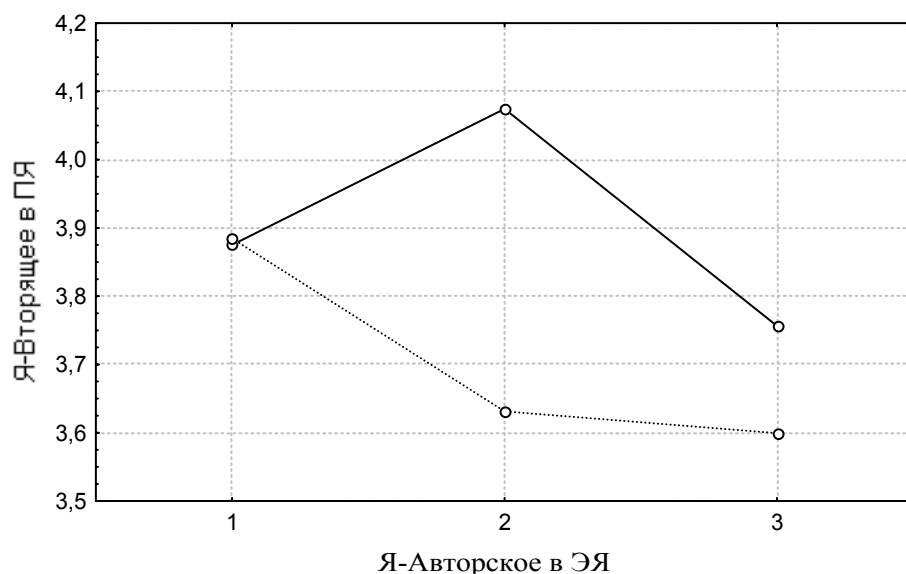

Рис. 25. Взаимодействия кросскультурного фактора и Я–Авторского в ЭЯ по Я–Вторящему в ПЯ

Примечания. Уровни Я–Авторского в ЭЯ: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий;
Уровни кросскультурного фактора: — удмуртки, ----- русские.

Кросскультурный фактор взаимодействовал с Я–Воплощенным в ЭЯ по Я–Авторскому в ПЯ. Средние (и стандартные отклонения) показателей Я–Авторского в ПЯ в зависимости от этнической принадлежности и уровня выраженности Я–Воплощенного в ЭЯ участниц исследования приведены в табл. 17.

Post hoc сравнения свидетельствовали о том, что у удмурток Я–Авторское в ПЯ было выше при высоких, чем при средних значениях Я–Воплощенного в ЭЯ ($p < .03$), у русских разница показателей Я–Авторского в ПЯ в зависимости от уровней Я–Воплощенного в ЭЯ была незначимой. Значения Я–

Авторского в ПЯ, соответствующие значениям среднего и низкого уровней Я–Воплощенного в ЭЯ были выше у русских, чем у удмуртских студенток ($p < .001$, $p < .10$).

Таблица 17. Взаимодействия кросскультурного фактора и Я–Воплощенного в ЭЯ по Я–Авторскому в ПЯ (средние и стандартные отклонения) (двухфакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Уровни кросс-культурного фактора	Уровни Я–Воплощенного в ЭЯ		
	высокий	средний	низкий
Удмуртки	4.31 (.68)	3.98 (.58)	4.16 (.87)
Русские	4.45 (.63)	4.62 (.68)	4.43 (.86)

Примечания. Главный эффект кросскультурного фактора: $F(1, 242) = 13.99$, $p < .001$. Главный эффект Я–Воплощенного в ЭЯ: н.з.

Взаимодействия кросскультурного фактора и Я–Воплощенного в ЭЯ, $F(2, 242) = 2.62$, $p < .07$.

Полученные результаты иллюстрирует рис. 26.

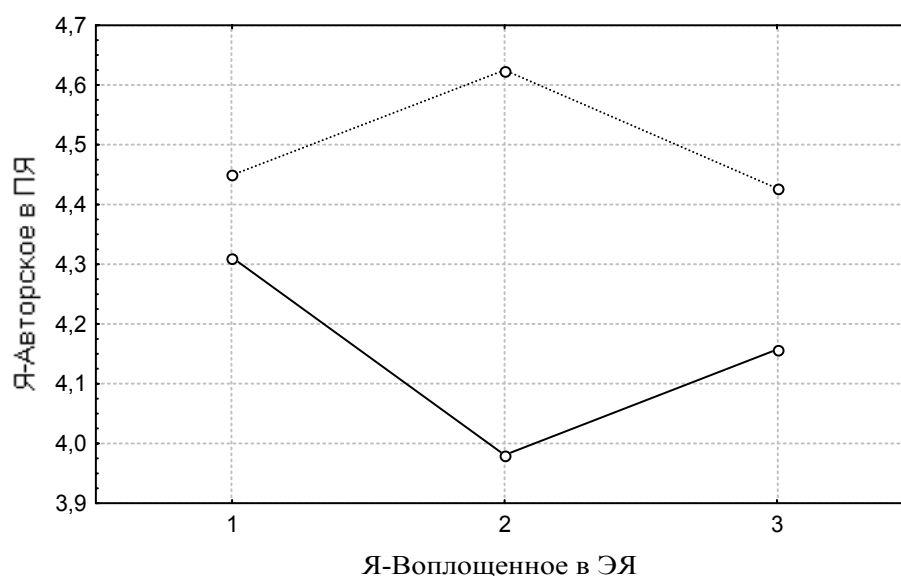

Рис. 26. Взаимодействия кросскультурного фактора и Я–Воплощенного в ЭЯ по Я–Авторскому в ПЯ

Примечания. Уровни Я–Воплощенного в ЭЯ: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий; Уровни кросскультурного фактора: ——— удмуртки, русские.

Кросскультурный фактор взаимодействовал с Я–Вторящим в ЭЯ по Я–Авторскому в ПЯ. Средние (и стандартные отклонения) показателей Я–Авторского в ПЯ в зависимости от этнической принадлежности и уровня выраженности Я–Вторящего в ЭЯ участниц исследования приведены в табл. 18.

Таблица 18. Взаимодействия кросскультурного фактора и Я–Вторящего в ЭЯ по Я–Авторскому в ПЯ (средние и стандартные отклонения) (двухфакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Уровни кросс-культурного фактора	Уровни Я–Вторящего в ЭЯ		
	высокий	средний	низкий
Удмуртки	4.46 (.75)	4.03 (.52)	4.05 (.77)
Русские	4.48 (.79)	4.42 (.70)	4.64 (.74)

Примечания. Главные эффекты: кросскультурного фактора, $F(1, 242) = 12.93$, $p < .001$; Я–Вторящего в ЭЯ, $F(2, 242) = 2.30$, $p < .10$.

Взаимодействия кросскультурного фактора и Я–Вторящего в ЭЯ, $F(2, 242) = 2.62$, $p < .07$.

Полученные результаты иллюстрирует рис. 27.

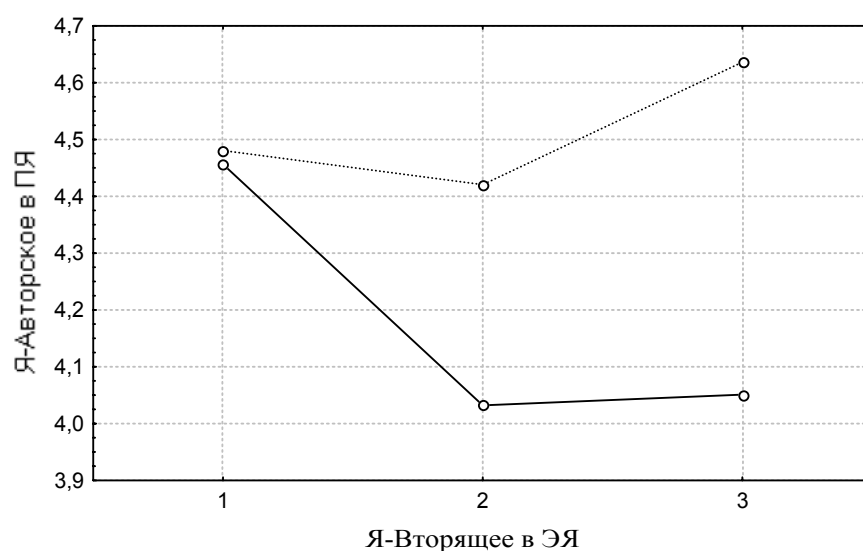

Рис. 27. Взаимодействия кросскультурного фактора и Я–Вторящего в ЭЯ по Я–Авторскому в ПЯ

Примечания. Уровни Я–Вторящего в ЭЯ: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий; Уровни кросскультурного фактора: ——— удмуртки, - - - - - русские.

Post hoc сравнения свидетельствовали о том, что у удмурток Я–Авторское в ПЯ было выше при высоких, чем при средних и низких значениях Я–Вторящего в ЭЯ ($p < .01$), у русских разница показателей Я–Авторского в ПЯ в зависимости от уровней Я–Вторящего в ЭЯ была незначимой. Значения Я–Авторского в ПЯ, соответствующие значениям среднего и низкого уровней Я–Вторящего в ЭЯ были выше у русских, чем у удмуртских студенток ($p < .01$, $p < .001$).

Кросскультурный фактор взаимодействовал с Я–Вторящим в ЭЯ также по Я–Воплощенному в ПЯ. Средние (и стандартные отклонения) показателей Я–Воплощенного в ПЯ в зависимости от этнической принадлежности и уровня выраженности Я–Вторящего в ЭЯ участниц исследования приведены в табл. 19.

Post hoc сравнения свидетельствовали о том, что у удмурток Я–Воплощенное в ПЯ было выше при высоких, чем при средних значениях Я–Вторящего в ЭЯ ($p < .05$), у русских разница показателей Я–Воплощенного в ПЯ в зависимости от уровней Я–Вторящего в ЭЯ была незначимой. Значения Я–Воплощенного в ПЯ, соответствующие значениям среднего и низкого уровней Я–Вторящего в ЭЯ были выше у русских, чем у удмуртских студенток ($p < .01$).

Таблица 19. Взаимодействия кросскультурного фактора и Я–Вторящего в ЭЯ по Я–Воплощенному в ПЯ (средние и стандартные отклонения) (двухфакторный дисперсионный ANOVA, межгрупповой дизайн)

Уровни кросс-культурного фактора	Уровни Я–Вторящего в ЭЯ		
	высокий	средний	низкий
Удмуртки	4.29 (.71)	3.97 (.46)	4.01 (.63)
Русские	4.31 (.74)	4.40 (.53)	4.47 (.82)

Примечания. Главный эффект кросскультурного фактора: $F(1, 242) = 13.13$, $p < .001$, главный эффект Я–Вторящего в ЭЯ: н. з.

Взаимодействия кросскультурного фактора и Я–Вторящего в ЭЯ, $F(2, 242) = 2.73$, $p < .07$.

Полученные результаты иллюстрирует рис. 28.

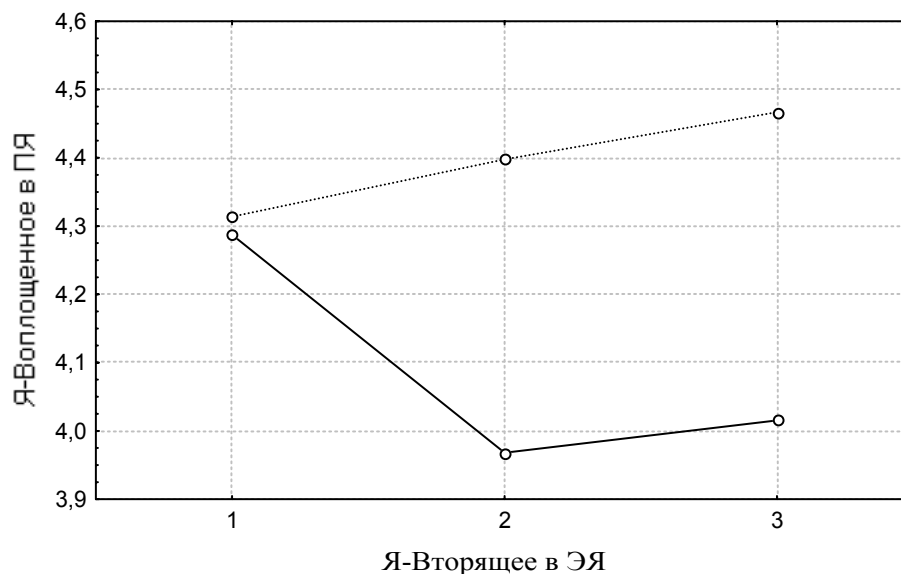

Рис. 28. Взаимодействия кросскультурного фактора и Я-Вторящего в ЭЯ по Я-Воплощенному в ПЯ

Примечания. Уровни Я-Вторящего в ЭЯ: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий; Уровни кросскультурного фактора: ——— удмуртки, русские.

3.4.2. Межличностные аффилиативные мотивы

Кросскультурный фактор взаимодействовал с Я-Авторским в ЭЯ по межличностному аффилиативному субмотиву социальной робости. Средние (и стандартные отклонения) показателей субмотива социальной робости в зависимости от этнической принадлежности и уровня выраженности Я-Авторского в ЭЯ участниц исследования приведены в табл. 20.

Post hoc сравнения свидетельствовали о том, что у удмурток субмотив социальной робости был выше при высоких, чем при средних и низких значениях Я-Авторского в ЭЯ ($p < .01$, $p < .001$), у русских разница показателей субмотива социальной робости в зависимости от уровней Я-Авторского в ЭЯ была незначимой. Значения субмотива социальной робости, соответствующие значениям высокого и среднего уровней Я-Авторского в ЭЯ были выше у удмуртских, чем у русских студенток ($p < .001$, $p < .05$).

Таблица 20. Взаимодействия кросскультурного фактора и Я–Авторского в ЭЯ по субмотиву социальной робости (средние и стандартные отклонения) (двухфакторный дисперсионный анализ ANOVA, межгрупповой дизайн)

Уровни кросс-культурного фактора	Уровни Я–Авторского в ЭЯ		
	высокий	средний	низкий
Удмуртки	27.64 (4.96)	23.79 (4.47)	22.20 (6.46)
Русские	21.90 (7.41)	21.05 (4.51)	21.32 (6.04)

Примечания. Главные эффекты: кросскультурного фактора, $F(1, 242) = 18.40$, $p < .001$; Я–Авторского в ЭЯ, $F(2, 242) = 6.31$, $p < .01$.

Взаимодействия кросскультурного фактора и Я–Авторского в ЭЯ, $F(2, 242) = 3.79$, $p < .05$.

Полученные результаты иллюстрирует рис. 29.

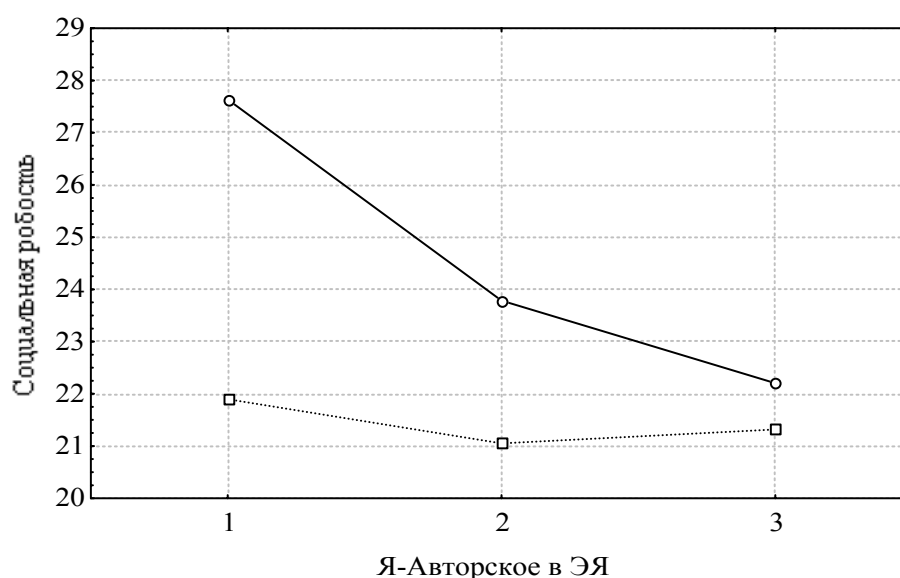

Рис. 29. Взаимодействия кросскультурного фактора и Я–Авторского в ЭЯ по субмотиву социальной робости

Примечания. Уровни Я–Авторского в ЭЯ: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий; Уровни кросскультурного фактора: ——— удмуртки, - - - - - русские.

Кросскультурный фактор взаимодействовал с Я–Авторским в ЭЯ также по межличностному аффилиативному субмотиву боязни оценки. Средние (и стандартные отклонения) показателей субмотива боязни оценки в зависимо-

сти от этнической принадлежности и уровня выраженности Я–Авторского в ЭЯ участниц исследования приведены в табл. 21.

Таблица 21. Взаимодействия кросскультурного фактора и Я–Авторского в ЭЯ по субмотиву боязни оценки (средние и стандартные отклонения) (двухфакторный дисперсионный анализ ANOVA, межгрупповой дизайн)

Уровни кросс-культурного фактора	Уровни Я–Авторского в ЭЯ		
	высокий	средний	низкий
Удмуртки	26.54 (4.47)	23.81 (4.24)	23.67 (4.66)
Русские	23.03 (4.39)	23.72 (4.05)	24.34 (4.90)

Примечания. Главные эффекты: кросскультурного фактора, $F(1, 242) = 2.96$, $p < .09$; Я–Авторского в ЭЯ – н. з.

Взаимодействия кросскультурного фактора и Я–Авторского в ЭЯ, $F(2, 242) = 5.17$, $p < .01$.

Полученные результаты иллюстрирует рис. 30.

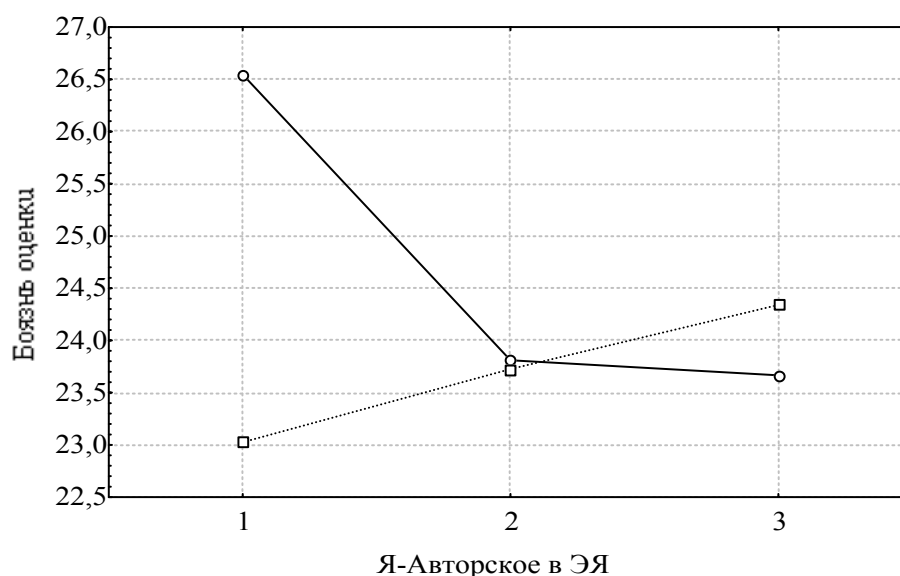

Рис. 30. Взаимодействия кросскультурного фактора и Я–Авторского в ЭЯ по субмотиву боязни оценки

Примечания. Уровни Я–Авторского в ЭЯ: 1 – высокий, 2 – средний, 3 – низкий; Уровни кросскультурного фактора: ——— удмуртки, - - - - - русские.

Post hoc сравнения свидетельствовали о том, что у удмурток субмотив боязни оценки был выше при высоких, чем при средних и низких значениях Я–Авторского в ЭЯ ($p < .01$), у русских разница показателей субмотива боязни оценки в зависимости от уровней Я–Авторского в ЭЯ была незначимой. Значения субмотива боязни оценки, соответствующие значениям высокого уровня Я–Авторского в ЭЯ были выше у удмуртских, чем у русских студенток ($p < .001$).

3.4.3. Промежуточные выводы

Было обнаружено, что кросскультурный фактор может взаимодействовать с Я–Авторским в ЭЯ по Я–Вторящему в ПЯ и субмотивам социальной робости и боязни оценки; с Я–Воплощенным в ЭЯ – по Я–Авторскому в ПЯ; с Я–Вторящим в ЭЯ – по Я–Авторскому и Я–Воплощенному в ПЯ.

3.5. Этно-кросскультурная интегративная модель Я–концепции

В настоящем параграфе приводятся данные в пользу интегративной этно-кросскультурной модели Я–концепции. В основу данной модели положены результаты эффектов ЭЯ и кросскультурного фактора на переменные ПЯ и аффилиативных мотивов, а также результаты взаимодействий ЭЯ и кросскультурного фактора по переменным ПЯ и аффилиативных мотивов (см.: §§ 3.2.1–3.4.3). В ходе создания общей этно-кросскультурной модели Я–концепции тестированию подвергались промежуточные гипотетические модели, условно обозначенные как модели «эффектов» и «взаимодействий». Обе модели строились на основании результатов дисперсионного анализа, но модель «эффектов» строилась по результатам эффектов фактора ЭЯ и кросскультурного фактора на одни и те же переменные ПЯ и аффилиативных мотивов, а модель «взаимодействий» – по результатам взаимодействий этих факторов по данным переменным.

3.5.1. Состав гипотетических моделей

Гипотетическая модель «эффектов»

В гипотетической модели «эффектов» фактор ЭЯ был представлен субмодальностями Я–Авторское, Я–Воплощенное, Я–Превращенное, Я–Вторящее. Кросскультурный фактор был представлен одной переменной, которая была индикатором самой себя. ПЯ было представлено субмодальностями Я–Превращенное и Я–Вторящее. Они выступали как эндогенные переменные (по отдельности) и включали по 8 манифестных переменных. Аффiliationные субмотивы социальной близости, социальной робости и боязни оценки выступали как эндогенные переменные (по отдельности). Субмотивы социальной близости и социальной робости включали по 6 манифестных переменных. Субмотив боязни оценки включал 5 манифестных переменных.

В модель включались каузально-подобные пути (1) от фактора ЭЯ к Я–Превращенному и Я–Вторящему в ПЯ, а также к субмотивам социальной близости, социальной робости и боязни оценки; (2) от кросскультурного фактора к Я–Превращенному и Я–Вторящему в ПЯ, а также к субмотивам социальной близости, социальной робости и боязни оценки.

Фактор ЭЯ и кросскультурный фактор включались в модель как коррелирующие.

Гипотетическая модель «взаимодействий»

В гипотетической модели «взаимодействий» фактор ЭЯ был представлен субмодальностями Я–Авторское, Я–Воплощенное, Я–Вторящее. Кросскультурный фактор был представлен одной переменной, которая была индикатором самой себя. ПЯ было представлено субмодальностями Я–Авторское, Я–Воплощенное и Я–Вторящее. Они выступали как эндогенные переменные (по отдельности) и включали по 8 манифестных переменных. Аффiliationные субмотивы социальной робости и боязни оценки выступали как эндоген-

ные переменные (по отдельности). Субмотив социальной робости включал 6 манифестных переменных. Субмотив боязни оценки – 5 манифестных переменных.

В модель включались каузально-подобные пути (1) от фактора ЭЯ к Я–Авторскому, Я–Воплощенному и Я–Вторящему в ПЯ, а также субмотивам социальной робости и боязни оценки; (2) от кросскультурного фактора к Я–Авторскому, Я–Воплощенному и Я–Вторящему в ПЯ, а также к субмотивам социальной робости и боязни оценки.

Фактор ЭЯ и кросскультурный фактор включались в модель как коррелирующие.

3.5.2. Пригодность гипотетических моделей

Данные о пригодности моделей «эффектов» и «взаимодействий» приведены в табл. 22.

Таблица 22. Индексы пригодности моделей «эффектов» и «взаимодействий»

Модель	Индексы пригодности					
	χ^2	df	χ^2/df	RMSEA	AGFI	CFI
«Эффектов»	995.96*	583	1.71	.05	.80	.82
«Взаимодействий»	1283.40*	692.00	1.85	.06	.77	.80

Примечания. n = 248; в каждой модели ЭЯ и кросскультурный фактор – экзогенные факторы, субмодальности ПЯ и аффилиативные мотивы – эндогенные переменные; χ^2 – хи-квадрат статистика, измеренная для функции расхождения методом максимального подобия, ML; * p < .001; df – количество степеней свободы, χ^2 / df – отношение χ^2 / df , RMSEA – индекс Стейгера–Линда, AGFI – отрегулированный индекс пригодности, CFI – сравнительный индекс пригодности.

Каждая модель характеризовалась высоким значением χ^2 (p < .001). Отношение χ^2 / df было низким. Значение индекса Стейгера–Линда (RMSEA) в модели «эффектов» было ниже порогового уровня (p < .05), а в модели «взаимодействий» – близко к пороговому уровню. Значения отрегулированного (AGFI) и сравнительного (CFI) индексов пригодности были достаточно высо-

кими. За исключением χ^2 статистики, значимость которой является двусмысленной (χ^2 статистика свидетельствует в пользу пригодности модели, если является незначимой; но χ^2 статистика может быть также значимой при большом размере выборке – см.: Bentler, 1990), остальные индексы свидетельствовали в пользу достаточно высокой пригодности каждой из интегративных этно-кросскультурных моделей полимодального Я. Следовательно, эти модели получили эмпирическую поддержку и, следовательно, приобрели статус не гипотетических, а эмпирических моделей.

3.5.3. Эмпирические модели: состав и каузально-подобные пути

Модель «эффектов»

Экзогенные факторы. Фактор ЭЯ представляли 2 переменные – Я–Авторское в ЭЯ ($p < .001$) и Я–Превращенное в ЭЯ ($p < .05$) (из 4), кросскультурный фактор – 1 переменная ($p < .001$) (из 1).

Эндогенные переменные. Я–Превращенное в ПЯ представляли 7 переменных ($p < .001$) (из 8), Я–Вторящее в ПЯ – 7 переменных ($p < .001 \div .08$) (из 8), социальную близость – 5 переменных ($p < .001$) (из 6), социальную робость – 5 переменных ($p < .001$) (из 6), боязнь оценки – 4 переменные ($p < .001$) (из 5).

Диаграмма каузально-подобных путей в эмпирической модели «эффектов» приведена на рис. 31.

Каузально-подобные пути прошли от экзогенного фактора ЭЯ к эндогенным переменным – Я–Превращенному в ПЯ ($p < .001$), Я–Вторящему в ПЯ ($p < .001$), субмотивам социальной близости ($p < .001$), социальной робости ($p < .001$) и боязни оценки ($p < .001$). Каузально-подобные пути прошли также от экзогенного кросскультурного фактора к эндогенным переменным – Я–Превращенному в ПЯ ($p < .001$) и субмотиву социальной робости ($p < .01$). Экзогенные факторы коррелировали отрицательно ($p < .05$).

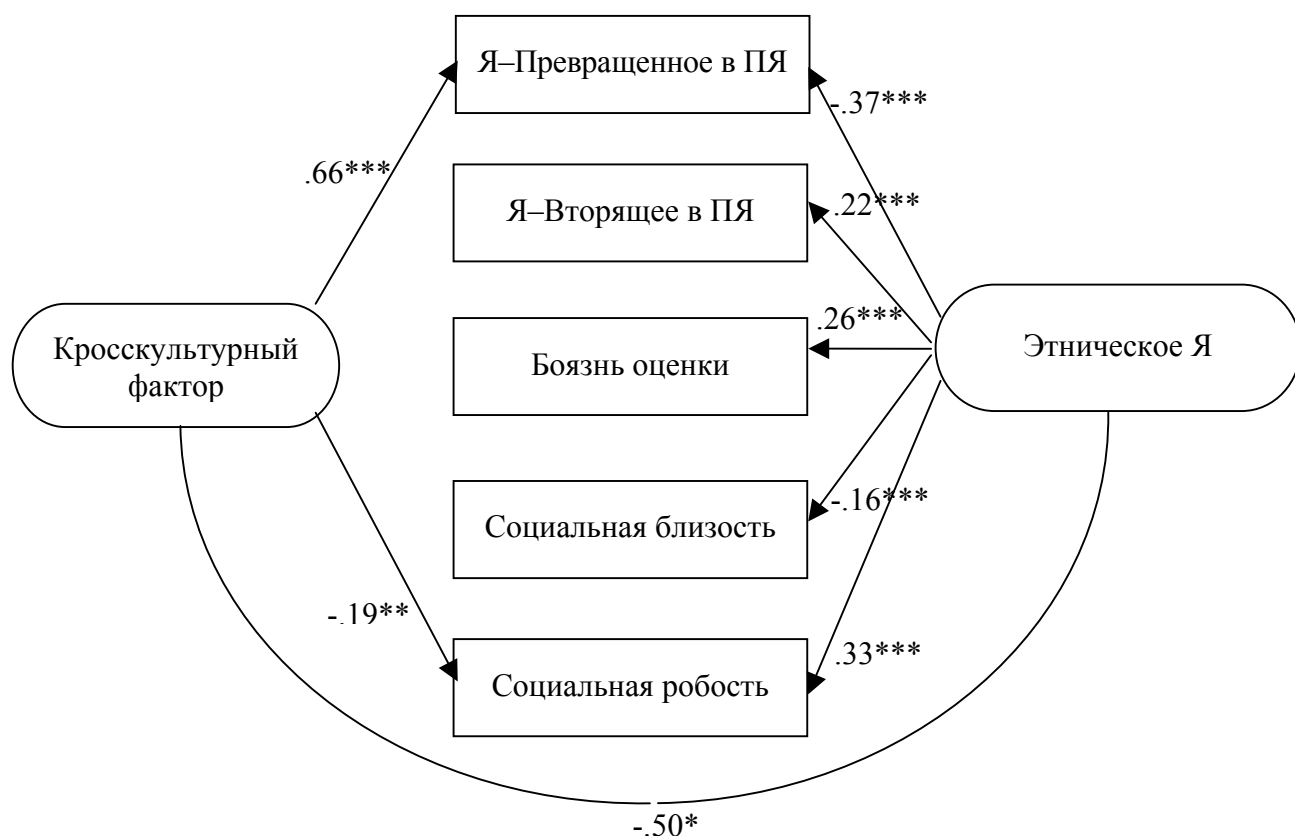

Рис. 31. Диаграмма каузально-подобных путей в эмпирической модели «эффектов»

Примечания. * $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$.

Модель «взаимодействий»

Экзогенные факторы. Фактор ЭЯ представляли 3 переменные – Я–Авторское в ЭЯ ($p < .001$), Я–Воплощенное в ЭЯ ($p < .001$) и Я–Вторящее в ЭЯ ($p < .001$) (из 3). Кросскультурный фактор не был представлен манифестной переменной.

С учетом того, что в кросскультурный фактор не была включена манифестная переменная, модель «взаимодействий» была исключена из дальнейшего анализа.

3.5.4. Промежуточные выводы

Была построена эмпирическая этно-кросскультурная модель Я–концепции. Было обнаружено, что этно-кросскультурная интеграция в этой модели обеспечивается благодаря связям и взаимодействиям фактора ЭЯ и кросскультурного фактора, приводящим (прямо и опосредованно) к изменениям полиморфного Я и аффилиативных мотивов.

ОБСУЖДЕНИЕ

В настоящей работе были получены 5 групп фактов. Во-первых, теоретически и эмпирически был разработан конструкт этнического Я. Во-вторых, были получены данные о том, что этническое Я может служить фактором изменений в полимодальном Я и аффилиативных мотивах. В-третьих, были получены данные о том, что кросскультурные различия также могут служить фактором изменений в полимодальном Я и аффилиативных мотивах. В-четвертых, были установлены взаимодействия этнического Я и кросскультурных различий по переменным полимодального Я и аффилиативных мотивов. В-пятых, была построена этно-кросскультурная интегративная модель Я–концепции. Эта модель объединила данные, полученные ранее по отдельности.

Как объяснить полученные данные? Вначале обсудим каждую группу фактов отдельно. Затем обсудим этно-кросскультурную интегративную модель Я–концепции и полученные факты в рамках этой модели.

Этническое Я как конструкт и как круговая модель

Гипотеза о том, что этническое Я складывается из системы «Этнос» и системы «Я» получила эмпирическую поддержку. Было установлено, что этническое Я может распадаться на 2 системы – систему «Этнос» и систему «Я». В этническом Я выделились 4 субмодальности: Я–Авторское, Я–Воплощенное, Я–Превращенное, Я–Вторящее. Субмодальности Я–Превращенное и Я–Вторящее вошли в систему «Этнос», а Я–Авторское и Я–Воплощенное – в систему «Я».

Гипотеза о круговой структуре этнического Я получила эмпирическую поддержку. Были установлены, во-первых, оси круга – система «Этнос» и система «Я». Во-вторых, была установлена последовательность субмодальностей этнического Я по кругу: Авторское – Превращенное – Воплощенное –

Вторящее. Первая и третья субмодальности образуют ось системы «Я», вторая и четвертая субмодальности – ось системы «Этнос».

Гипотезы о структурировании этнического Я по другим основаниям – модальному и диспозициональному – эмпирической поддержки не получили.

Следовательно, полученные данные позволяют рассматривать структуру этнического Я как бисистему, в которой системы «Этнос» и «Я» являются осями, а субмодальности образуют круг.

Как объяснить эти результаты?

Они соответствуют базовому положению концепции метаиндивидуального мира о двойственности качественной определенности – системы «Индивидуальность» и «Мир» не сводятся друг к другу, но взаимодействуют (Дорфман, 1993, 1997, 2002а, 2004б). Полученные результаты соответствуют также базовому положению концепции метаиндивидуального этнического мира – системы *этно-индивидуальность* и *этно-индивидуальность* не сводятся друг к другу, но взаимодействуют (Хотинец, 2000а, 2000б).

Полученные в данной работе результаты укладываются в эти представления: в этническом Я системы «Этнос» и «Я» не сводятся друг к другу, но взаимодействуют. Системы «Этнос» и «Я» не сводятся друг к другу, поскольку образуют оси круга. Системы «Этнос» и «Я» взаимодействуют через смежные и сопряженные субмодальности Я.

Модальности «Этнос» и «Я» и диспозиции слияния и обособления, напротив, не соответствуют базовым положениям концепций метаиндивидуального мира и метаиндивидуального этнического мира. В то же время модальности «Этнос» и «Я» и диспозиции слияния и обособления не выполняют функции оснований, дифференцирующих этническое Я. Это значит, что структурирование этнического Я по бисистемному основанию приводит к отказу от структурирования этнического Я по бимодальному и бидиспозициональному основаниям.

Между тем субмодальности Я структурируются по кругу. В круге выделяются не только оси (системы «Этнос» и «Я»), но и квадранты. Квадранты образуются смежными субмодальностями. Квадрант, образованный субмодальностями Я–Авторское и Я–Превращенное, указывает на диспозицию обособления. Квадрант, образованный субмодальностями Я–Воплощенное и Я–Вторящее, указывает на диспозицию слияния. Квадрант, образованный субмодальностями Я–Авторское и Я–Вторящее, указывает на модальность «Я». Наконец, квадрант, образованный субмодальностями Я–Превращенное и Я–Воплощенное, указывает на модальность «Этнос».

Эти данные позволяют предположить, что этническое Я складывается из 3-х уровней.

Первым (исходным, основополагающим) служит уровень, который можно обозначить как «бисистемный». Бисистемный уровень выполняет структурообразующую функцию в этническом Я. Структурообразующую функцию этого уровня можно объяснить тем, что системы «Этнос» и «Я» служат *осями* круга, который образуют субмодальности этнического Я.

Второй, более поверхностный, уровень образуют модальности «Этнос» и «Я») и диспозиции (слияния и обособления) этнического Я. Выделение модальностей и диспозиций в самостоятельный уровень можно объяснить тем, что они задают психологическое содержание *квадрантов* круга этнического Я. Квадранты круга определяются его осями, но не сводятся к ним, поскольку каждый квадрант обуславливается двумя полуосями одновременно.

Третий, самый поверхностный, уровень образуют *субмодальности* этнического Я. Выделение субмодальностей в самостоятельный уровень можно объяснить тем, что каждая субмодальность существует не только в парах с другими субмодальностями, но и сама по себе. В пользу этого свидетельствуют итоги эксплораторного факторного анализа (см.: Приложение 1). Кроме того, круговая структура свидетельствует о том, что субмодальности «отстоят» друг от друга как бы на разных расстояниях. Более отдаленными являются

субмодальности, которые не являются смежными по кругу. Таковыми являются субмодальности Я–Авторское и Я–Воплощенное, Я–Превращенное и Я–Вторящее. И наоборот, сопряженными являются смежные по кругу субмодальности: Я–Авторское и Я–Превращенное, Я–Превращенное и Я–Воплощенное, Я–Воплощенное и Я–Вторящее, Я–Вторящее и Я–Авторское. Различия в «расстояниях» между субмодальностями можно понимать как результат структурирования этнического Я по бисистемному основанию.

Следует заметить, что 3-х уровневое представление этнического Я предполагает также относительную зависимость (а) второго уровня от первого и (б) третьего – от первого и второго. Это иное представление об образовании уровней, чем, скажем, в теории интегральной индивидуальности Мерлина (1986). Однако это не значит, что наш подход подрывает или подвергает сомнению иерархический принцип устройства интегральной индивидуальности. Ведь речь идет о «внутреннем» устройстве этнического Я, которое можно отнести к отдельному уровню интегральной индивидуальности. Вопрос же о том, как этническое Я соотносится с уровнями интегральной индивидуальности, в данной работе не ставился и не изучался.

Некоторые следствия из круговой модели этнического Я

Эмпирические данные в пользу структурирования этнического Я по кругу позволяют обозначить несколько следствий: феноменологические, концептуальные.

Феноменологические следствия

Можно обозначить важные признаки круговой модели этнического Я.

В этническом Я система «Этнос» характеризуется двойственностью, поскольку образована субмодальностями Я–Превращенное и Я–Вторящее. Система «Я» характеризуется двойственностью, поскольку образована субмодальностями Я–Авторское и Я–Воплощенное. Субмодальности Авторское и Превращенное вносят вклады в обособление модальностей «Этнос» и «Я», а

субмодальности Воплощенное и Вторящее, наоборот, – в слияние модальностей «Этнос» и «Я».

Системы «Этнос» и «Я» пересекаются в центре круга. Психологический смысл области центра круга состоит в том, что различия между системами «Этнос» и «Я» минимизируются. Минимизация их различий происходит при условии, что степень выраженности каждой системы стремится к нулю. У центра круга возникает область, однако, в которой не только минимизируются различия, но и «сходятся» (топологически) системы «Этнос» и «Я».

Различия между системами «Этнос» и «Я» максимизируются у границ круга. Максимизация их различий происходит при условии, что степень выраженности каждой системы стремится к максимуму. У границы круга возникают области, однако, в которых не только максимизируются различия, но и «расходятся» (топологически) системы «Этнос» и «Я».

На первый взгляд, понятия расхождения – схождения (систем «Этнос» и «Я») и диспозиций («Слияние» – «Обособление») являются тавтологическими. Но в действительности здесь нет тавтологии. Профили квадрантов диспозиций и модальностей могут меняться в зависимости от степени схождения – расхождения систем «Этнос» и «Я». Схождение – расхождение – это *количественная* мера, которой можно описывать изменения профиля любого квадранта круга. Слияние и обособление (как и модальности «Этнос» и «Я»), напротив, – это категории, имеющие определенное *содержание*. Оно не зависит от степени схождения – расхождения систем «Этнос» и «Я». Слияние остается слиянием, как бы ни менялась степень его выраженности. Обособление остается обособлением, как бы ни менялась степень его выраженности.

Концептуальные следствия

Круговая модель этнического Я может свидетельствовать о *переходах* от одних субмодальностей к другим по *кругу* и в *определенной последовательности*. От Я–Авторского – к Я–Превращенному, от Я–Превращенного – к Я–Воплощенному, от Я–Воплощенного – к Я–Вторящему и от Я–Вторящего – к

Я–Авторскому – таков круг и такова последовательность субмодальностей этнического Я, судя по эмпирическим данным.

На основе этих данных можно предположить, что этническое Я характеризуется одновременно континуальностью и дискретностью. Континуальными могут быть *смежные* на круге субмодальности. Дискретными могут быть *противостоящие* субмодальности: они опосредованы третьей субмодальностью (о смежных и противостоящих субмодальностях Я см.: Дорфман, 2004а, 2004б).

Кроме того, можно предположить, что континуальность поддерживается механизмами *опосредования*. Это значит, например, что модальности «Этнос» и «Я» могут быть звеньями, опосредующими взаимосвязи обособления и слияния, а слияние и обособление – звеньями, опосредующими взаимосвязи модальностей «Этнос» и «Я».

Эффекты этнического Я на полимодальное Я и аффилиативные мотивы

Гипотеза о том, что субмодальности этнического Я могут приводить к изменениям субмодальностей полимодального Я получила эмпирическую поддержку. Гипотеза о том, что субмодальности этнического Я могут приводить к изменениям аффилиативных мотивов также получила эмпирическую поддержку.

Как объяснить полученные результаты? Начнем с полимодального Я.

Наиболее интересным и наименее ожидаемым оказался эффект Я–Авторского в этническом Я на Я–Вторящее в полимодальном Я. Как уже отмечалось в Главе 1 (см.: § 1.5.1), Я–Авторское в этническом Я определяется как самостоятельный выбор человека в пользу своего этноса, а Я–Вторящее в полимодальном Я человека, напротив, сопряжено с зависимостью, тревожностью, неуверенностью (см.: § 1.5.4). Следует также иметь в виду, что Я–Авторское в этническом Я характеризует человека «внутри» своего этноса и

свидетельствует о росте его этнического самосознания, а Я–Вторящее в полимодальном Я – человека безотносительно к своему этносу.

Можно предположить, что рост этнического самосознания (рост выраженности Я–Авторского в этническом Я) человека, с одной стороны, сопряжен с ростом его обособления от других этносов. С другой стороны, именно усиление обособления от других этносов может вызывать тревожность и неуверенность. Отдавая предпочтение своему этносу, у человека может снижаться чувство «Я – свой» в другой этнической среде. Согласно полученным данным, Я–Вторящее в полимодальном Я было выражено в большей степени у удмурток, чем у русских. Изложенное выше предположение можно отнести, по-видимому, в большей степени к удмурткам, чем к русским.

В известной степени это предположение согласуется также с данными Хотинец (2000а) и Козловой (2001). Хотинец обнаружила, что позитивная форма этнического самосознания (ее можно сопоставить с Я–Авторским в этническом Я) способствует застенчивости и покорности. Козлова установила, что тенденция к идентификации с этнической группой снижает общий потенциал личности (зависимость, тревожность, неуверенность можно рассматривать в качестве факторов, снижающих общий потенциал личности).

Теперь об эффекте Я–Превращенного в этническом Я на Я–Превращенное в полимодальном Я. Опять-таки можно обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, следует иметь в виду, что одним из значений Я–Превращенного является терпимость. Во-вторых, нужно учитывать положение человека внутри своего этноса и вне его. Полученные данные свидетельствуют о том, что терпимость к представителям своего этноса может служить одним из условий общечеловеческой терпимости, т.е. терпимости к людям безотносительно к их этнической принадлежности. Терпимость требует «работы души», усилий, способности к сдерживанию и осознанию ментальных границ между «Я» и «Другим». Можно предположить, что этнический фактор

облегчает развитие этих качеств. На определенном этапе может совершаться перенос терпимости «к своим» на «чужих».

Далее предпримем попытку объяснить эффекты этнического Я на affiliативные (межличностные и этнические) мотивы.

Напомним, что в affiliативных межличностных мотивах выделялись субмотивы общительности и социальной близости (стремление к принятию) и субмотивы социальной робости и боязни оценки (страх отвержения). Согласно полученным данным, Я–Авторское и Я–Воплощенное в этническом Я произвели сходные эффекты на affiliативные межличностные субмотивы: выраженность субмотивов общительности и социальной близости снижалась, а выраженность субмотива социальной робости, напротив, возрастала. Я–Воплощенное в этническом Я оказалось фактором роста субмотива боязни оценки.

Сходные эффекты на субмотивы общительности, близости, социальной робости Я–Авторского и Я–Воплощенного в этническом Я можно объяснить тем, что эти субмодальности входят в систему «Я». Напомним полученные в данной работе факты о том, что система «Этнос» является одним из глубинных оснований (другим основанием служит система «Я»), по которым структурируется этническое Я. С другой стороны, рост выраженности субмотива робости и снижения выраженности субмотивов общительности и близости может свидетельствовать о тенденции замыкания человека на себе. Не исключено, что этническая среда оказывается избыточно жесткой в сопоставлении с притязаниями системы «Я» в этническом Я. Но также возможно, что система «Я» в этническом Я проявляет не совсем адекватные ожидания и завышенные притязания к своему этносу.

Тот факт, что субмодальности в этническом Я могут способствовать росту этноaffiliативного мотива слияния можно объяснить принципом двойственности качественной определенности (Дорфман, 1993, 1997, 2002а, 2004б). Следуя этому принципу, можно предположить, что субмодальности этниче-

ского Я производят эффекты на этнический аффилиативный мотив слияния, но один и тот же результат может достигаться различным образом, и эффекты разных субмодальностей дополняют друг друга. В литературе имеются данные об аналогичных эффектах в отношении, в частности, креативности. Так, Дорфман и Гасимова (2004), Дорфман и Ляхова (2004) обнаружили, что креативность мышления может находиться под воздействием не одной, а трех областей метаиндивидуального мира – обладания, авторства, зависимости. С другой стороны, эффекты этнического Я на рост этноаффилиативного мотива слияния, а не обособления, может свидетельствовать о том, что тенденции слияния с этносом и слияния в этническом Я преобладают над противоположной тенденцией (см., напр.: Щебетенко, 2004).

Эффекты кросскультурного фактора на полимодальное Я и аффилиативные мотивы

Гипотеза о том, что Я–Авторское и Я–Воплощенное в полимодальном Я выражены в большей степени у русских, чем у удмуртских студенток, а Я–Вторящее, наоборот, выражено в большей степени у удмуртских, чем у русских студенток, нашла эмпирическую поддержку. Были обнаружены сходные эффекты кросскультурного фактора (удмуртки–русские) на три субмодальности полимодального Я: Авторское, Воплощенное, Превращенное. Выраженность этих субмодальностей была выше у русских студенток, чем у удмуртских студенток. В то же время был обнаружен противоположный эффект кросскультурного фактора на Я–Вторящее в полимодальном Я: выраженность Я–Вторящего была выше у удмуртских студенток, чем у русских студенток.

Гипотеза о том, что аффилиативные мотивы (межличностные и этнические) выражены в большей степени у удмуртских студенток, чем у русских студенток, нашла частичную эмпирическую поддержку в части межличностного аффилиативного мотива страха отвержения. Были обнаружены эффекты

кросскультурного фактора на субмотивы социальной робости и боязни оценки (составляющие мотива страха отвержения). Социальная робость и боязнь оценки были выше у удмуртских студенток, чем у русских студенток. Эффект кросскультурного фактора на субмотив социальной близости (составляющая мотива стремления к принятию) был противоположным. Субмотив социальной близости был выражен в большей степени у русских студенток, чем у удмуртских студенток.

Эффекты кросскультурного фактора на полимодальное Я

Данные об эффектах кросскультурного фактора на субмодальности полимодального Я позволяют дать сравнительную характеристику удмуртских и русских студенток в терминах личности на основании эмпирических данных, полученных при исследовании полимодального Я (см.: Дорфман, 2002а).

Предположительно, удмуртским студенткам в большей степени, чем русским студенткам, могут быть присущи интровертированность, повышенный нейротизм, пониженные самоуважение и самопринятие, неуверенность – покорность, страх отвержения, конформность, внешний локус контроля, зависимый (дружелюбный, сотрудничающий) тип межличностных отношений, замедленное установление глубоких контактов с людьми, дискретное восприятие жизни, снижение принятия ценностей самоактуализации и пониженная гибкость поведения в их реализации, рост расхождений между актуальным и идеальным Я.

В свою очередь, русским студенткам в большей степени, чем удмуртским студенткам, могут быть присущи экстравертированность, пониженный нейротизм, повышенная сила Я, пониженные тревожность и чувство вины, доминантность, самоуважение, самопринятие и принятие собственной агрессии, целостное видение жизни, независимость в поступках, принятие ценностей самоактуализации, интернальность, пониженный страх отвержения, конкретность мышления.

Полученные данные о различиях между удмуртскими и русскими студентами по критерию экстравертированности–интровертированности согласуются с описанием типичных личностных черт удмуртов и русских (см.: § 1.5.4).

Эффекты кросскультурного фактора на affiliативные мотивы

Большую выраженность страха отвержения у удмуртских студенток, чем у русских студенток, и большую выраженность стремления к принятию у русских студенток, чем у удмуртских студенток, можно интерпретировать как разные ожидания последствий affiliативного поведения. Русские студентки, являясь более экстравертированными, ориентированы на принятие; удмуртские студентки, являясь более интровертированными, ориентированы на отвержение. Другими словами, можно предположить, что разная выраженность межличностных affiliативных мотивов у удмурток и русских проецируется на поведение других людей.

Кроме того, учитывая полученные данные о связи этнического Я и affiliативных мотивов, с одной стороны, и кросскультурные различия между удмуртками и русскими по affiliативным мотивам, с другой стороны, можно предположить, что разница в проявлении affiliативных мотивов опосредуется особенностями этнического Я. Нельзя исключать и обратное предположение: affiliативные мотивы могут опосредовать кросскультурные различия по этническому Я.

Взаимодействия кросскультурного фактора и этнического Я по переменным полимодального Я и affiliативных мотивов

Гипотеза о том, что этническое Я и кросскультурный фактор взаимодействуют по субмодальностям полимодального Я, получила эмпирическую поддержку. Было обнаружено взаимодействие кросскультурного фактора с Я–Авторским в этническом Я по Я–Вторящему в полимодальном Я. У удмуртских студенток Я–Вторящее в полимодальном Я было максимально выраже-

но при среднем и минимально – при низком уровне Я–Авторского в этническом Я. У русских студенток Я–Вторящее в полимодальном Я было максимально выражено при высоком и минимально – при низком уровне Я–Авторского в этническом Я.

Было обнаружено взаимодействие кросскультурного фактора и Я–Воплощенного в этническом Я по Я–Авторскому в полимодальном Я, а также кросскультурного фактора и Я–Вторящего в этническом Я по Я–Авторскому и Я–Воплощенному в полимодальном Я. У удмуртских студенток выраженность Я–Авторского и Я–Воплощенного в полимодальном Я была максимальной при высоких уровнях Я–Воплощенного и Я–Вторящего в этническом Я. У русских студенток разница показателей Я–Авторского и Я–Воплощенного в полимодальном Я в зависимости от выраженности Я–Воплощенного и Я–Вторящего была незначимой.

Гипотеза о том, что этническое Я и кросскультурный фактор взаимодействуют по аффилиативным мотивам также нашла эмпирическую поддержку. Были обнаружены взаимодействия кросскультурного фактора с Я–Авторским в этническом Я по субмотивам социальной робости и боязни оценки (составляющим межличностного аффилиативного мотива страха отвержения). У удмуртских студенток субмотивы социальной робости и боязни оценки были максимально выражены при высоком уровне Я–Авторского в этническом Я. У русских студенток разница показателей этих субмотивов в зависимости от уровней Я–Авторского в этническом Я была незначимой.

*Взаимодействия кросскультурного фактора с этническим Я
по переменным полимодального Я*

Полученные данные о взаимодействиях кросскультурного фактора с Я–Авторским в этническом Я по Я–Вторящему в полимодальном Я могут свидетельствовать о том, что сознательный выбор в пользу своего этноса у удмурток и русских предполагает некоторое проявление зависимости, вынуж-

денности. Однако при высокой выраженности сознательного выбора в пользу своего этноса у удмурток показатель зависимости снижается, а у русских – нет. Предположительно, это можно объяснить тем, что у русских студенток русские являются практически единственной этноконтактной группой, а удмуртские студентки помимо взаимодействий с удмуртским этносом включены и во взаимодействия с русским этносом, владеют как удмуртским, так и русским языками. Таким образом, у русских выбор в пользу «своего» этноса был как бы предопределен заранее и не оставлял возможности для проявления самостоятельности, в то время как у удмуртских участниц такой выбор являлся альтернативным и способствовал проявлению личной независимости.

Аналогичное объяснение можно отнести и к результатам взаимодействий кросскультурного фактора и Я–Воплощенного в этническом Я по Я–Авторскому в полимодальном Я, а также кросскультурного фактора и Я–Вторящего в этническом Я по Я–Авторскому и Я–Воплощенному в полимодальном Я.

Таким образом, у русских участниц выбор в пользу «своего» этноса как бы предопределен заранее и не оставляет возможности для проявления самостоятельности, в то время как у удмуртских участниц такой выбор является двойственным и может быть вызван личной независимостью.

*Взаимодействия кросскультурного фактора с этническим Я
по переменным аффилиативных мотивов*

Данные о взаимодействиях кросскультурного фактора с Я–Авторским в этническом Я по субмотивам социальной робости и боязни оценки (составляющим межличностного аффилиативного мотива страха отвержения) могут свидетельствовать о том, что выбор одной (удмуртской) этноконтактной группы в качестве «своей» при отвержении другой (русской) этноконтактной группы влечет у удмурток формирование устойчивых ожиданий негативных последствий аффилиативного поведения. Возможно, это связано с тем, что,

по их представлениям, они не могут быть приняты как «свои» в русской ино-этнической среде, а значит могут быть отвергнуты при попытке присоединиться к ней.

Этно-кросскультурная интегративная модель

Данная модель описывает фактор «Этническое Я» и кросскультурный фактор, полимодальное Я и аффилиативные мотивы не как разрозненные, а как образующие единую систему. Поэтому данная модель является, во-первых, этно-кросскультурной, во-вторых, интегративной. Как объяснить этно-кросскультурную интегративную модель? Для ответа на этот вопрос проследим возможные пути интеграции этнического Я и кросскультурного фактора.

В пользу интеграции этнического Я и кросскультурного фактора свидетельствуют, во-первых, их корреляции между собой. Это значит, что эти факторы играют самостоятельную роль, но в то же время являются взаимосвязанными.

Во-вторых, об интегративных тенденциях можно судить по эндогенным переменным. Дело в том, что фактор «Этническое Я» и кросскультурный фактор совместно приводили к изменениям одних и тех же зависимых переменных. Так, эти факторы совместно (но независимо друг от друга) приводили к изменениям Я–Превращенного в полимодальном Я и социальной робости как межличностного аффилиативного субмотива.

В-третьих, можно полагать, что фактор «Этническое Я» и кросскультурный фактор могут действовать друг через друга на эндогенные переменные. Согласно полученным данным, этническое Я приводило к изменениям Я–Превращенного в полимодальном Я двояким образом: прямо и опосредованно. *Прямые* изменения выражались в том, что параметр каузально-подобного пути имел отрицательный знак, а сам путь проходил от этнического Я к Я–Превращенному в полимодальном Я. *Опосредованные* изменения выражались в том, что фактор «Этническое Я» отрицательно коррелировал с кросскуль-

турным фактором. Но параметр каузально-подобного пути от кросскультурного фактора к Я–Превращенному в полимодальном Я имел положительный знак. Следовательно, можно полагать, что кросскультурный фактор может опосредовать изменения Я–Превращенного в полимодальном Я, вызванные фактором «Этническое Я».

Опираясь на те же данные, можно полагать, что этническое Я может прямо и опосредованно приводить к изменениям субмотива социальной робости. *Прямые* изменения выражались в том, что параметр каузально-подобного пути имел положительный знак, а сам путь проходил от этнического Я к субмотиву социальной робости. *Опосредованные* изменения выражались в том, что фактор «Этническое Я» отрицательно коррелировал с кросскультурным фактором. Параметр каузально-подобного пути от кросскультурного фактора к субмотиву социальной робости имел отрицательный знак. Следовательно, можно полагать, что кросскультурный фактор может опосредовать изменения субмотива социальной робости, вызванные фактором «Этническое Я».

Подобным же образом кросскультурный фактор может приводить к изменениям Я–Превращенного в полимодальном Я и субмотива социальной робости прямо и опосредованно – через фактор «Этническое Я».

В-четвертых, можно полагать, что фактор «Этническое Я» и кросскультурный фактор могут действовать друг через друга на зависимые переменные через механизм взаимодействий. Об этом пути интеграции этнического Я и кросскультурного фактора могут свидетельствовать результаты дисперсионного анализа. Результаты взаимодействий этих факторов в терминах дисперсионного анализа означают, что один из факторов можно рассматривать как опосредующее звено между другим фактором и зависимыми переменными.

Напомним, что этническое Я и кросскультурный фактор взаимодействовали по субмодальности Я–Вторящее в полимодальном Я, но не взаимодействовали по субмодальности Я–Превращенное в полимодальном Я. Следовательно, кросскультурный фактор можно рассматривать как опосредующее

звено между фактором «Этническое Я» и Я–Вторящим в полимодальном Я. И наоборот, фактор «Этническое Я» можно рассматривать как опосредующее звено между кросскультурным фактором и Я–Вторящим в полимодальном Я.

Этническое Я и кросскультурный фактор взаимодействовали также по субмотивам социальной робости и боязни оценки, но не взаимодействовали по субмотиву социальной близости. Следовательно, кросскультурный фактор можно рассматривать как опосредующее звено между фактором «Этническое Я» и субмотивами социальной робости и боязни оценки. И наоборот, фактор «Этническое Я» можно рассматривать как опосредующее звено между кросскультурным фактором и субмотивами социальной робости и боязни оценки.

Обобщая, можно полагать, что центральным механизмом интеграции фактора «Этническое Я» и кросскультурного фактора является опосредование. Судя по всему, опосредование может носить двоякий характер. Во-первых, оно может касаться характера *взаимосвязей* фактора «Этническое Я» и кросскультурного фактора, во-вторых – характера их *взаимодействий*. При этом в орбиту путей опосредования могут вовлекаться разные эндогенные переменные. Так, изменения Я–Превращенного в полимодальном Я и субмотива социальной робости, вызванные фактором «Этническое Я», могут быть опосредованы кросскультурным фактором, а те же изменения, вызванные кросскультурным фактором, – опосредованы фактором «Этническое Я» (опосредованные *взаимосвязи* фактора «Этническое Я» и кросскультурного фактора). Изменения Я–Вторящего в полимодальном Я и субмотивов социальной близости и боязни оценки могут быть опосредованы *взаимодействиями* фактора «Этническое Я» и кросскультурного фактора.

ВЫВОДЫ

Полученные результаты позволили сформулировать следующие основные выводы.

1. Разработан конструкт этнического Я. В нем выделяются 4 субмодальности Я: Авторское, Воплощенное, Превращенное, Вторящее. В разных сочетаниях в парах субмодальности Я образуют 2 системы, 2 модальности, 2 диспозиции.

2. Этническое Я структурируется по кругу. Его оси образуют субмодальности Я–Превращенное и Я–Вторящее (система «Этнос») и субмодальности Я–Авторское и Я–Воплощенное (система «Я»). Субмодальности этнического Я образуют круг в следующей последовательности: Я–Авторское – Я–Превращенное – Я–Воплощенное – Я–Вторящее.

3. Этническое Я может приводить к изменениям полимодального Я и аффилиативных мотивов. Субмодальности Я–Авторское и Я–Превращенное в этническом Я могут служить факторами изменений в полимодальном Я. Субмодальности Я–Авторское и Я–Воплощенное в этническом Я могут служить факторами изменений в аффилиативных межличностных мотивах – росту страха отвержения и снижению стремления к принятию. Этническое Я может служить также фактором, способствующим росту этноаффилиативного мотива слияния с этносом.

4. Кросскультурный фактор (удмуртские и русские студентки) может приводить к различиям по полимодальному Я и аффилиативным межличностным мотивам. Я–Вторящее в полимодальном Я и страх отвержения как аффилиативный межличностный мотив выражены в большей степени у удмурток, чем у русских. Я–Авторское, Я–Воплощенное и Я–Превращенное в полимодальном Я, а также стремление к принятию как аффилиативный межличностный мотив, напротив, выражены в большей степени у русских, чем у удмурток.

5. Этническое Я и кросскультурный фактор могут взаимодействовать по полимодальному Я и аффилиативным межличностным субмотивам социальной робости и боязни оценки.

6. На основании эмпирических данных построена этно-кросскультурная интегративная модель Я–концепции. Этно-кросскультурная интеграция в этой модели обеспечивается благодаря связям и взаимодействиям фактора «Этническое Я» и кросскультурного фактора, приводящим (прямо и опосредованно) к изменениям полимодального Я и аффилиативных мотивов.

ЛИТЕРАТУРА

Агеева Р. А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. – М.: Академия, 2000. – С. 263–271, 332–337.

Адамопулос Д., Лоннер У. Д. Культура и психология на распутье: историческая перспектива и теоретический анализ // Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. – СПб.: Питер, 2003. – 718 с.

Айварова Н. Г. Этнопсихологические особенности самоотношения подростков в условиях семейного воспитания (на примере марийского этноса): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Казань, 2001. – 22 с.

Александренков Э. Г. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность» // Этнографическое обозрение, 1996. – № 3. – С. 13–22.

Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. Переселение народов и формирование новых этнических общностей // Советская этнография, 1968. – № 2. – С. 35–45.

Андреев А. Очерки русской этнопсихологии. – СПб.: Тропа Троянова, 2000. – 249 с.

Арутюнян Ю. В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание // Социологические исследования, 1990. – № 7. – С. 42–49.

Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 271 с.

Бердяев Н. А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности. – М.: Мысль, 1990. – 205 с.

Бернс Р. Развитие Я–концепции и воспитание. – М.: Прогресс, 1986. – 423 с.

Бороздина Л. В. Теоретико-экспериментальное исследование самооценки (Место в структуре самосознания, возрастная динамика, соотношение с уровнем притязаний, влияние на продуктивность деятельности): Дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1999. – 413 л.

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. – М.: Наука, 1973. – 272 с.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 412 с.

Будалина Е. Е., Хотинец В. Ю. К вопросу об эффекте влияния длительного нахождения в новой культуре на полимодальное Я // Вестник Пермского государственного педагогического университета. Серия 1. Психология, 2004. – № 1–2. – С. 82–89.

Владыкин В. Е. Здравствуйте! Мы – удмурты: Историко-этнографический очерк. – Ижевск: Б.И., 1998. – 64 с.

Владыкин В. Е., Христоробова Л. С. История этнографии удмуртов: Краткий историографический очерк. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 142 с.

Выготский Л. С. Мышление и речь: Психологические исследования. – М.: Лабиринт, 1996. – 414 с.

Высочинил А. А. Кросс-культурное исследование взаимосвязи этнической идентичности и этнической толерантности в северо-западной части Башкирии // Психологические исследования этнической толерантности / Под ред. Е. И. Маркиной. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2003. – С. 88–148.

Вяткин Б. А. Лекции по психологии интегральной индивидуальности человека. – М.: Изд-во Пермского государственного педагогического университета, 2000. – 177 с.

Вяткин Б. А., Хотинец В. Ю. Этническое самосознание как фактор развития индивидуальности // Психологический журнал, 1996. – Т. 17, № 5. – С. 69–75.

Гаджиев А. Х. Проблемы марксистской этнической психологии. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1982. – С. 114–115.

Гаюрова Ю. А. Исследование факторов толерантного взаимодействия в полиэтническом регионе (на примере русских, татар и чувашей г. Самары и Самарской области) // Психологические исследования этнической толерантности / Под ред. Е. И. Маркиной. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2003. – С. 31–87.

Гегель Г. В. Ф. Сочинения. В 14 т. – Т. 3. – М.: Госполитиздат, Соцэкгиз, 1956. – 371 с.

Гумилев Л. Н. Сочинения. Этногенез и биосфера Земли / Сост. Н. В. Гумилева. – М.: «Танаис»; ДИ-ДИК, 1994. – 637 с.

Данзанова Э. Ц. Содержание актуального этнопсихологического статуса личности (на материале бурятского этноса): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1997. – 24 с.

Декарт Р. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1950. – 712 с.

Джемс У. Психология. – М.: Педагогика, 1991. – 367 с.

Дорфман Л. Я. Метаиндивидуальный мир: методологические и теоретические проблемы. – М.: Смысл, 1993. – 456 с.

Дорфман Л. Я. Эмоции в искусстве: Теоретические подходы и эмпирические исследования. – М.: Смысл, 1997. – 424 с.

Дорфман Л. Я. Экзистенциальное Я: теоретико-эмпирическая модель для решения экзистенциальных проблем // Психологическое обозрение, 1998. – № 2. – С. 2–14.

Дорфман Л. Я. Провинциальная ментальность: проект теоретико-эмпирического исследования // Провинция: процесс международной интеграции в XXI веке: Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. В. С. Сизов. – Киров: ВСЭИ, 2001. – С. 13–28.

Дорфман Л. Дивергенция и конструкт Я // Личность, креативность, искусство / Отв. ред. Е. А. Малянов, Н. Н. Захаров, Е. М. Березина, Л. Я. Дорфман, В. М. Петров, К. Мартиндейл. – Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, Прикамский социальный институт, 2002а. – С. 141–184.

Дорфман Л. Современные исследования многоаспектности Я // Личность, креативность, искусство / Отв. ред. Е. А. Малянов, Н. Н. Захаров, Е. М. Березина, Л. Я. Дорфман, В. М. Петров, К. Мартиндейл. – Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, Прикамский социальный институт, 2002б. – С. 122–140.

Дорфман Л. Я. Эмпирическая психология: исторические и философские предпосылки. – М.: Смысл, 2003. – 107 с.

Дорфман Л. Я. Полимодальное Я: эмпирическая верификация концептуальной модели // Интегральная индивидуальность, Я–концепция, личность / Под ред. Л. Я. Дорфмана. – М.: Смысл, 2004а. (В печати).

Дорфман Л. Я. Я–концепция: дифференциация и интеграция // Интегральная индивидуальность, Я–концепция, личность / Под ред. Л. Я. Дорфмана. – М.: Смысл, 2004б. (В печати).

Дорфман Л. Я., Быков А. Н., Гольдберг И. М. Многомерные модели Я и личности: эмпирические соотношения // Пасхи, 2000. – № 1. – С. 110–123.

Дорфман Л. Я., Гасимова В. А. Метаиндивидуальный мир и креативное мышление: интеллект как медиатор // Метаиндивидуальный мир и полимодальное Я: креативность, искусство, этнос / Отв. ред. Л. Я. Дорфман, Е. М. Березина. – Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, 2004. – С. 40–50.

Дорфман Л. Я., Зворыгина А. И., Калинина Н. В. Эффекты полимодального Я на типы межличностных отношений // Творчество в образовании, культуре, искусстве / Ред. колл. Е. А. Малянов, Л. А. Шипицина, Л. Я. Дорфман, С. И. Корниенко, К. Мартиндейл. – Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, 2000. – С. 146–149.

Дорфман Л. Я., Ковалева Г. В. Многомерная модель Я и многофакторная модель личности // Творчество в образовании, культуре, искусстве / Ред. колл. Е. А. Малянов, Л. А. Шипицина, Л. Я. Дорфман, С. И. Корниенко, К. Мартиндейл. – Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, 2000. – С. 141–143.

Дорфман Л. Я., Ляхова Н. А. Области метаиндивидуального мира и креативное мышление // Метаиндивидуальный мир и полимодальное Я: креатив-

ность, искусство, этнос / Под ред. Л. Я. Дорфмана, Е. А. Малянова, Е. М. Березиной. – Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, 2004. – С. 9–18.

Дорфман Л. Я., Огородникова А. В. Области метаиндивидуального мира и креативная личность // Метаиндивидуальный мир и полимодальное Я: креативность, искусство, этнос / Под ред. Л. Я. Дорфмана, Е. А. Малянова, Е. М. Березиной. – Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, 2004. – С. 19–29.

Дорфман Л. Я., Рябикова М. В., Гольдберг И. М., Быков А. Н., Ведров А. А. Новая версия Пермского вопросника Я // Творчество в образовании, культуре, искусстве / Ред. колл. Е. А. Малянов, Л. А. Шипицина, Л. Я. Дорфман, С. И. Корниенко, К. Мартиндейл. – Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, 2000. – С. 179–183.

Дорфман Л. Я., Соболева Н. В. Полимодальность Я и грани самоактуализации // Практическая психология '2000 / Отв. ред. С. А. Минюрова. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2000. – Т. 3. – С. 22–27.

Дорфман Л. Я., Феногентова О. П. Эффекты полимодального Я и пола на мотивы аффилиации // XV Мерлинские чтения / Науч. ред. Б. А. Вяткин, М. Р. Щукин. – Пермь, 2000. – С. 70–72.

Дорфман Л. Я., Феногентова О. П., Дзюба А. В. Полимодальное Я и локус контроля // XV Мерлинские чтения / Науч. ред. Б. А. Вяткин, М. Р. Щукин. – Пермь, 2000. – С. 72–73.

Дробижева Л. М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Советская этнография, 1985. – № 5. – С. 3–16.

Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. – М.: Мысль, 1996. – 382 с.

Дубровский Д. И. Проблема идеального. – М.: Мысль, 1983. – 228 с.

Душанбаева С. С. Взаимосвязь самоопределения личности и ее этнической идентичности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Пермь, 2003. – 22 с.

Журавлев И. В., Тхостов А. Ш. Субъективность как граница: топологическая и генетическая модели // Психологический журнал, 2003. – Т. 24, № 3. – С. 5–12.

Ковалевский П. И. Психология русской нации (Петербург, 1915) // Этнопсихологические сюжеты (Из отечественного наследия) / Под ред. М. В. Иордана, В. М. Семенова. – М.: Институт философии РАН, 1992. – С. 142–171.

Козлов В. И. О понятии этнической общности // Советская этнография, 1967. – № 2. – С. 109–111.

Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография, 1974. – № 2. – С. 79–92.

Козлова М. Развитие национального самосознания у современных русских студентов // Журнал прикладной психологии, 2000. – № 4. – С. 54–59.

Козлова М. Влияние этнического фактора на становление психосоциальной идентичности // Журнал прикладной психологии, 2001. – № 3. – С. 32–36.

Коротеева В. В. Этнические символы и символическая природа этничности: концепции Дж. Армстронга, Э. Смита и Э. Хобсбаума // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества / Под ред. А. В. Тишкова. – М.: ИЭА РАН, 1994. – С. 37–55.

Коул М. Культурно–историческая психология: наука будущего. М.: Когито–Центр, 1997. – 432 с.

Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы, 1976. – Вып. 6. – С. 42–63.

Кузьмин В. П. Исторические предпосылки и гносеологические основания системного подхода // Психологический журнал, 1982. – Т. 3, № 3. – С. 3–14.

Кузьмин В. П. Исторические предпосылки и гносеологические основания системного подхода: (Окончание) // Психологический журнал, 1982. – Т. 3, № 4. – С. 3–13.

Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросскультурную психологию: Учебное пособие. – М.: Ключ-С, 1999. – 224 с.

Лебедева Н. М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психологический журнал, 2000. – Т. 21, № 3. – С. 73–87.

Левкович В. П., Кузмицкайте Л. Д. Формирование этнического сознания подростка в семье // Психологический журнал, 1992. – Т. 13, № 6. – С. 35–42.

Левкович В. П., Панкова Н. Г. Социально-психологический подход к структуре этнического самосознания // Психологический журнал, 1983. – Т. 4, № 4. – С. 64–75.

Леонтьев Д. А. Очерк психологии личности. – М.: Смысл, 1993. – 43 с.

Ломов Б. Ф. О системном подходе в психологии // Вопросы психологии, 1975. – № 2. – С. 31–45.

Лурия А. Р. Этапы пройденного пути: Научная автобиография. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 47–69.

Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1945. – С. 396.

Мавродин В. В. К вопросу о складывании великорусской народности и русской нации // Советская этнография, 1947. – № 4. – С. 85–86.

Магомед-Эминов М. Ш. Тест-опросник для измерения мотивации аффиля-

ции. Модификация теста-опросника А. Мехрабиана // Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы / Ред. колл. А. А. Бодалев, И. М. Карлинская, С. Р. Пантилеев, В. В. Столин. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – С. 94–98.

Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики – СПб.: Евразия, 1997. – 430 с.

Медведев В. М. Самосознание личности. – Самара: Самарская академия культуры и искусств, 2001. – 258 с.

Мерлин В. С. Проблемы экспериментальной психологии // Проблемы экспериментальной психологии личности / Под ред. В. С. Мерлина. – Пермь, 1970. – С. 7–212.

Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. – М.: Педагогика, 1986. – 254 с.

Мерлин В. С. Структура личности: характер, способности, самосознание: Учебное пособие к спецкурсу «Основы психологии личности» / Науч. ред. Б. А. Вяткин. – Пермь: Пермский государственный педагогический институт, 1990. – 110 с.

Мухина В. С. Современное самосознание народностей севера // Психологический журнал, 1988. – Т. 9, № 4. – С. 44–53.

Налчаджян А. А. Социально-психическая адаптация личности: (Формы, механизмы и стратегии). – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988. – 262 с.

Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В. А. Тишков. – М.: Большая российская энциклопедия, 1994. – 479 с.

Никольский В. Н. О русском национальном самосознании (Очерк. Санкт-Петербург, 1907) // Этнопсихологические сюжеты (Из отечественного наследия) / Под ред. М. В. Иордана, В. М. Семенова. – М.: Институт философии РАН, 1992. – С. 97–117.

Овсяннико-Куликовский Д. Н. Психология национальности // Этнопсихологические сюжеты (Из отечественного наследия) / Под ред. М. В. Иордана, В. М. Семенова. – М.: Институт философии РАН, 1992. – С. 172–195.

Павленко В. Н., Кряж И. В., Барретт М. Этнические и национальные идентификации и представления у украинских детей и подростков // Психологический журнал, 2002. – Т. 23, № 5. – С. 60–72.

Пантилеев С. Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная категория. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 108 с.

Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2000. – 879 с.

Петровский А. В. Очерк теории свободной причинности // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. – М.: Смысл, 1997. – С. 124–144.

Пибоди Д., Шмелев А. Г., Андреева М. К., Граменицкий А. Е. Психосемантический анализ стереотипов русского характера: Кросскультурный аспект // Вопросы психологии, 1993. – № 3. – С. 101–109.

Пименов В. В., Христюкова Л. С. Удмурты. Этносоциологические очерки. – Ижевск: Удмуртия, 1976. – 78 с.

Пименов В. В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. – Л.: Наука, 1977. – 262 с.

Платон. Апология Сократа, Критон, Ион, Протагор / Общ. ред. А. Ф. Loseva. – М.: Мысль, 1999. – 864 с.

Пономарев Я. А. Методологическое введение в психологию. – М.: Наука, 1983. – 205 с.

Психология. Словарь / Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.

Ратанова Т. А., Шогенов А. А. Психологические особенности этнического самосознания горских евреев и осетин (на материале диаспор Кабардино-Балкарии) // Психологический журнал, 2001. – Т. 22, № 3. – С. 37–48.

Русские / Под ред. В. А. Александрова, И. В. Власова, Н. С. Полищука. – М.: Наука, 1997. – 829 с.

Рябикова М. В. Пермский вопросник этнического Я: надежность и валидность // 85 лет высшему профессиональному образованию на Урале / Отв. ред. Е. М. Березина. – Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, 2002. – С. 112–117.

Сабельникова Н. В. Развитие структурно-функциональных компонентов самооценки в переходный период от старшего дошкольного к младшему школьному возрасту: Дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2000. – 245 л.

Сарджвеладзе Н. И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. – Тбилиси: Мецниереба, 1989. – 204 с.

Сикевич З. В. Национальное самосознание русских. – М.: Механик, 1996. – 204 с.

Снежкова И. А. К проблеме изучения этнического самосознания у детей и юношества (по материалам Киевской и Закарпатской областей) // Советская этнография, 1982. – № 1. – С. 80–88.

Солдатова Г. У. Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания // Познание и общение / Отв. редактор Б. Ф. Ломов. – М.: Наука, 1988. – С. 111–125.

Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.

Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. – М.: Политиздат, 1972. – 303 с.

Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. – М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с.

Столин В. В. Самосознание личности. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 286 с.

Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. – М.: Информационно-издательское агентство «Русский Мир», 1997. – 531 с.

Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии, 1964. – № 11. – С. 41–53.

Тхостов А. Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1994. – № 2. – С. 3–13.

Тхостов А. Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования): (Окончание) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1994. – № 3. – С. 3–12.

Тюхтин В. С. Отражение, системы, кибернетика. – М.: Наука, 1972. – 256 с.

Тюхтин В. С. Актуальные вопросы разработки общей теории систем // Система. Симметрия. Гармония / Под ред. В. С. Тюхтина, Ю. А. Урманцева. – М.: Мысль, 1988. – С. 10–38.

Уваров А. Г. Русское национальное самосознание: современный взгляд. – М.: ИТРК, 2000. – 200 с.

Украинцев Б. С. Самоуправляемые системы и причинность. – М.: Мысль, 1972. – 254 с.

Урманцев Ю. А. Общая теория систем: состояние, приложения и перспективы развития // Система. Симметрия. Гармония / Под ред. В. С. Тюхтина, Ю. А. Урманцева. – М.: Мысль, 1988. – С. 38–130.

Фихте И. Г. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2000. – 873 с.

Хотинец В. Ю. Роль этнического самосознания в развитии интегральной индивидуальности // Вестник Пермского государственного педагогического университета. Серия 1. Психология. – 1995. – № 1. – С. 32–44.

Хотинец В. Ю. Этническое самосознание и его роль в развитии индивидуальности человека: Учебное пособие. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 1996. – 74 с.

Хотинец В. Ю. Исследование различных форм выражения этнического самосознания у студентов-удмуртов // Психологический журнал, 1997. – Т. 18, № 4. – С. 36–42.

Хотинец В. Ю. Формирование этнического самосознания студентов в процессе обучения в вузе // Вопросы психологии, 1998. – № 3. – С. 31–43.

Хотинец В. Ю. Зависимость развития интегральной индивидуальности от особенностей этнического самосознания // Психологический журнал, 1999. – Т. 20, № 1. – С. 114–119.

Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. – СПб.: Алетейя, 2000а. – 240 с.

Хотинец В. Ю. Этничность в интегральном исследовании индивидуальности человека (Методология, теория, эмпирика и педагогическая практика. На материале исследования коренных народов Западного Урала): Дис. ... д-ра психол. наук. – Пермь, 2000б. – 412 л.

Хотинец В. Ю. Психологические характеристики этнокультурного развития человека // Вопросы психологии, 2001. – № 5. – С. 60–73.

Хотинец В. Ю. Природа этнотипичных стилевых характеристик поведения человека // Современная психология: состояние и перспективы: Тезисы докладов на юбилейной научной конференции ИПРАН / Отв. ред. А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлев. – М.: Изд-во ИПРАН., 2002. – С. 260–262.

Хотинец В. Ю. Индивидуально-психологический фактор становления этнической толерантности // Психологические исследования этнической толерантности / Под ред. Е. И. Маркиной. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2003. – С. 200–224.

Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. – М.: АН СССР, Институт психологии, 1977 – 144 с.

Шибутани Т. Социальная психология. – М.: Прогресс, 1969. – 535 с.

Шильштейн Е. С. Уровневая организация системы «Я» // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 1999. – № 2. – С. 34–45.

Шкляев Г. К. Некоторые черты этнической психологии удмуртов // Удмурты. Историко-этнографические очерки / Под ред. В. В. Пименова. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1993. – С. 370–383.

Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. – СПб.: П. Э. Т.; Алетейя, 1996. – 154 с.

Щебетенко С. А. Я–концепция, эмпатия читательниц и близость сказочных персонажей // Интегральная индивидуальность, Я–концепция, личность / Под ред. Л. Я. Дорфмана. – М.: Смысл, 2004. – С. 248–278.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.

Эткинд А. М. От свойств к взаимодействиям: Становление системной ори-

ентации в психологии личности // Системные исследования: Методологические проблемы: Ежегодник, 1982. – М.: Наука, 1982. – С. 284–300.

Эткинд А. М. Описание субъективной реальности как задача исследования индивидуальности // Психологические проблемы индивидуальности / Ред. кол.: Б. Ф. Ломов и др. – М.: Общество психологов; Л.: ЛГУ, 1984. – Вып. 2. – С. 44–50.

Эшби У. Р. Общая теория систем как новая научная дисциплина // Исследования по общей теории систем / Ред. В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин. – М.: Прогресс, 1969. – С. 125–142.

Юм Д. Сочинения. В 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1965. – 847 с.

Allport, G. W. (1961). *Pattern and growth in personality*. New York: Holt, Rinehart and Winston.

Banaji, M. R., & Prentice, D. A. (1994). The self in social contexts. *Annual Review of Psychology*, 45, 297–332.

Bargh, J. A., & Chartrand, T. L. (1999). The unbearable automaticity of being. *American Psychologist*, 54, 462–479.

Barth, F. (1994). Enduring and emerging issues in the analysis of ethnicity. In H. Vermeulen and C. Govers (Eds.), *The anthropology of ethnicity. Beyond «Ethnic groups and boundaries»*. Amsterdam: Het Spinhuis.

Baumeister, R. F. (1998). The self. In D. Gilbert, S. Fiske, and G. Lindzey (Eds.), *The handbook of social psychology* (pp. 680–740). New York: Oxford University Press.

Baumeister, R. F., & Tice, D. M. (1985). Self-esteem and responses to success and failure: Subsequent performance and intrinsic motivation. *Journal of Personality*, 53, 450–467.

Bentler, P. M. (1990). *Comparative fit indexes in structural models*. *Psychological Bulletin*, 107, 238–246.

Berry, J. W., Poortinga, Y. H., Segall, M., & Dasen, P. R. (1992). *Cross-cultural psychology: Research and Applications*. New York: Cambridge University Press.

Bond, M. H., & Cheung, T.-S. (1983). College students' spontaneous self concept: The effect of culture among respondents in Hong Kong, Japan, and the United States. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 14, 153–171.

Carver, C. S., & Scheier, M. F. (1981). *Attention and self-regulation: A control-theory approach to human behavior*. New York: Springer-Verlag.

Cousins, S. D. (1989). Culture and self-perception in Japan and the United States. *Journal of Personality and Social Psychology*, 56, 124–131.

Craik, F. I. M., & Lockhart, R. S. (1972). Levels of processing: A framework for memory research. *Journal of Verbal Learning and Behavior*, 11, 671–684.

De Vos, G. L., & Romanucci-Ross, L. (1982) *Ethnic identity*. Chicago: University of Chicago Press.

Dorfman, L., Vartanian, O. A., Martindale, C., Goldberg, I., Bykov, A., & Vedrov, A. (2000). The plural self and the interpersonal circumplex. In E. Malyanov, L. Shipitsina, L. Dorfman, S. Kornienko, and C. Martindale (Eds.), *Creativity in education, culture, and art* (pp. 149–151). Perm: Perm State Institute of Art and Culture.

Duval, S., & Wicklund, R. A. (1972). *A theory of objective self-awareness*. New York: Academic Press.

Einstein, A., & Infeld, L. (1938/1966). *The evolution of physics: From early concepts to relativity and quanta*. New York: Simon & Schuster.

Epstein, S. (1973). The self-concept revisited or a theory of a theory. *American Psychologist*, 28, 405–416.

Fijneman, Y. A., Willemsen, M. E., & Poortinga, Y. H. (1996). Individualism-collectivism: An empirical study of a conceptual issue. *Journal of Cross—Cultural Psychology*, 27, 381–402.

Geertz, C. (1984). «From the native's point of view»: On the nature of anthropological understanding. In R. A. Shweder and R. A. LeVine (Eds.), *Culture theory* (pp. 123–136). Cambridge: Cambridge University Press.

Gergen, K. J. (1971). *The concept of self*. New York: Holt, Rinehart & Winston.

Gergen, K. J. (1991). *The saturated self: Dilemmas of identity in contemporary life*. BasicBooks.

Gergen, K. J. (1995). Singular, socialized, and relational selves. In I. Lubek, R. van Hezewijk, G. Pheterson, and Ch. Tolman (Eds.), *Trends and issues in theoretical psychology* (pp. 25–32). New York: Springer.

Goguen, J. A., & Varela, F. J. (1979). Systems and distinctions: Duality and complementarity. *International Journal of General Systems*, 5, 1, 31–43.

Gorer, G., Rickman, J. (1946) *The people of great Russia*. New York: W. W. Norton.

Hamachek, D. E. (1971). *Encounters with the self*. New York: Holt, Rinehart. & Winston.

Heine, S. J., & Lehman, D. R. (1995) Cultural variation in unrealistic optimism: Does the West feel more invulnerable than the East? *Journal of Personality and Social Psychology*, 68, 595–607.

Heine, S. J., & Lehman, D. R. (1999). Culture, self-discrepancies, and self-satisfaction. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 25, 915–925.

Heine, S. J., Lehman, D. R., Markus, H. R., & Kitayama, S. (1999). Is there a universal need for positive self-regard? *Psychological Review*, 106, 766–794.

Higgins, E. T. (1987). Self-discrepancy: A theory relating self and affect. *Psychological Review*, 94, 319–340.

Higgins, E. T., & Bargh, J. A. (1987). Social cognition and social perception. *Annual Review of Psychology*, 38, 369–425.

Higgins, E. T., Klein, R., & Strauman, T. (1985). Self-concept discrepancy theory: A psychological model for distinguishing among different aspects of depression and anxiety. *Social Cognition*, 1, 51–76.

Hoffman, E. (1988). *The right to be human: A biography of Abraham Maslow*. Los Angeles: Jeremy P. Tarcher.

James, W. (1890/1902). *Principles of Psychology*. (Vol. 1). London: Macmillan.

Kaplan, B. (1961). *Studying personality cross-culturally*. New York: McGraw-Hill.

Kihlstrom, J. F., & Cantor, N. (1984). Mental representations of the self. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 17, pp. 1–47). New York: Academic Press.

Kihlstrom, J. F., Marchese-Foster, L. A., & Klein, S. B. (1997). Situating the self in interpersonal space. In U. Neisser and D. A. Jopling (Eds.), *The conceptual self in context. Culture, experience, self-understanding* (pp. 154–175). Cambridge: Cambridge University Press.

Leary, M. R., & Tangney, J. P. (2003). The self as an organizing construct in the behavioral and social sciences. In M. R. Leary and J. P. Tangney (Eds.), *Handbook of self and identity* (pp. 3–14). New York, London: The Guilford Press.

Leary, T. (1957). *Interpersonal diagnosis of personality*. New York: Ronald Press.

Linville, P. W. (1987). Self-complexity as a cognitive buffer against stress-related depression and illness. *Journal of Personality and Social Psychology*, 52, 663–676.

Lovejoy, A. (1955). *The revolt against dualism: An inquiry concerning the existence of ideas*. La Salle, IL: Open Court.

Magnusson, D. (1999). Holistic interactionism: A perspective for research on personality development. In L. A. Pervin and O. P. John (Eds.), *Handbook of personality: Theory and research* (pp. 219–247). 2nd ed. New York: The Guilford Press.

Magnusson, D. (2001). *The holistic–interactionistic paradigm: Some directions for empirical developmental research*. *European Psychologist*, 6, 3, 153–162.

Markus, H. R., & Kitayama, S. (1991). Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review*, 98, 224–253.

Markus, H., & Wurf, E. (1987). The dynamic self-concept: A social-psychological perspective. *Annual Review of Psychology*, 38, 299–337.

Markus, H. (1977). Self-schemata and processing information about the self. *Journal of Personality and Social Psychology*, 35, 63–78.

Markus, H., & Smith, J. (1981). The influence of self-schemata on the perception of others. In N. Carter and J. Kihlstrom (Eds.), *Personality, cognition, and social interaction* (pp. 233–262). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Marsh, H. W., & Yeung, A. S. (1997). Causal Effects of Academic Self-Concept on Academic Achievement. Structural Equation Models of Longitudinal Data. *Journal of Educational Psychology*, 89, 41–54.

Marsh, H. W. (1990). A multidimensional, hierarchical self-concept: Theoretical and empirical justification. *Educational Psychology Review*, 2, 77–172.

Marsh, H. W., & Shavelson, R. J. (1985). Self-concept: Its multifaceted, hierarchical structure. *Educational Psychologist*, 20, 107–125.

Martindale, C. (1980). Subselves: The internal representation of situational and personal dispositions. In L. Wheeler (Ed.), *Review of Personality and Social Psychology* (Vol. 1, pp. 193–218). Beverly Hills: Sage.

Martinez–Arias, R., Silva, F., Diaz–Hidalgo, M. T., Ortet, G., & Moro, M. (1999). The structure of Wiggins' interpersonal circumplex: Cross-cultural studies. *European Journal of Psychological Assessment*, 15, 3, 196–205.

Maslow, A. H. (1954). *Motivation and behavior*. New-York: Harper & Row.

Matsumoto, D., Takeuchi, S., Andayani, S., Kouznetsova, N., & Krupp, D. (1998). The contribution of individualism versus collectivism to cross-national differences in display rules. *Asian Journal of Social Psychology*, 1, 147–165.

Mehrabian, A. & Ksionzky, S. (1974). *A theory of affiliation*. Lexington, Mass.; London: D. C. Heath.

Mischel, W., & Morf, C. C. (2003). The self as a psycho-social dynamic processing system: A meta-perspective on a century of the self in psychology. In M. R. Leary and J. P. Tangney (Eds.), *Handbook of self and identity* (pp. 15–43). New York, London: The Guilford Press.

Neisser, U. (1997). Concepts and self-concepts. In U. Neisser and D. A. Jopling (Eds.), *The conceptual self in context. Culture, experience, self-understanding* (pp. 3–12). Cambridge: Cambridge University Press.

Olson, E. T. (1999). There is no problem of the self. In S. Gallagher and J. Shear (Eds.), *Models of the self* (pp. 49–61). Thorverton, UK: Imprint Academic.

Parsons, T. (1951). *The social system*. London, UK: Routledge & Kegan Paul.

Pervin, L. A. (2001). A dynamic systems approach to personality. *European Psychologist*, 6, 3, 172–176.

Rhee, E., Uleman, J., & Lee, H. K. (1996). Variations in collectivism and individualism by ingroup and culture: Confirmatory factor analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 71, 1037–1054.

- Rogers, C. R. (1951). *Client-Centered Therapy*. Boston: Houghton Mifflin.
- Rogers, C. R. (1959). A theory of therapy, personality and interpersonal relationships, as developed in the client-centered framework. In S. Koch (Ed.), *Psychology: a study of a science* (Vol. 3, pp. 184–256). New York: McGraw-Hill.
- Rogers, T. B., Kuiper, N. A. & Kirker, W. S. (1977). Self-reference and the encoding of personal information. *Journal of Personality and Social Psychology*, 35, 677–688.
- Rosenberg, M. (1965). *Society and the adolescent self-image*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Shavelson, R. J., Hubner, J. J., & Stanton, G. C. (1976). Self-concept: Validation of construct interpretations. *Review of Educational Research*, 46, 407–441.
- Snyder, M. (1974). Self-monitoring of expressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 30, 526–537.
- Steiger, J. H. (1995). *Structural equation modeling in Statistica (Version 5)* [Computer software]. Tulsa, OK: Statsoft.
- Sullivan, H. S. (1936-1937). *A note on the study of interpersonal relations, for investigations in the social sciences*. *American Journal of Sociology*, 42, 846-861.
- Sullivan, H. S. (1953). *The interpersonal theory of psychiatry*. New York: Norton.
- Swann, W. B. (1985). The self as architect of social reality. In B. Schlenker (Ed.), *The self and social life* (pp. 100–125). New York: McGraw-Hill.
- Tajfel, H. (1982). *Human groups and social categories*. New York: Cambridge University Press.
- Taylor, S. E., & Brown, J. D. (1988). Illusion and well-being: A social psychological perspective on mental health. *Psychological Bulletin*, 103, 193–210.
- Tesser, A. (2002). Constructing a niche for the self: A bio-social, PDP approach to understanding lives. *Self and Identity*, 1, 185–190.
- Tesser, A., Martin, L. L., & Cornell, D. P. (1996). On the substitutability of self-protective mechanisms. In P. M. Gollwitzer and J. A. Bargh (Eds.), *The psychology of action: Linking cognition and motivation to behavior* (pp. 48-68). New York: Guilford Press.
- Trafimov, D., Triandis, H. C., & Goto, S. G. (1991). Some tests of the distinction between the private self and the collective self. *Journal of Personality and Social Psychology*, 60, 649–655.
- Triandis, H. C. (1989). The self and social behavior in differing cultural contexts. *Journal of Personality and Social Psychology*, 54, 323–338.
- Triandis, H. C. (1995). *Individualism and collectivism*. Boulder, CO: Westview.

Triandis, H. C., Leung, K., Villareal, M., & Clack, F. L. (1985). Allocentric versus idiocentric tendencies: Convergent and discriminant validation. *Journal of Research in Personality*, 19, 395–415.

Van den Berghe, P. L. (1981). *The ethnic phenomenon*. New York: Oxford.

Vico, G. (1990). *On the study methods of our time*. Ithaca: Cornell University Press.

Vorobieva, Z. Ye., Dorfman, L. Ya., & Petrov, V. M. (1992). East – West: Convergence and integration of scientific mentalities. In L. Ya. Dorfman, D. A. Leoniev, V. M. Petrov, and V. A. Sozinov (Eds.), *Emotions and art. Problems. Approaches. Explorations* (pp. 7–19). Perm: Perm Institute for Arts and Culture.

Wiggins, J. S. (1985). Symposium: Interpersonal circumplex models: 1948–1983 (Commentary). *Journal of Personality Assessment*, 49, 6, 626–631.

Wiggins, J. S. (1991). Agency and communion as conceptual coordinates for the understanding and measurement of interpersonal behavior. In W. Grove and D. Cicchetti (Eds.), *Thinking clearly about psychology; Essays in honor of Paul E. Meehl* (Vol. 2, pp. 89–113). Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.

Wiggins, J. S. (1995). IAS: Interpersonal adjective scales. Professional manual. PAR (Psychological Assessment Resources).

Wiggins, J. S. (1996). An informal history of the interpersonal circumplex tradition. *Journal of Personality Assessment*, 66, 2, 217–233.

Wiggins, J. S., & Broughton, R. (1985). The interpersonal circle: A structural model for the integration of personality research. In R. Hogan and H. Jones (Eds.), *Perspectives in personality: A research annual* (Vol. 1, pp. 1–47). Greenwich, CT: JAI Press.

Wiggins, J. S., Steiger, J. H., & Gaelick, L. (1981). Evaluating circumplexity in personality data. *Multivariate Behavioral Research*, 16, 263–289.

Wundt, W. (1916). *Elements of folk psychology*. London: Allen & Unwin.

ПЕРМСКИЙ ВОПРОСНИК ЭТНИЧЕСКОГО Я

Инструкция

Укажите, пожалуйста, в бланке ответов Вашу фамилию и имя, год рождения, пол, национальность, факультет, курс, на котором Вы учитесь, и группу. Затем напишите, какое сегодня число, месяц, год.

Вам предлагается серия суждений. «Примеряйте» каждое суждение на себя: насколько Вы сами могли бы ответить так же. Все мы отвечаем различным образом на разные ситуации и, скорее всего, все ответы будут в какой-то степени для Вас возможны. Поэтому каждый Ваш ответ будет лишь в какой-то степени соответствовать Вам.

Пожалуйста, обратитесь к ключу, который приведен ниже.

Обведите кружком цифру – 3	Если Вы <i>совершенно не согласны</i> с тем, что Вы могли бы ответить так, как это выражено в суждении
Обведите кружком цифру – 2	Если Вы <i>не согласны</i> с тем, что Вы могли бы ответить так, как это выражено в суждении
Обведите кружком цифру – 1	Если Вы <i>скорее не согласны, чем согласны</i> с тем, что Вы могли бы ответить так, как это выражено в суждении
Обведите кружком цифру + 1	Если Вы <i>скорее согласны, чем не согласны</i> с тем, что Вы могли бы ответить так, как это выражено в суждении
Обведите кружком цифру + 2	Если Вы <i>согласны</i> с тем, что Вы могли бы ответить так, как это выражено в суждении
Обведите кружком цифру + 3	Если Вы <i>полностью согласны</i> с тем, что Вы могли бы ответить так, как это выражено в суждении

Например, рассмотрим суждение № 2:

«Я готова отвечать на каждый вопрос так искренне, как только возможно».

В какой степени Вы сами могли бы ответить сходным образом?

Если Вы *согласны* с тем, что Вы могли бы ответить так же, Вам нужно обвести кружком цифру + 2 на бланке для ответов:

–3	–2	–1	+1	+2	+3
----	----	----	----	-----------	----

Нет правильных или ошибочных ответов, и нет хитрых или шуточных суждений. Работайте быстро и не думайте долго о точном значении суждений.

Когда закончите работу, проверьте, пожалуйста, ответили ли Вы на все вопросы.

Вариант для представителей удмуртского этноса

1. Я уверена, что я более гостеприимна в общении с удмуртами, чем с людьми других национальностей.
2. Мое знание удмуртских обрядов может производить впечатление на моих удмуртских друзей в большей степени, чем на моих друзей других национальностей.
3. Я уверена, что для работы я возьму в помощники скорее удмурта, чем человека другой национальности.
4. Я могу доверять удмуртским друзьям больше, чем друзьям других национальностей.
5. Мое знание удмуртских песен может заинтересовать скорее моих удмуртских друзей, чем моих друзей других национальностей.
6. Я уверена, что я понимаю удмуртов лучше, чем людей других национальностей.
7. Удмуртская история вызывает у меня больший интерес, чем история других народов.
8. Можно понять удмурта, которому удмуртские обряды ближе, чем обряды других народов.
9. Можно понять удмурта, у которого стремление познать историю удмуртского народа преобладает над стремлением познать историю других народов.
10. Мое знание удмуртских традиций может произвести большее впечатление на моих удмуртских знакомых, чем на моих знакомых других национальностей.
11. Мое участие в удмуртских национальных праздниках может служить примером скорее для моих удмуртских знакомых, чем для знакомых других национальностей.
12. Удмуртские народные сказки вызывают у меня больший интерес, чем сказки других народов.
13. Я способна убедить удмурта быстрее, чем человека другой национальности.
14. Можно понять удмурта, для которого удмуртская культура более значима, чем другие культуры.
15. Мои представления об удмуртской истории могут произвести большее впечатление на моих удмуртских друзей, чем на моих друзей других национальностей.
16. Можно понять удмурта, который предпочитает удмуртские песни песням, исполняемым на другом языке.
17. Блюда удмуртской национальной кухни кажутся мне более вкусными, чем блюда какой-либо другой национальной кухни.
18. Удмуртские песни вызывают у меня больший интерес, чем песни, исполняемые на другом языке.
19. Можно понять удмурта, который участвует скорее в удмуртских национальных праздниках, чем в национальных праздниках других народов.
20. Удмуртская национальная культура интересует меня в большей степени, чем другие национальные культуры.

Вариант для представителей русского этноса

1. Я уверена, что я более гостеприимна в общении с русскими, чем с людьми других национальностей.
2. Мое знание русских обрядов может производить впечатление на моих русских друзей в большей степени, чем на моих друзей других национальностей.
3. Я уверена, что для работы я возьму в помощники скорее русского, чем человека другой национальности.
4. Я могу доверять русским друзьям больше, чем друзьям других национальностей.
5. Мое знание русских песен может заинтересовать скорее моих русских друзей, чем моих друзей других национальностей.
6. Я уверена, что я понимаю русских лучше, чем людей других национальностей.
7. Русская история вызывает у меня больший интерес, чем история других народов.
8. Можно понять русского, которому русские обряды ближе, чем обряды других народов.
9. Можно понять русского, у которого стремление познать историю русского народа преобладает над стремлением познать историю других народов.
10. Мое знание русских традиций может произвести большее впечатление на моих русских знакомых, чем на моих знакомых других национальностей.
11. Мое участие в русских национальных праздниках может служить примером скорее для моих русских знакомых, чем для знакомых других национальностей.
12. Русские народные сказки вызывают у меня больший интерес, чем сказки других народов.
13. Я способна убедить русского быстрее, чем человека другой национальности.
14. Можно понять русского, для которого русская культура более значима, чем другие культуры.
15. Мои представления о русской истории могут произвести большее впечатление на моих русских друзей, чем на моих друзей других национальностей.
16. Можно понять русского, который предпочитает русские песни песням, исполняемым на другом языке.
17. Блюда русской национальной кухни кажутся мне более вкусными, чем блюда какой-либо другой национальной кухни.
18. Русские песни вызывают у меня больший интерес, чем песни, исполняемые на другом языке.
19. Можно понять русского, который участвует скорее в русских национальных праздниках, чем в национальных праздниках других народов.
20. Русская национальная культура интересует меня в большей степени, чем другие национальные культуры.

Бланк ответов

Фамилия, имя _____

Год рождения _____

Пол (М/Ж) _____

Национальность _____

Факультет _____

Курс _____

Группа _____

Дата (число, месяц, год) _____

1.	-3 -2 -1 +1 +2 +3
2.	-3 -2 -1 +1 +2 +3
3.	-3 -2 -1 +1 +2 +3
4.	-3 -2 -1 +1 +2 +3
5.	-3 -2 -1 +1 +2 +3
6.	-3 -2 -1 +1 +2 +3
7.	-3 -2 -1 +1 +2 +3

**ПО КАЖДОМУ СУЖДЕНИЮ ОБВЕДИТЕ КРУЖКОМ
ТОЛЬКО ОДНУ ЦИФРУ**

8.	-3 -2 -1 +1 +2 +3
9.	-3 -2 -1 +1 +2 +3
10.	-3 -2 -1 +1 +2 +3
11.	-3 -2 -1 +1 +2 +3
12.	-3 -2 -1 +1 +2 +3

13.	-3 -2 -1 +1 +2 +3
14.	-3 -2 -1 +1 +2 +3
15.	-3 -2 -1 +1 +2 +3
16.	-3 -2 -1 +1 +2 +3
17.	-3 -2 -1 +1 +2 +3

18.	-3 -2 -1 +1 +2 +3
19.	-3 -2 -1 +1 +2 +3
20.	-3 -2 -1 +1 +2 +3
21.	-3 -2 -1 +1 +2 +3
22.	-3 -2 -1 +1 +2 +3

*Пожалуйста, убедитесь,
что Вы обвели кружком ответ по каждому суждению*

Перевод ответов участников исследования в сырые баллы

Ответы участников исследования		
Первоначально	Их значения	В сырых баллах
–3	Совершенно не согласен	1
–2	Не согласен	2
–1	Скорее не согласен, чем согласен	3
+1	Скорее согласен, чем не согласен	4
+2	Согласен	5
+3	Полностью согласен	6

Ключ

1.	Я–Авторское	1	3	4	6	13
2.	Я–Воплощенное	2	5	10	11	15
3.	Я–Превращенное	8	9	14	16	19
4.	Я–Вторящее	7	12	17	18	20

Конструктивная валидность

Итоги факторного анализа пунктов вопросника приведены в табл. 23.

Таблица 23. Факторное отображение пунктов Пермского вопросника этнического Я

Субмодальности Я и их пункты	Компоненты после ротации			
	I	II	III	IV
<i>Я–Авторское</i>				
1. Я уверена, что я более гостеприимна в общении с русскими, чем с людьми других национальностей	.66			
3. Я уверена, что для работы я возьму в помощники скорее русского, чем человека другой национальности	.74			
4. Я могу доверять русским друзьям больше, чем друзьям других национальностей	.77			
6. Я уверена, что я понимаю русских лучше, чем людей других национальностей	.59			
13. Я способна убедить русского быстрее, чем человека другой национальности	.68			
<i>Я–Воплощенное</i>				
2. Мое знание русских обрядов может производить впечатление на моих русских друзей в большей степени, чем на моих друзей других национальностей			.72	
5. Мое знание русских песен может заинтересовать скорее моих русских друзей, чем моих друзей других национальностей			.72	
10. Мое знание русских традиций может произвести большее впечатление на моих русских знакомых, чем на моих знакомых других национальностей			.77	
11. Мое участие в русских национальных праздниках может служить примером скорее для моих русских знакомых, чем для знакомых других национальностей			.58	
15. Мои представления о русской истории могут произвести большее впечатление на моих русских друзей, чем на моих друзей других национальностей			.59	

Таблица 23 (продолжение).

Субмодальности Я и их пункты	Компоненты после ротации			
	I	II	III	IV
<i>Я–Превращенное</i>				
8. Можно понять русского, которому русские обряды ближе, чем обряды других народов		.79		
9. Можно понять русского, у которого стремление познать историю русского народа преобладает над стремлением познать историю других народов		.64		
14. Можно понять русского, для которого русская культура более значима, чем другие культуры		.73		
16. Можно понять русского, который предпочитает русские песни песням, исполняемым на другом языке		.70		
19. Можно понять русского, который участвует скорее в русских национальных праздниках, чем в национальных праздниках других народов		.73		
<i>Я–Вторящее</i>				
7. Русская история вызывает у меня больший интерес, чем история других народов				.75
12. Русские народные сказки вызывают у меня больший интерес, чем сказки других народов				.52
17. Блюда русской национальной кухни кажутся мне более вкусными, чем блюда какой-либо другой национальной кухни				.56
18. Русские песни вызывают у меня больший интерес, чем песни, исполняемые на другом языке				.64
20. Русская национальная культура интересует меня в большей степени, чем другие национальные культуры				.79
Собственные значения	6.38	2.13	1.49	1.34
Доля объяснимой дисперсии, %	31.91	10.63	7.46	6.71

Примечание. N = 248, незначимые факторные нагрузки опущены.

В результате факторного анализа пунктов Пермского вопросника этнического Я были выделены 4 компоненты, имеющие собственные значения > 1 и с общей долей объяснимой дисперсии 56.71%. В первую компоненту (31.91%) вошли пункты, относящиеся к субмодальности Я–Авторское (.59 ÷ .77). Поэтому данная компонента была названа «Я–

Авторское». Во вторую компоненту (10.63%) вошли пункты, относящиеся к субмодальности Я–Превращенное (.64 ÷ .79). Поэтому данная компонента была названа «Я–Превращенное». В третью компоненту (7.46%) вошли пункты, относящиеся к субмодальности Я–Воплощенное (.58 ÷ .77). Поэтому данная компонента была названа «Я–Воплощенное». В четвертую компоненту (6.71%) вошли пункты, относящиеся к субмодальности Я–Вторящее (.52 ÷ .79). Поэтому данная компонента была названа «Я–Вторящее».

Таким образом, пункты, соответствующие разным субмодальностям этнического Я, распались на 4 самостоятельные компоненты. Это значит, что Пермский вопросник этнического Я имеет конструктивную валидность.

Надежность

По шкале «Я–Авторское» средняя величина коэффициентов корреляций между ее пунктами была равна .40, коэффициент альфа Кронбаха – .76, стандартизированный коэффициент альфа – .77. Следовательно, пункты шкалы «Я–Авторское» обладали приемлемой надежностью.

По шкале «Я–Воплощенное» средняя величина коэффициентов корреляций между ее пунктами была равна .37, коэффициент альфа Кронбаха – .74, стандартизированный коэффициент альфа – .75. Следовательно, пункты шкалы «Я–Воплощенное» обладали приемлемой надежностью.

По шкале «Я–Превращенное» средняя величина коэффициентов корреляций между ее пунктами была равна .51, коэффициент альфа Кронбаха – .83, стандартизированный коэффициент альфа – .84. Следовательно, пункты шкалы «Я–Превращенное» обладали приемлемой надежностью.

По шкале «Я–Вторящее» средняя величина коэффициентов корреляций между ее пунктами была равна .48, коэффициент альфа Кронбаха – .82, стандартизированный коэффициент альфа – .82. Следовательно, пункты шкалы «Я–Вторящее» обладали приемлемой надежностью.

ИТОГИ ВЕРИФИКАЦИИ ВОПРОСНИКА МОТИВА СТРЕМЛЕНИЯ К ПРИНЯТИЮ

Конструктивная валидность

Факторный анализ пунктов вопросника мотива стремления к принятию проводился дважды. На первом шаге в факторный анализ включались все 30 пунктов. Были выделены после ротации 2 компоненты. В каждую компоненту со значимыми весами вошли по 6 пунктов, всего – 12 пунктов. На втором шаге в факторный анализ включались пункты, которые на первом шаге при факторном анализе имели значимые веса. Итоги факторного анализа 12 окончательных пунктов вопросника приведены в табл. 24.

При факторном анализе пунктов, относящихся к мотиву стремления к принятию, выделились 2 компоненты с общей долей объяснимой дисперсии 42.96%. В первую компоненту (28.26%) вошли 6 пунктов (.50 ÷ .79). Анализ содержания суждений в этих пунктах позволил обозначить эту компоненту как «Общительность» (например: «Я легко схожусь с людьми»). Во вторую компоненту (14.70%) также вошли 6 пунктов (.47 ÷ .67). Анализ содержания суждений в этих пунктах позволил обозначить ее как «Социальная близость» (например: «Если мне нужно принять важное решение, то я скорее посоветуюсь с друзьями, чем стану обдумывать его одна»).

Надежность

По шкале «Общительность» средняя величина коэффициентов корреляций между ее пунктами была равна .38, коэффициент альфа Кронбаха – .78, стандартизированный коэффициент альфа – .78. Следовательно, пункты шкалы «Общительность» обладали приемлемой надежностью.

Таблица 24. Факторное отображение пунктов Вопросника мотива стремления к принятию

Субмотивы и их пункты	Компоненты после ротации	
	I	II
<i>Общительность</i>		
1. Я легко схожусь с людьми (прямой пункт)	.50	
2. От хорошего фильма я получаю больше удовольствия, чем от большой компании (обратный пункт)	.72	
3. Я скорее предпочла бы провести свой отдых вдали от людей, чем на оживленном курорте (обратный пункт)	.63	
7. Я скорее прочту интересную книгу или схожу в кино, чем проведу время на вечеринке (обратный пункт)	.75	
9. Вечер, проведенный за любимым занятием, привлекает меня больше, чем оживленная вечеринка (обратный пункт)	.67	
12. Я люблю бывать в обществе и всегда рада провести время в веселой компании (прямой пункт)	.79	
<i>Социальная близость</i>		
4. Я думаю, что большинство людей славу и почет ценят выше дружбы (обратный пункт)		.47
5. Излишняя откровенность с друзьями может повредить (обратный пункт)		.67
6. Если мне нужно принять важное решение, то я скорее посоветуюсь с друзьями, чем стану обдумывать его одна (прямой пункт)		.48
8. Мне легче решить трудную проблему, когда я обдумываю ее одна, чем когда обсуждаю ее с другими (обратный пункт)		.65
10. Я избегаю слишком близких отношений с людьми, чтобы не потерять личную свободу (обратный пункт)		.58
11. Когда у меня плохое настроение, я скорее стараюсь не показывать своих чувств, чем пытаюсь с кем-нибудь поделиться (обратный пункт)		.67
Собственные значения	3.39	1.76
Доля объяснимой дисперсии, %	28.26	14.70

Примечание. N = 248, незначимые факторные нагрузки опущены.

По шкале «Социальная близость» средняя величина коэффициентов корреляций между ее пунктами была равна .23, коэффициент альфа Кронбаха

– .64, стандартизированный коэффициент альфа – .64. Следовательно, пункты шкалы «Социальная близость» обладали приемлемой надежностью.

Вопросник мотива стремления к принятию

Инструкция

Укажите, пожалуйста, в бланке ответов Вашу фамилию и имя, год рождения, пол, национальность, факультет, курс, на котором Вы учитесь, и группу. Затем впишите, какое сегодня число, месяц, год.

Прочтите утверждения вопросника и оцените степень своего согласия (или несогласия) с ними. Не тратьте времени на обдумывание ответов. Давайте тот ответ, который первым пришел Вам в голову. Каждое последующее утверждение читайте только после того, как Вы уже оценили предыдущее.

На бланке для ответов против номера обведите кружком цифру, соответствующую выбранному Вами ответу.

Обведите кружком цифру – 3	Если Вы совершенно не согласны с тем, что Вы могли бы ответить так, как это выражено в суждении
Обведите кружком цифру – 2	Если Вы не согласны с тем, что Вы могли бы ответить так, как это выражено в суждении
Обведите кружком цифру – 1	Если Вы скорее не согласны, чем согласны с тем, что Вы могли бы ответить так, как это выражено в суждении
Обведите кружком цифру 0	Если Вы нейтрально относитесь к данному суждению
Обведите кружком цифру + 1	Если Вы скорее согласны, чем не согласны с тем, что Вы могли бы ответить так, как это выражено в суждении
Обведите кружком цифру + 2	Если Вы согласны с тем, что Вы могли бы ответить так, как это выражено в суждении
Обведите кружком цифру + 3	Если Вы полностью согласны с тем, что Вы могли бы ответить так, как это выражено в суждении

Бланк ответов

Фамилия, имя _____ Год рождения _____ Пол (М/Ж) _____
 Национальность _____ Факультет _____ Курс _____
 Группа _____ Дата (число, месяц, год) _____

1. Я легко схожусь с людьми.	-3 -2 -1 0 +1 +2 +3
2. От хорошего фильма я получаю больше удовольствия, чем от большой компании.	-3 -2 -1 0 +1 +2 +3
3. Я скорее предпочла бы провести свой отдых вдали от людей, чем на оживленном курорте.	-3 -2 -1 0 +1 +2 +3
4. Я думаю, что большинство людей славу и почет ценят превыше дружбы.	-3 -2 -1 0 +1 +2 +3
5. Излишняя откровенность с друзьями может повредить.	-3 -2 -1 0 +1 +2 +3
6. Если мне нужно принять важное решение, то я скорее посоветуюсь с друзьями, чем стану обдумывать его одна.	-3 -2 -1 0 +1 +2 +3
7. Я скорее прочту интересную книгу или схожу в кино, чем проведу время на вечеринке.	-3 -2 -1 0 +1 +2 +3
8. Мне легче решить трудную проблему, когда я обдумываю ее одна, чем когда обсуждаю ее с другими.	-3 -2 -1 0 +1 +2 +3
9. Вечер, проведенный за любимым занятием, привлекает меня больше, чем оживленная вечеринка.	-3 -2 -1 0 +1 +2 +3
10. Я избегаю слишком близких отношений с людьми, чтобы не потерять личную свободу.	-3 -2 -1 0 +1 +2 +3
11. Когда у меня плохое настроение, я скорее стараюсь не показывать своих чувств, чем пытаюсь с кем-нибудь поделиться.	-3 -2 -1 0 +1 +2 +3
12. Я люблю бывать в обществе и всегда рада провести время в веселой компании.	-3 -2 -1 0 +1 +2 +3

*Пожалуйста, убедитесь,
 что Вы обвели кружком ответ по каждому суждению*

Ключ

1.	Общительность	+1	-2	-3	-7	-9	+12
2.	Социальная близость	-4	-5	+6	-8	-10	-11

Подсчет суммарного балла

По каждой из шкал подсчитывается суммарный балл. Используется следующая процедура. Ответам испытуемого на прямые пункты вопросника (отмечены знаком «+» в ключе) приписываются баллы на основе следующего соотношения:

-3 -2 -1 0 +1 +2 +3

1 2 3 4 5 6 7

Ответам испытуемого на обратные пункты вопросника (отмечены знаком «-» в ключе) приписываются баллы на основе соотношения:

-3 -2 -1 0 +1 +2 +3

7 6 5 4 3 2 1

ИТОГИ ВЕРИФИКАЦИИ ВОПРОСНИКА МОТИВА СТРАХА ОТВЕРЖЕНИЯ

Конструктивная валидность

Факторный анализ пунктов вопросника мотива страха отвержения проводился дважды. На первом шаге в факторный анализ включались все 32 пункта. Были выделены после ротации 2 компоненты. В первую компоненту со значимыми весами вошли 6 пунктов, во вторую – 5, всего – 11 пунктов. На втором шаге в факторный анализ включались пункты, которые на первом шаге при факторном анализе имели значимые веса. Итоги факторного анализа 11 окончательных пунктов вопросника приведены в табл. 25.

При факторном анализе пунктов, относящихся к мотиву страха отвержения, выделились 2 компоненты с общей долей объяснимой дисперсии 39.54%. В первую компоненту (27.40%) вошли 6 пунктов (.55 ÷ .70). Анализ содержания суждений в этих пунктах позволил обозначить ее как «Социальная робость» (например: «Если во время разговора я чего-то не понял, то лучше я это пропущу, чем прерву говорящего и попрошу повторить»). Во вторую компоненту (12.15%) вошли 5 пунктов (.47 ÷ .69). Анализ содержания суждений в этих пунктах позволил обозначить ее как «Боязнь оценки» (например: «Я стараюсь меньше общаться с людьми критического склада»).

Надежность

По шкале «Социальная робость» средняя величина коэффициентов корреляций между ее пунктами была равна .27, коэффициент альфа Кронбаха – .68, стандартизированный коэффициент альфа – .68. Следовательно, пункты шкалы «Социальная робость» обладали приемлемой надежностью.

По шкале «Боязнь оценки» средняя величина коэффициентов корреляций между ее пунктами была равна .24, коэффициент альфа Кронбаха – .61, стандартизированный коэффициент альфа – .61. Следовательно, пункты шкалы «Боязнь оценки» обладали приемлемой надежностью.

Таблица 25. Факторное отображение пунктов Вопросника мотива страха отвержения

Субмотивы и их пункты	Компоненты после ротации	
	I	II
<i>Социальная робость</i>		
2. Если во время разговора я чего-то не поняла, то лучше я это пропущу, чем прерву говорящего и попрошу повторить (прямой пункт)	.55	
3. Мне трудно говорить людям "нет" (прямой пункт)	.55	
8. Когда я должна за чем-либо обратиться к официальному лицу, я почти всегда жду, что мне откажут (прямой пункт)	.62	
9. Когда нужно попросить продавца показать понравившуюся мне вещь, я чувствую себя неуверенно (прямой пункт)	.64	
10. Если в транспорте я сижу, мне кажется, что люди смотрят на меня с укором (прямой пункт)	.57	
11. Я стесняюсь просить, чтобы вернули мою книгу или какую-то другую вещь, занятую у меня на время (прямой пункт)	.70	
<i>Боязнь оценки</i>		
1. Я стараюсь меньше общаться с людьми критического склада (прямой пункт)		.47
4. Если я не нравлюсь кому-то, то стараюсь избегать этого человека (прямой пункт)		.69
5. Всякий раз, когда я иду в незнакомое общество, я предпочитаю брать с собой подругу (друга) (прямой пункт)		.51
6. Я долго переживаю, если посторонний человек нелестно выразился в мой адрес (прямой пункт)		.67
7. Меня очень легко задеть, даже если это не заметно со стороны (прямой пункт)		.67
Собственные значения	3.01	1.33
Доля объяснимой дисперсии, %	27.40	12.15

Примечание. N = 248, незначимые факторные нагрузки опущены.

Вопросник мотива страха отвержения

Инструкция

Укажите, пожалуйста, в бланке ответов Вашу фамилию и имя, год рождения, пол, национальность, факультет, курс, на котором Вы учитесь, и группу. Затем впишите, какое сегодня число, месяц, год.

Прочтите утверждения вопросника и оцените степень своего согласия (или несогласия) с ними. Не тратьте времени на обдумывание ответов. Давайте тот ответ, который первым пришел Вам в голову. Каждое последующее утверждение читайте только после того, как Вы уже оценили предыдущее.

На бланке для ответов против номера обведите кружком цифру, соответствующую выбранному Вами ответу.

Обведите кружком цифру – 3	Если Вы <i>совершенно не согласны</i> с тем, что Вы могли бы ответить так, как это выражено в суждении
Обведите кружком цифру – 2	Если Вы <i>не согласны</i> с тем, что Вы могли бы ответить так, как это выражено в суждении
Обведите кружком цифру – 1	Если Вы <i>скорее не согласны, чем согласны</i> с тем, что Вы могли бы ответить так, как это выражено в суждении
Обведите кружком цифру 0	Если Вы <i>нейтрально относитесь</i> к данному суждению
Обведите кружком цифру + 1	Если Вы <i>скорее согласны, чем не согласны</i> с тем, что Вы могли бы ответить так, как это выражено в суждении
Обведите кружком цифру + 2	Если Вы <i>согласны</i> с тем, что Вы могли бы ответить так, как это выражено в суждении
Обведите кружком цифру + 3	Если Вы <i>полностью согласны</i> с тем, что Вы могли бы ответить так, как это выражено в суждении

Бланк ответов

Фамилия, имя _____ Год рождения _____ Пол (М/Ж) _____
 Национальность _____ Факультет _____ Курс _____
 Группа _____ Дата (число, месяц, год) _____

1. Я стараюсь меньше общаться с людьми критического склада.	-3 -2 -1 0 +1 +2 +3
2. Если во время разговора я чего-то не поняла, то лучше я это пропущу, чем прерву говорящего и попрошу повторить.	-3 -2 -1 0 +1 +2 +3
3. Мне трудно говорить людям "нет".	-3 -2 -1 0 +1 +2 +3
4. Если я не нравлюсь кому-то, то стараюсь избегать этого человека.	-3 -2 -1 0 +1 +2 +3
5. Всякий раз, когда я иду в незнакомое общество, я предпочитаю брать с собой подругу (друга).	-3 -2 -1 0 +1 +2 +3
6. Я долго переживаю, если посторонний человек нелестно выразился в мой адрес.	-3 -2 -1 0 +1 +2 +3
7. Меня очень легко задеть, даже если это не заметно со стороны.	-3 -2 -1 0 +1 +2 +3
8. Когда я должна за чем-либо обратиться к официальному лицу, я почти всегда жду, что мне откажут.	-3 -2 -1 0 +1 +2 +3
9. Когда нужно попросить продавца показать понравившуюся мне вещь, я чувствую себя неуверенно.	-3 -2 -1 0 +1 +2 +3
10. Если в транспорте я сижу, мне кажется, что люди смотрят на меня с укором.	-3 -2 -1 0 +1 +2 +3
11. Я стесняюсь просить, чтобы вернули мою книгу или какую-то другую вещь, занятую у меня на время.	-3 -2 -1 0 +1 +2 +3

*Пожалуйста, убедитесь,
 что Вы обвели кружком ответ по каждому суждению*

Ключ

1.	Социальная робость	+2	+3	+8	+9	+10	+11
2.	Боязнь оценки	+1	+4	+5	+6	+7	

Подсчет суммарного балла

По каждой из шкал подсчитывается суммарный балл. Используется следующая процедура. Ответам участников исследования приписываются баллы на основе следующего соотношения:

–3 –2 –1 0 +1 +2 +3

1 2 3 4 5 6 7

ИТОГИ ВЕРИФИКАЦИИ ВОПРОСНИКА ЭТНИЧЕСКОЙ АФФИЛИАЦИИ

Конструктивная валидность

Факторный анализ пунктов вопросника этнической аффилиации проводился дважды. На первом шаге в факторный анализ включались все 18 пунктов. Были выделены после ротации 2 компоненты. В каждую компоненту со значимыми весами вошли по 6 пунктов, всего – 12 пунктов. На втором шаге в факторный анализ включались пункты, которые на первом шаге при факторном анализе имели значимые веса. Итоги факторного анализа 12 окончательных пунктов вопросника приведены в табл. 26.

При факторном анализе пунктов выделились 2 компоненты с общей долей объяснимой дисперсии 29.06%. В первую компоненту (17.28%) вошли 6 пунктов, относящихся к мотиву этнического слияния ($.40 \div .72$). Поэтому данная компонента была названа «Этническое слияние». Во вторую компоненту (11.79%) вошли 6 пунктов, относящихся к мотиву этнического обособления ($.37 \div .52$). Поэтому данная компонента была названа «Этническое обособление».

Надежность

По шкале «Этническое слияние» средняя величина коэффициентов корреляций между ее пунктами была равна .18, коэффициент альфа Кронбаха – .55, стандартизированный коэффициент альфа – .57. Следовательно, пункты шкалы «Этническое слияние» обладали не совсем приемлемой надежностью.

По шкале «Этническое обособление» средняя величина коэффициентов корреляций между ее пунктами была равна .03, коэффициент альфа Кронбаха – .19, стандартизированный коэффициент альфа – .17. Следовательно, пункты шкалы «Этническое обособление» обладали недостаточной надежностью.

Таблица 26. Факторное отображение пунктов Вопросника этнической аффилиации

Этноаффилиативные мотивы и их пункты	Компоненты после ротации	
	I	II
<i>Этническое слияние</i>		
1. Надо стремиться поддерживать обычаи, традиции и образ жизни своего народа	.53	
4. Каждый человек несет в себе долю вины за ошибки, совершенные его народом	.40	
5. В жизни необходимо придерживаться норм и правил, выработанных в культуре своего народа	.60	
8. Человеку необходимо ощущать себя частью какого-либо народа	.50	
10. Человек всегда должен помнить о своей национальности	.49	
12. За национальностью человека всегда можно увидеть его народ	.72	
<i>Этническое обособление</i>		
2. В своих поступках следует руководствоваться скорее личными интересами, чем какими-либо другими, в том числе и национальными		.37
3. Взаимопонимание в семье совершенно не зависит от того, к какой национальности принадлежат члены этой семьи		-.51
6. В жизни необходимо жить своим умом без опоры на нормы и правила поведения, принятые у того или иного народа		.37
7. Взаимопонимание между народами не зависит от того, какую религию они исповедуют		-.47
9. Современному человеку не обязательно чувствовать себя частью какого-то народа		.52
11. Отдельный человек не может отвечать за дела своего народа		.42
Собственные значения	2.07	1.42
Доля объяснимой дисперсии, %	17.28	11.79

Примечание. N = 248, незначимые факторные нагрузки опущены.

Вопросник этнической аффилиации

Инструкция

Укажите, пожалуйста, в бланке ответов Вашу фамилию и имя, год рождения, пол, национальность, факультет, курс, на котором Вы учитесь, и группу. Затем впишите, какое сегодня число, месяц, год.

Прочтите утверждения вопросника и оцените степень своего согласия (или несогласия) с ними. Не тратьте времени на обдумывание ответов. Давайте тот ответ, который первым пришел Вам в голову. Каждое последующее утверждение читайте только после того, как Вы уже оценили предыдущее.

На бланке для ответов против каждого суждения обведите кружком цифру, соответствующую выбранному Вами ответу.

Обведите кружком цифру – 1	Если Вы <i>не согласны</i> с суждением
Обведите кружком цифру 0	Если Вы <i>затрудняетесь</i> дать однозначный ответ
Обведите кружком цифру +1	Если Вы <i>согласны</i> с суждением

Бланк ответов

Фамилия, имя _____ Год рождения _____ Пол (М/Ж) _____
 Национальность _____ Факультет _____ Курс _____
 Группа _____ Дата (число, месяц, год) _____

1.	Надо стремиться поддерживать обычаи, традиции и образ жизни своего народа.	-1	0	+1
2.	В своих поступках следует руководствоваться скорее личными интересами, чем какими-либо другими, в том числе и национальными.	-1	0	+1
3.	Взаимопонимание в семье совершенно не зависит от того, к какой национальности принадлежат члены этой семьи.	-1	0	+1
4.	Каждый человек несет в себе долю вины за ошибки, совершенные его народом.	-1	0	+1
5.	В жизни необходимо придерживаться норм и правил, выработанных в культуре своего народа.	-1	0	+1
6.	В жизни необходимо жить своим умом без опоры на нормы и правила поведения, принятые у того или иного народа.	-1	0	+1
7.	Взаимопонимание между народами не зависит от того, какую религию они исповедуют.	-1	0	+1
8.	Человеку необходимо ощущать себя частью какого-либо народа.	-1	0	+1
9.	Современному человеку не обязательно чувствовать себя частью какого-то народа.	-1	0	+1
10.	Человек всегда должен помнить о своей национальности.	-1	0	+1
11.	Отдельный человек не может отвечать за дела своего народа.	-1	0	+1
12.	За национальностью человека всегда можно увидеть его народ.	-1	0	+1

*Пожалуйста, убедитесь,
 что Вы обвели кружком ответ по каждому суждению*

Перевод ответов участников исследования в сырые баллы

Ответы участников исследования		
Первоначально	Их значения	В сырых баллах
–1	Не согласен	0
0	Затрудняюсь ответить	1
+1	Согласен	2

Ключ

1.	Этническое слияние	1	4	5	8	10	12
2.	Этническое обособление	2	3	6	7	9	11